

**ДУХОВНЫЙ
МИР ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II
И ЕГО СЕМЬИ**

**ДУХОВНЫЙ МИР
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II
И ЕГО СЕМЬИ**

**Настоящее издание выходит в рамках
исторического проекта «Летопись»,
организованного по благословению Святейшего
Патриарха Московского и всея Руси Алексия II
и продолжающего работу по благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Кирилла**

К.Г. Капков

**ДУХОВНЫЙ
МИР ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II
И ЕГО СЕМЬИ**

Москва

2018

*К 100-летию
мученического
подвига Царской
семьи*

Радиостанция
«ВЕРА»

Церковно-исторический
проект «Летопись»,
Москва

*Данная работа была написана
благодаря всесторонней
помощи моих друзей супругов
протоиерея Александра
Евгеньевича Деревянко и Елены
Федоровны Деревянко, а также
поддержке монахини Иулиании
(Колмыковой) и любви дочерей
Алисы, Эмили, Христины*

*Автор выражает сердечную
благодарность за помощь
в работе сотрудникам
и попечителям радио «ВЕРА»*

ББК 63.3 (2) 53
УДК 94 (47+57) "18/19" (092)
К 20

Капков К. Г.

К 20 Духовный мир Императора Николая II и его Семьи. М.: «Летопись», 2018. — 3-е изд. — 352 с. — ил.

В книге известного историка Константина Геннадиевича Капкова впервые подробно рассмотрены различные аспекты религиозной жизни последней Царской семьи вплоть до ее мученической кончины, а также вопросы, связанные с отречением Государя от Престола в марте 1917 года. Исследование построено на эпистолярных, мемуарных и архивных источниках и содержит большое количество иллюстраций. Работа рассчитана на широкий круг читателей, как специалистов, так и знакомящихся с царской темой впервые.

ББК 63.3 (2) 53
ISBN 978-5-9906830-2-0

Фразы, выделенные в цитатах полужирным шрифтом или курсивом, а также ссылки внутри цитат, сделаны К. Г. Капковым, если это не оговорено особо. При первом упоминании персоналий указывается имя, отчество и фамилия, в дальнейшем, как правило, только имя и фамилия.

© К. Г. Капков, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	10
Молитвенная, постовая и евхаристическая дисциплина Императорской четы	12
Любимые храмы	47
Духовное становление Венценосцев...	76
В заключении	122
— В Царском Селе.....	122
— В Тобольске.....	143
— В Екатеринбурге.....	200
Царь и пророчества о нем	235
Приложение I.....	246
— Литургический статус Царя.....	246
— Отречение или смиренномудрие?.....	254
— Здоровье Императрицы.....	280
— Послесловие.....	308
Примечания.....	316
Приложение II.....	334
— Дни принятия Государем Святых Христовых Тайн, 1896–1918 гг.....	334
— Памятные даты.....	338
Список сокращений	343
Источники иллюстраций	344
Библиография автора	346
SUMMARY.....	348

У нас Белый царь — над царями царь.
Почему ж Белый царь над царями царь?
Он держит веру крещеную,
Веру крещеную, богомольную,
Стоит за веру христианскую,
За дом Пречистая Богородицы, —
Потому Белый царь над царями царь'.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2016 году издательством «Летопись» была выпущена книга-альбом «Царский выбор», рассказывающая о духовной жизни Императорской семьи, царских духовниках и убийстве Венценосцев². Эта работа получила весьма высокую оценку в церковном мире у читателей разного возраста, образования, взглядов на историю.

Ныне, к 100-летию мученической кончины Венценосцев, мы представляем новый труд, посвященный духовной жизни Семьи Государя Николая II.

По сравнению с предыдущим изданием, опущены разделы о царских духовниках и убийстве Императорской семьи, но добавлены новые главы и иллюстрации, рассказывающие непосредственно о духовной жизни Царственных страстотерпцев.

Данная работа была поддержана представителями разных епархий в России, Белоруссии и на Украине, а также Елисаветенско-Сергиевским просветительским обществом. Идея создания книги зародилась в Ливадийской Крестовоздвиженской церкви — бывшем придворном храме Царского имения «Ливадия» — особом месте для всех почитающих святую Семью. В Крестовоздвиженской церкви этот труд получил благословение старца схиархимандрита Илия, духовника Патриарха Московского и всея Руси.

МОЛИТВЕННАЯ, ПОСТОВАЯ И ЕВХАРИСТИЧЕСКАЯ ДИСЦИПЛИНА ИМПЕРАТОРСКОЙ ЧЕТЫ

С самого раннего возраста будущий Государь Николай II регулярно посещал церковные службы. В младенчестве он был в церкви на руках матери или няньки, а в отрочестве находился в храме все положенное богослужebное время наравне со взрослыми. В Императорской династии это было принято как общее правило. Императрица Александра Федоровна приносила в церковь первенцев практически с рождения, чтобы они, в том числе привыкали к церковному пению³.

Изучение дневников Государя позволяет констатировать следующий порядок посещений им церковных богослужений со времени восшествия на Престол. Император практически всегда бывал на литургии (обедне) в воскресные дни. Так, во время поездки по прифронтовой полосе

11 сентября 1916 года, Император в дневнике отметил: «Необычное для меня воскресенье без обеда»⁴. Пропуски воскресных служб были крайне редки. Они случались в дороге или по болезни. Например, в октябре 1900 года Государь заболел в Ливадии, а выздоровел к началу декабря. После этого в декабре он слушал службы через открытую дверь из бывшего кабинета Императора Александра III, располагавшегося рядом с алтарем дворцовой церкви. Тогда в дневнике Государь записал: «Такое утешение быть у службы после 5 недель»; и еще через несколько дней: «С такой радостью снова помолился у обеда»⁵.

В начале царствования Император редко посещал всеобщие накануне воскресных дней, но позднее сделал это для себя практически обязательным правилом.

Государь с Семейей всегда присутствовал на рождественских службах и всегда посещал полный интенсивный цикл богослужений на первой и последней неделях Великого поста. Также, разумеется, всегда был на пасхальной службе и, кроме того, на литургии в первый день Светлой седмицы.

Можно заметить, что ежегодно в первые два дня Пасхи Царственные супруги христосовались *со всеми* служащими своего дворца и другими чинами, находившимися в то время рядом, а также с членами депутатий от волостных старшин и старообрядцев. Государь христосовался с мужчинами, Государыня — с женщинами, а мужчины целовали Царице руку. (Количество лиц, приносивших поздравления, было весьма значительно. Например, в 1914 году в Ливадии в первый день Пасхи, 6 апреля, Царскую семью всеподданнейше поздравили 525 чинов, а во второй день — 893. В 1916 году, в первый день Пасхи, 10 апреля, Ее Величеству поднесли поздравления 754 служащих, в основном Придворного ведомства. Во второй день Государыню всеподданнейше поздравили 576 чинов⁶.)

На праздник Богоявления из Императорского Зимнего дворца совершались торжественные выходы на Иордань, устроенную на Неве. Царскую семью сопровождал сонм столичного духовенства, которое возглавлял санкт-петербургский митрополит. При погружении креста в воду производился пушечный салют, святой водой окроплялись все чины, а также знамена и штандарты. Митрополит подносил Государю чашу со святой водой, а Император окроплял себя сам, как принято между священнослужителями².

Теперь скажем о посещении Государем церковных служб во все двенадцатые, некоторые Великие праздники и дни своего тезоименитства (память святителя Николая Чудотворца) в период 1896–1918 годов, то есть за 22 года с начала царствования. Наиболее посещаемыми Императором праздниками в порядке богослужебного годового круга были:

- Рождество Пресвятой Богородицы, 8 сентября (посетил богослужение 17 раз);
- Воздвижение Креста Господня, 14 сентября (был на службе 19 раз);
- Покров Пресвятой Богородицы, 1 октября (был на службе 15 раз);
- Введение во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября (был на службе 17 раз);
- память святителя Николая Чудотворца, 6 декабря (был на службе ежегодно);
- Рождество Христово, 25 декабря (был на службе ежегодно);
- Сретение Господне, 2 февраля (был на службе 20 раз);
- Благовещение Пресвятой Богородицы, 25 марта (был на молитве каждый год);
- память святителя Николая Чудотворца, 9 мая (был на службе 17 раз);

Приветствие перед богослужением: взаимное целование рук Императрицы и архиерея. В наше время так встречают друг друга только священнослужители. Фотоателье «К. Е. фон Ган и К^о»

Государь христосуется с офицерами
во 2-й день Пасхи в Итальянском
дворике Ливадийского дворца.
7 апреля 1914. (На последующих
шести илл. это же место и время.)

Государь христосуется
с солдатами

- Пасха Господня (был на службе ежегодно);
- Вознесение Господне (был всегда, кроме 1918 года);
- Пресвятой Троицы (был всегда, кроме 1916 года);
- Преображение Господне, 6 августа (был всегда, кроме 1917 года).

Редко Император присутствовал в церкви на празднике Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа — 7 раз (одно из посещений пришлось на воскресный день).

Неясно почему, но Государь игнорировал один праздник: святых апостолов Петра и Павла, 29 июня. За время своего царствования в этот день он посетил церковь всего три раза, причем в те дни, когда праздник попадал на воскресный день. То есть Царь приходил, прежде всего, на воскресную службу, а специально на богослужении в честь святых апостолов за время царствования Государь не был ни разу.

При этом вторым по значимости храмом в Придворном ведомстве в Санкт-Петербурге (после Императорского собора Зимнего дворца) был Петропавловский собор — усыпальница дома Романовых, где похоронены все российские Цари, начиная с Императора Петра I (кроме Императора Петра II, скончавшегося в Москве). Заметим, что в письме к Государю от 2 июня 1916 года Императрица сказала: «О, как холодна эта усыпальница! В ней трудно молиться, совершенно не чувствуешь, что находишься в церкви»⁹.

Далее можно отметить, что некоторые двенадцатые праздники совпадали с днями полковых праздников, на которых было принято присутствие Государя, иногда с супругой. Так праздник Благовещения Господня был полковым праздником лейб-гвардии Конного полка, Вознесения Господня — праздником лейб-гвардии Уланского Ея Величества полка, Пресвятой Троицы — праздником лейб-гвардии Измайловского полка и лейб-гвардии Саперного батальона, Преображения Господня — праздником лейб-гвардии Пре-

ображенского полка, Введения во храм Пресвятой Богородицы — праздником лейб-гвардии Семеновского полка, память святителя Николая Чудотворца 9 мая — праздником лейб-гвардии Кирасирского Ея Величества полка.

Во время смотров некоторых названных полков служились обедня и молебен (на Троицу — обедня и вечерня), после чего совершался парад. Иногда же служился только молебен.

Помимо названных памятных дней, Государь часто бывал на различных храмовых праздниках, юбилеях и торжествах, как правило, с супругой, где практически всегда совершался молебен, а также присутствовал на закладках и освящениях церквей, прежде всего военных.

В Императорской семье было принято служить молебен на свой отъезд или возвращение домой. Кроме того, Семья посещала литургии, молебны на именины и дни рождения детей, а также юбилеи Священного Коронавания Их Императорских Величеств.

Государь старался быть на литургии и в день своего рождения 6 мая, слушать обедни в годовщины своей помолвки и свадьбы. Нередко Император бывал на панихидах по разным случаям. Таким образом, жизнь Государя и его Семьи была постоянно сопряжена с церковной молитвой, пронизана ею.

Из всех богослужений Император Николай II более всего любил молиться за «преждеосвященной обедней», что отмечено в его дневнике¹⁰.

Субботние всенощные при Дворе начинались в 18-30 — 19-00, а литургии довольно поздно: в 11-00 — 11-30. Иногда до обедни Государь шел на охоту, гулял или работал в кабинете, принимал доклады разных лиц и депутации. Из-за этого Государь несколько раз за время царствования опаздывал в церковь.

Государь христосуется с офицерами
Собственного Его Величества
конвоя

Государь христосуется с морскими
офицерами

Государь христосуется
с придворными

Великие княжны Татьяна Николаевна
и Мария Николаевна дарят
ученикам пасхальные яйца

Особо можно сказать о продолжительности служб. На Руси с давних пор был принят из Палестины древний, так называемый Студийский устав, определяющий круг церковных богослужений и постовую дисциплину. Устав этот составлялся для монастырей, где продолжительные службы и длительные суровые посты естественно вписываются в жизнь отрешившегося от мира инока. В приходах надо было опускать или сокращать некоторые службы, иначе бы мирянам оставалось мало времени на работу и семейный быт. Но, к сожалению, единого правила, как и что сокращать, так называемого приходского устава, не выработано в России до сих пор. Для Придворного ведомства в XIX веке такой устав был составлен. И хотя всенощные и литургии при Дворе продолжались, как правило, всего 1 час, максимум — 1 час 20 минут, эти богослужения всегда отличались особенной стройностью, красотой и благолепием.

На архиерейских службах Император бывал редко и практически всегда по необходимости, согласно принятым церемониалам. Единственный раз, когда Государь по отношению к богослужению употребил в дневнике несколько негативный и раздраженный оттенок («отстояли»), касался архиерейской обедни в Воронеже в 1914 год¹¹. Саркастические нотки об архиерейской службе чувствуются и в письме Великой княжны Ольги Николаевны о посещении Великого Новгорода в декабре 1916 года: «В Софийском соборе простояли 2-часовую обедню, архиерейскую конечно. <...> Еп. Алексей [Симанский, будущий патриарх. — *К.К.*] воображал себя красавцем и делал подобающее выражение умильно-масленистое»¹².

Далее скажем, что Императорская семья соблюдала утреннее и вечернее молитвенное правило. Так, 2 октября 1915 года Императрица писала мужу в Ставку: «Ах, как вас обоих [Государя и Цесаревича Алексея. — *К.К.*]

мне недостает! В час, когда он [Цесаревич] обыкновенно молится, я не выдержала, расплакалась, а затем убежала в свою комнату и там прочла все его молитвы на случай, если бы он забыл их прочитать. Прошу тебя, каждый день спрашивай его, не забывает ли он молиться?»¹³. 6 октября Государь отвечал Императрице: «Я молюсь с ним каждый вечер. <...> Он слишком быстро читает молитвы, и его трудно остановить»¹⁴. 5 декабря 1916 года, будучи в Штабе, Император записал в дневнике: «Помолившись с Алексеем, уложил его спать»¹⁵.

Учитель Цесаревича Чарльз Сидней Гиббс сообщает, что «в Царском Селе каждый вечер, когда Цесаревич был уже в постели [и был готов заснуть. — К.К.], Императрица читала с ним вечерние молитвы. В Могилеве Его Величество продолжил этот обычай. Несмотря на то что его осаждали посетители, он на время пренебрегал своими обязанностями и ускользал из кабинета»¹⁶.

Вместе с вечерней молитвой Императрица иногда читала Библию¹⁷. Здесь же отметим, что Императрица вообще регулярно читала Библию, что соответствует протестантской традиции, в которой она была воспитана. Есть личные свидетельства Императрицы и о ее келейных чтениях акафистов (например, иконе Божией Матери «Казанская») ¹⁸.

В воспоминаниях военного писателя Дмитрия Николаевича Дубенского, бывшего в свите Императора, отражен рассказ камердинера Государя о том, как ночью с 1-го на 2-е марта 1917 года келейно молился Царь. Камердинер говорил: «Его Величество **всегда подолгу молятся у своей кровати**¹⁹, подолгу стоят на коленях, целуют все образки, что висят у них над головой, а тут и совсем продолжительно молились. Портрет наследника взяли, целовали его и, надо полагать, много слез в эту ночь пролили. Я заметил все это»²⁰.

Императрица Александра Федоровна и Великая княжна Ольга Николаевна дарят пасхальные яйца ученицам гимназий

Молебен на плацу перед казармами по случаю праздника Собственного Его Величества конвоя. Императрица Александра Федоровна прикладывается ко кресту. Ливадия. 4 октября 1913

Спальня Императора

Николая II и его супруги в Александровском дворце. Фото 1930-х гг. (Возможно, некоторые иконы были расположены здесь после 1917 года.)

Опочивальня Их Императорских Величеств в Ливадийском дворце. Период 1910–1911.

Мы видим довольно простую обстановку. Иконы частью развешаны на стене, частью стоят в нишах и на полочках. Справа на полке расположены маленькие иконки (видны на фото, как небольшие черные точки), вверху по центру над кроватью нижний край Распятя

В 1919 году, давая показания следствию Соколова, камердинер Терентий Иванович Чемодуров, в частности, отметил, что «никто из членов [Царской] семьи не садился за стол без молитвы»²¹. Охранник Ипатьевского дома Филипп Полиевктович Проскураков свидетельствовал, что у Царской семьи утром «была общая молитва. Они все собирались в одну комнату и пели там молитвы»²².

В личных покоях Императорской четы всегда было много икон. Так Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Обстановка спальни [Александровского дворца], три стены, полные образов от потолка до полу, лампадки, моельня, какое-то капище со всеми атрибутами православия при полном отсутствии души»²³. Мнение об отсутствии у Императрицы души оставим на совести Великого князя — нам важно его свидетельство об убранстве спальни.

Александровский дворец открылся в качестве музея уже в июне 1918 года, когда его хозяева находились в Ипатьевском доме. По свидетельству очевидцев, интерьеры дворца «поражали не роскошью, а скорее необычайной простотой. <...> Проходя по анфиладам комнат <...> посетители не могли избавиться от странного ощущения, что Николай II не был деспотичным правителем, как его расписывали, а обыкновенным человеком, семьянином, у которого в кабинете и библиотеке <...> повсюду были расставлены фотографии его детей в разном возрасте, от младенчества и до совершеннолетия. <...> “Святая святых” [имеется в виду кабинет Императора. — К.К.] <...> выглядела в высшей степени непритязательно, по-домашнему просто и была окутана духом чадолюбия. <...> Личные покои Царя и Царицы, состоящие из соединенных между собой отдельных комнат, были еще одним свидетельством <...> взаимной любви друг к другу, любви к своим детям и глубокой христианской веры. Их спальня <...>

была больше похожа на русский православный храм, чем на будуар, так много икон было там. Две скромные железные кровати, [сдвинутые вместе] которые можно увидеть во “второразрядной гостинице”, по наблюдению одного американского посетителя в 1934 году. <...> А вся стена от пола до потолка была увешена образами, распятиями и “простенькими, дешевыми иконками в убогих жестяных окладах”²⁴. <...> [В комнатах Великих княжон] иконки, недорогие гравюры и фотографии на религиозные темы. На тумбочках у кроватей лежат Евангелие и молитвенники, вместо обычных девичьих безделушек поставлены распятия и свечи»²⁵.

О комнатах Великих княжон и Наследника оставил воспоминание протоиерей Афанасий Иванович Беляев²⁶, служивший в Александровском дворце в первой половине 1917 года: «Я надел епитрахиль, взял в руки крест и Евангелие, и за скороходом, указывающим путь, пошел наверх, в комнаты детей. Какие удивительные по-христиански убранные комнаты. У каждой княжны в углу комнаты устроен настоящий иконостас, наполненный множеством икон разных размеров с изображением чтимых особенно святых угодников. Перед иконостасом складной налой, покрытый пеленой в виде полотенца, на нем положены молитвенники и богослужебные книги, а также Св. Евангелие и Крест. Убранство комнат и вся их обстановка представляют собой невинное, не знающее житейской грязи, чистое, непорочное детство»²⁷.

В 1923 году заведующий Ливадийским дворцом «с ужасом» констатировал: «Спальня царская и детей обвешаны десятками картин религиозного содержания <...> и всюду божницы, божницы с десятками икон в спальнях, в ванных... Вы живо чувствуете прошлое и предстоящее России будущее, если бы не началась война и революция...»²⁸.

Заметим, что интерьеры Ливадийского дворца, как и Александровского, не ослепляли роскошью. И в наши дни, посещая дворец, складывается ощущение тепла, уюта, представление о скромности его бывших обитателей.

Далее отметим следующий момент. Государь Николай II в продолжение царствования (особенно в период празднования 300-летия династии) подчеркивал преемственность, единство Императорской России с древней Русью, с родоначальниками династии. Вероятно, в честь Царя Алексея Михайловича Император назвал своего сына. Поэтому, полагаем, любопытно сравнить богослужения при Государе Алексее Михайловиче со временами последнего Императора.

Историк древней Руси Иван Егорович Забелин пишет: «Поздоровавшись с боярами, поговорив о делах, государь [Алексей Михайлович] в сопровождении всего собравшегося синклита шествовал часу в девятом к поздней обедне в одну из придворных церквей. Если же тот день был праздничный, то выход делался в собор, или к празднику, т.е. в храм или монастырь, сооруженный в память празднуемого святого. В общие церковные праздники и торжества государь всегда присутствовал при всех обрядах и церемониях. Поэтому и выходы в этих случаях бывали гораздо великолепнее, торжественнее. Обедня продолжалась часа два. В удобное время и здесь государь принимал от думных людей доклады, разговаривал о делах с боярами, отдавал приказания. Бояре также рассуждали между собой, как будто бы они находились в Думе. При всем том едва ли кто был так привержен к богомолью и к исполнению всех церковных обрядов, служб, молитв, как цари. <..> [Царь Алексей Михайлович] в пост стоял в церкви часов по пяти или шести сряду, клал иногда по тысяче земных поклонов, а в большие праздники по полутора тысячи»²⁹.

Как видим, разница по времени богослужений значительная. Время молитвословий при дворе в XVII — начале XX века неуклонно уменьшалось. При этом можно полагать: Император Николай II имел мысль, что лучше короткая служба, посвященная только молитве, чем продолжительная с «приемом докладов».

Теперь перейдем к вопросу о посте.

Тот же Забелин пишет, что в XVII веке «в домашней жизни цари представляли образец умеренности и простоты. <...> К столу царя Алексея Михайловича подавали всегда самые простые блюда, ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага, или легкое пиво с коричневым маслом, а иногда только одна коричневая вода. Но и этот стол никакого сравнения не имел с теми, которые государь держал во время постов. “Великим постом, — говорит [очевидец, английский медик Самуил] Коллинз, — царь Алексей обедал только три раза в неделю, а именно: в четверг, субботу и воскресенье, в остальные же дни кушал по куску черного хлеба с солью, по соленому грибу или огурцу и пил по стакану полпива. Рыбу он кушал только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста... Кроме постов он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам; одним словом, ни один монах не превзойдет его в строгости постничества. Можно считать, что он постился восемь месяцев в год, включая шесть недель Рождественского поста и две недели других постов”. Такое усердное соблюдение постов было выражением строгой приверженности государя к Православию, ко всем уставам и обрядам Церкви. Свидетельство иностранца вполне подтверждается и Котошихиным Григорием Карповичем [очевидцем, подьячим. — *К.К.*]. “В постные дни, — говорит он, — в понедельник, и в среду, и в пятницу, и в посты готовят про царский обиход ествы рыбные и пирожные с маслом с деревянным и с ореховым, и с льняным,

Спальня Императорской четы
в Зимнем Дворце. До 1917

В кругу Семьи в Ливадийском
дворце. Скромное убранство
интерьера, иконы. 1913

Спальня Государыни на Императорской яхте «Штандарт». 1912 или 1913. На стенке иконы и недорогие репродукции картин с религиозными сюжетами. В центре над кроватью репродукция работы французского художника Вильяма Бугро «Утешение» (1877). На картине изображена Богородица. Воздев руки, Она молится за женщину, потерявшую ребенка и склонившуюся к Ней на колени.

Примечательно, что в данном случае был обрезан нижний край картины, где на оригинале изображен скончавшийся младенец. По всей видимости, сюжет напоминал Государыни о заступничестве Богородицы за матерей, но видеть изображение мертвого ребенка, Александра Федоровна не захотела.

Нижняя икона в углу: моление преподобного Серафима Саровского на камне

и с конопляным; а в Великий и в Успенский посты готовят ествы: капуста сырая и гретая, грузди, рыжики соленые, сырые, и гретые, и ягодные ествы, без масла, кроме благовещениева дни — и ест царь в те посты, в неделю [то есть — в воскресенье. — *К.К.*], во вторник, в четверг, в субботу, по одинажды на день, а пьет квас, а в понедельник, и в среду и в пятницу во все посты не ест и не пьет ничего, разве для своих и царицыных, и царевичевых, и царевниных именин³⁰. Впрочем, несмотря на такое постничество и особенную умеренность, за обыкновенным столом государя, в мясные и рыбные дни, подавалось около семидясети блюд; но почти все эти блюда расходились на подачи боярам, окольниковым и другим лицам, которым государь рассылал эти подачи, как знак своего благоволения и почести³⁰.

Вот такая строгость и приверженность церковным уставам. В то время на Руси пост был принят во всех слоях общества и считался обязательным условием соблюдения праведности для посмертного воздаяния, был одной из характерных черт самоидентификации русского православия среди всех окружавших его наций и религий.

Ко времени правления Государя Николая II ситуация значительно изменилась. Постовая дисциплина в Императорской семье и ее окружении, да и во всех привилегированных слоях, ориентировавшихся в том числе на поведение Венценосцев, была совсем несложной. Постился (говел) Император с Семейей главным образом только на первой и последней неделе Великого поста. Так, после Причастия в субботу на первой седмице Великого поста на следующий день 11 февраля 1896 года Государь записал: «Должен признаться, что я с большим удовольствием накинулся на скоромную пищу!»³¹.

Император постился три дня перед Причастием и когда оно было не Великим постом, а также в сочельник

перед Рождеством и еще несколько дней в году по разным случаям. Например, 14 мая 1896 года, перед Коронацией, Государь с супругой говели три дня, каждый день посещая литургии и всенощные³². В 1915 году в Ставке Государь три дня (27–29 августа) постился и посещал утренние и вечерние службы перед праздником Усекновения честной главы святого пророка и крестителя Иоанна, хотя и не причащался. (Поста перед этим праздником не полагается, но Государь постился для поддержки Императрицы, которая говела в Царском Селе и приобщилась Святых Христовых Тайн 29 августа вместе со старшей дочерью³³.)

Другие дни Великого поста (кроме первой и последней седмиц), а также Рождественский, Успенский и Петровский пост Император в трапезе не соблюдал. Из сохранившихся меню Государя за 1915–1916 года видно, что мясные блюда подавались в постах³⁴. Учитель Чарльз Сидней Гиббс вспоминал, что при дворе мясо не подносилось только в первую и Страстную седмицу³⁵. Рыба подавалась всегда, даже в Страстную седмицу (кроме пятницы), а в Великую субботу — вино. Но, вероятно, это было обычной практикой не только при дворе, так как в записках протоиерея Афанасия Беляева, служившего в Александровском дворце весной 1917 года, не видно какого-то удивления составу трапезы, поданной ему в комнату в Страстную седмицу.

Так, отец Афанасий зафиксировал: «[Великий понедельник] 27 марта. <...> Чудный завтрак! На серебряных подносах в серебряных чайниках принесли чай с булками, потом подали рисовые котлеты с белыми грибами, отварной судак с картофелем и на сладкое манные блины с варением и в заключение кофе. Так что Великий понедельник оказался днем в придворной роскошной обстановке, с изысканным комфортом и при обильном насыщении прекрасно приготовленными кушаньями. <...> Обед: щи с грибами и при них

пирожки, судак отварной и печеное яблоко в сладком сиропе и чашка черного кофе. <...> [Великая среда] 29 марта. <...> Завтрак: шинкованная капуста с солеными огурцами и картофель, рыба и кисель. <...> Обед: суп с грибами, рыба и сухари в сладком сиропе с ломтиком ананаса. <...> [Великая суббота] 1 апреля. <...> Обед состоял из шей из свежей капусты с грибами, жареной рыбы, сладкого, кофе и подано было столовое белое виноградное вино ½ бутылки для меня под названием “Аиданиль” из Собственного погреба и бутылка красного вина для протодиакона и псаломщика»³⁶. Отметим, что в наше время клиру и прихожанам, кроме индивидуальных случаев, не благословляется употребление рыбы в Великий пост, за исключением праздника Благовещения Пресвятой Богородицы.

Не удалось установить, придерживалась ли Императорская семья правила поста в среды и пятницы, положенного во все дни года (кроме так называемых сплошных седмиц). В Ставке среда и пятница были мясопустными³⁷.

В начале царствования, накануне воскресных дней, Государь вместо всенощных, нередко посещал театры, в том числе в Великом посту. Также в начальный период царствования Императорская чета регулярно посещала театры и в другие дни Великого поста (кроме понедельника — пятницы первой и последней седмиц).

Можно отметить и следующий момент. До 1905 года Императрица не курила, но во время революции пристрастилась к папироскам. После этого Государыня неоднократно пыталась бросить курить: оно вредило ее слабому здоровью. Так, 27 августа 1915 года она писала мужу: «Мой пост состоит в том, что я не курю, — я пошусь с самого начала войны и люблю ходить в церковь. Мне хочется причаститься, и священник на это соглашается, — он говорит, что никогда не рано быть вновь у причастия и что

это дает силы»³⁸. Как обычно бывает с курильщиками, Императрица закурила вновь (к ноябрю того же года).

Император курил довольно много, особенно после марта 1917 года. Судя по счетам, оплаченным за табак за 9 месяцев 1917 года (февраль–октябрь), Государь выкурил около 8000 папирос, то есть примерно курил одну папиросу каждые полчаса³⁹. Заметим, что в то время вред от курения не был хорошо известен, и следовательно, оно не считалось серьезным грехом.

Теперь скажем о причащении Императора Святыми Христовыми Тайнами. Разумеется, Государь, как и всякий православный, трепетно относился к принятию Христа. В дневнике он пишет о таких днях: «Сподобились причаститься Св. Тайн», «Имали великое утешение причаститься», «Удостоились причаститься Св. Тайн. Великая и благодатная минута»⁴⁰.

Отметим: в XIX — начале XX века в России общим правилом считалось за необходимость причащаться Святыми Тайнами один раз год. Императорская семья в период 1896–1918 годов причащалась ежегодно в Великий пост, как правило, дважды: в субботу первой седмицы и в Великий четверг (подробнее см. в таблице на с. 334–337).

Исповедь Венценосцев накануне причастия проводилась в храме до или после всенощной, а иногда в молельне Александровского дворца или в личной опочивальне, где исповедь порой начиналась достаточно поздно (в 22-00 — 22-15). 28 августа 1915 года Императрица со старшими дочерьми Ольгой и Татьяной были на общей исповеди вместе с разными чинами в Федоровском соборе Царского Села⁴¹.

Примечательно, что Государыня в день исповеди часто письменно просила Государя о прощении, делая записи в его дневнике, пока он исповедовался или уже спал (что, конечно, не исключает устного прощения о прощении обид).

Спальня Императора Николая II и Наследника Алексея в Ставке. 1915. На прикроватном столике и стенке рядом с ним — иконы, крест, книги. Ближе к нам на столике — икона святителя Николая Чудотворца, чуть дальше, вероятно, образ Божией Матери «Белыничская», особо почитаемой в восточной части Белоруссии. На кресле — футляр от балалайки Цесаревича.

Можно заметить, что принадлежавшая Наследнику книга «Правила игры на балалайке» была найдена среди вещей, оставшихся в Ипатьевском доме после гибели Семьи.

Играла на балалайке и Великая княжна Анастасия Николаевна, что видно из писем сестер отцу: «Настася сидит рядом в комнате и бренчит на балалайке, Мария в другой комнате на рояле, а Ольга тут валяется и отдыхает до церкви»; «После обеда Ольга играла на рояле, Настася на балалайке, а мы пели». Детям также нравилось бывать на выступлениях военного оркестра балалаечников

Комната Великих княжон в Тобольске. 1918. Слева направо кровати Анастасии, Марии, Татьяны. На стенах иконы, фотографии, картины; на прикроватных столиках — иконы, свечи в подсвечниках, книги; на стульях аккуратно развешена одинаковая одежда. Эту фотографию с предыдущей иллюстрацией объединяет скромное убранство представленных спален.

Если не знать датировки фотографий, сложно сказать, какая из них относится ко времени правления абсолютного монарха, а какая — ко времени заключения под стражу. В Тобольске и Екатеринбурге четверо Великих княжон проживали в одной комнате, но и будучи дочерьми еще всецельного монарха в собственном Александровском дворце они не имели своих отдельных комнат: проживали по двое и спали на походных кроватях

Как пример приведем следующие заметки. В 1901 году Императрица писала: «Вот мое слово любви и молитва о прощении, мой дорогой, за каждое недоброе слово или деяние в отношении тебя. Какое утешение и счастье причаститься завтра вместе. Это всегда соединяет нас еще сильнее с теми нашими близкими, которые уже ушли и поддержки которых мы жаждем именно сейчас. Спи спокойно, самый замечательный и лучший из мужей. Господь благословит и сохранит тебя»¹². В 1903 году: «Прости меня, мой дорогой, за любое резкое или недоброе слово, которое я могла тебе сказать. Поверь, оно опрометчиво слетело с языка. Какая радость завтра снова пойти к святому причастию. Какие утешения, силу и счастье оно дает и еще больше объединяет со Спасителем. Господь благословит и сохранит тебя, мой любимый, дорогой Ники. Я целую тебя так нежно и с такой любовью. Твоя женушка»¹³.

Исповедь Императора не носила формальный характер, что нередко бывало в отношениях власть имущих со священнослужителем. (Часто священники не дерзали, боялись вести исповедь, а богатый исповедник не считал нужным нисходить до иерея: последний просто накрывал голову «кающегося» епитрахилью и читал разрешительную молитву.) В 1916 году Государь, находясь на Страстной седмице в Ставке и не имея возможности исповедоваться у своего духовника Александра Петровича Васильева¹⁴, не стал причащаться (это случилось первый раз с 1897 года), поскольку не захотел формально исповедоваться у находившегося при Штабе протопресвитера армии и флота Георгия Ивановича Шавельского, а искренне — не решился. Тогда в письме к супруге Император отметил: «Не чувствую себя в настроении исповедоваться у Шавельского, потому что боюсь, чтоб оно не принесло вместо мира и спокойствия душе обратного!»¹⁵. И еще: «Мне жаль, что я не сделаю

этого вместе с ними [то есть, чинами Штаба], но нельзя менять исповедника!»¹⁶.

Начиная с 1909 года, Император Николай II стал причащаться также в юбилей своего восшествия на Престол — 21 октября, то есть уже трижды в год.

Были и три особых случая причащения Государя: 14 мая 1896 года, во время Священной Коронации; 18 июля 1903 года, накануне прославления преподобного Серафима Саровского, и 9 августа 1915 года, в день памяти мученика Алексия, вероятно, ради молитв о здоровье Цесаревича.

Практически всегда Император приобщался Святых Тайн с Семейей, а в последнее время царствования нередко и вместе с придворными и военными чинами, в том числе с казаками, нижними чинами и прислугой. Только 7 апреля 1916 года Великим Постом по обстоятельствам военного времени Царь встретил Пасху в разлуке с Семейей. «Даже не могу представить себе Пасху и заутреню без Тебя», — писала отцу Великая княжна Татьяна Николаевна. И тогда же: «Правда ужасно хорошо что с нами конечно будут причащаться казаки, солдаты и, очевидно, все прекрасное батюшкино семейство» (имелась в виду многодетная семья Царского духовника Александра Васильева)¹⁷.

На саровских торжествах, ставших грандиозным и возвышенным праздником единения Царя и подданных, Государь исповедовался в келье преподобного Серафима, находившейся внутри нового храма, у монастырского старца иеросхимонаха Симеона (Толмачева)¹⁸, и причащался вместе с массой паломников. В поучениях архимандрита (позднее епископа) Никона (Рождественского) есть некоторые подробности того дня. Он писал: «Стоит упомянуть, в назидание православным, что наш батюшка Царь накануне [торжеств] проехал 62 версты проселочной дорогой, стоял всенощную, исповедовался уже в 11-м часу ночи, а к святому

Иеросхимонах Симеон (Толмачев), исповедовавший Царскую чету при прославлении святого Серафима Саровского в 1903 году

Протоиерей Александр Васильев, духовник Государя до марта 1917 года. Расстрелян в 1918.
Из коллекции древлехранилища (музея) памяти Семьи Императора Николая II Крестовоздвиженской дворцовой церкви в Ливадии

Причащению все же изволил встать к ранней литургии, которая начинается в 5 часов утра. И с ним разделила сей подвиг его Боговенчанная Супруга. Не поучительно ли?»¹⁹.

Можно отметить и следующий момент. В 1916 году, в Великий четверг, когда Государь был в Ставке, он, как говорилось выше, будучи на литургии, не причащался. Это был последний Великий пост, который Государь провел на свободе. Тогда же Император в дневнике записал, что к Святой чаше подходил начальник Штаба генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев, как ни прискорбно, будущий клятвопреступник, благодаря которому менее чем через год была осуществлена изоляция Царя в Пскове 1–2 марта.

В заточении в 1917 году Государь перенес свое традиционное причастие с Великого четверга на Великую субботу. Суббота является поминальным днем, воспоминанием о загробном мире, посмертном воздаянии, особом чаянии воскресения мертвых. Великая суббота является одним из наиболее таинственных дней в православном богословии: в пятницу Бог умер на кресте, в воскресенье — Воскрес во Славе. Суббота — время Тайны. Нам кажется важным, что в заключении Государь причащался именно в Великую субботу, когда соединяются и скорбь об умершем, и тонкая радость предчувствия Вселенского праздника. Он предуготовлял себя как к смерти, так и к воскресению. Не так важно, насколько Государь осознавал это в то время. Формально причины переноса причастия могли быть вполне обыденными.

Ближе к концу царствования в дни причащения: в 1912 году Великим постом, в 1915 году — Великим постом и в день памяти своего восшествия на Престол, в 1916 году также в день памяти восшествия на Престол Государь имел духовные беседы с оригинальным религиозным мыслителем Григорием Ефимовичем Распутиным. Очевидно, что в столь

важное время, как день принятия Святых Христовых Тайн, любой будет стараться избегать встреч с персонами, расшатывающими его внутреннюю сосредоточенность, и наоборот, стараться встретиться с духовно интересным собеседником⁵⁰.

В субботу же, причащаясь, Государь последний раз в земной жизни посетил Божию церковь (Благовещенскую в Тобольске).

За время царствования Император *ни разу* не причащался в воскресную службу или какой-либо двенадцатый (в том числе Рождество Христово) или Великий праздник. Правда, в 1904 году Государь приобщился на праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта, но только потому, что в том году он совпал с Великим четвергом — традиционным днем причастия Императорской семьи. Ни разу Царь не причащался и на Пасху.

Почему? В дореволюционной России вообще не было принято приобщаться в пасхальную ночь. Причащались Святыми Тайнами, как правило, Великим постом и, как правило, в субботу на первой седмице, в Великий четверг или Великую субботу. То есть Императорская чета причащалась по установившимся тогда правилам, хотя и не единожды, а дважды или трижды в год.

В то время считалось, что правильнее причащаться накануне праздника, находясь в постовом настроении, а на Пасху — разговляться⁵¹. Многие знают, как порой бывает стыдно, приобщившись в пасхальную ночь, после службы в тот же день наедаться и упиваться без меры. Нам кажется это вполне разумным подходом, хотя и не единственно возможным. Так, святитель Иоанн Златоуст советовал причащаться именно в Пасхальную ночь, причем даже тем, кто не соблюдал пост. Об этом говорится в его «Огласительном слове» («Слове на Пасху»), читаемом на Пасхальном богослужении: «Постившийся и не постившийся, возвеселитесь днесь».

Можно обратить внимание, что и на саровских торжествах Государь причащался *накануне* прославления преподобного Серафима Саровского, а не в сам день прославления, где после торжественной литургии 19 июля 1903 года был устроен богатый праздничный стол.

Примечательно также, что, отмечая свой день рождения, и Великая княжна Мария Николаевна причащалась Святых Тайн *накануне* 13 июня, а не в сам праздник⁵².

Вообще Царские дети причащались, конечно, чаще взрослых, в том числе на годовщины рождения и на именины. Разумеется, Цесаревич принимал Святые Христовы Тайны при приступах гемофилии. О причастии Наследника во время тяжелой болезни в Спале, в Польше, в 1912 году Императрица писала: «Его бедное исхудавшее личико с большими страдающими глазами засветилось от благодатного счастья, когда священник подошел к нему со Святыми Дарами. Это было такое успокоение для всех нас, мы тоже почувствовали такую же радость»⁵³.

В целом причастная практика последнего Государя была весьма схожа с первыми Царями рода Романовых. Как пишет Иван Егорович Забелин, в XVII веке «обыкновенно цари говели [готовились к Причастию] или на первой неделе поста, или на Страстной, что бывало чаще, и очень редко в августе, в Успенский пост»⁵⁴.

Например, в 1652 году Царь Алексей Михайлович причащался в Успенский пост, 13 августа (заметим, опять же не в сам праздник 14 августа, а накануне); в 1653 году — 25 февраля, в пятницу первой недели Великого поста, и 7 апреля того же года, в Великий четверг; в 1654 году — 10 февраля, на первой седмице Великого поста; в 1667 году — 4 апреля, в Великий четверг; в 1670 году — 31 марта, в Великий четверг. Царь Федор Алексеевич причащался Святых Христовых Тайн в 1677 году 12 апреля, в Великий четверг;

в 1678 году 28 марта, в Великий четверг; в 1681 году 19 февраля, в субботу первой недели Великого поста.

Отдельно можно сказать о так называемом причастном платье. Как говорит Забелин, в древности «белье и платье, в котором, говея, государь причащался, всегда сохранялось особо, как некоторого рода святость. <...> Особо оберегаемою статьею были сорочка причастная, порты причастные и пояса причастные, как утиральник и лентий, — все это приносилось из хором царицы и после обедни туда же бережно возвращалось»⁵⁵. Во времена Государя Николая II традиция иметь особую, причастную одежду, была, по всей видимости, утрачена. Однако было принято (как и сейчас) хранить крестильные рубашки. Интересно, что своего первенца — Ольгу, Царственные супруги при крещении облачили в крестильную сорочку Государя Николая II⁵⁶. (Крестильные платья детей, остававшиеся в Александровском дворце после отъезда Царской семьи в Тобольск, были уничтожены, вероятно, в 1930-е годы.)

Для миропомазания Государю при торжестве Коронации был приготовлен специальный мундир с откидывающимся клапаном на груди и специальные сапоги с отверстиями для удобства совершения помазания. После венчания на Царство Император повелел хранить коронационный костюм как святыню и историческую реликвию. Ныне он находится в Оружейной палате Московского Кремля в коллекции коронационных одежд русских монархов⁵⁷.

Императрица, как женщина, связывала радость причастия с надеждой стать ближе к мужу и желанием быть ему полезной. Так, она писала Государю: «Мое сердце всегда наполняется радостью, когда мы вместе с тобой идем к святому причастию, — это ведь еще больше сближает и помогает вместе с близким человеком разделять жизненные радости и скорби», «Такое счастье идти вместе

с тобой и тремя нашими маленькими девчушками к святому причастию», «Ах, дорогой, какое утешение в это время испытаний быть на причастии вместе. Пусть святое причастие даст тебе силу и укрепит волю для исполнения твоего тяжелого предназначения, которое Господь возложил на тебя. Если я и способна чем-то помочь тебе, так это только тем, что я могу молиться от всего сердца и от всей души за тебя и за нашу любимую страну»⁵².

Во время Первой мировой войны Императрица причащалась чаще Государя. Как говорилось выше, Государыня приобщилась 29 августа 1915 года на праздник Усекновения честной главы святого Иоанна Крестителя, в день поминовения павших воинов в Федоровском соборе, вместе с Великой княжной Ольгой Николаевной (возможно, и другими детьми), а также с солдатами, казаками, придворными чинами. Причащалась Царица в понедельник 8 августа 1916 года Успенским постом, в день памяти преподобного Григория, едва ли не памятуя и Григория Распутина (службы накануне Причастия в воскресенье вечером, а также утром в понедельник пришлось заказывать, так как по расписанию в Федоровском соборе они не предусматривались)⁵⁹.

Последний раз перед арестом Государыня приобщилась в Рождественский пост, в воскресенье 18 декабря 1916 года, ровно за неделю до Рождества⁶⁰.

Сталкиваясь со страждущими, Императрица старалась внушить им мысль о важности в тяжелое время принять в себя Христа. После начала Первой мировой войны она делилась этим с мужем: «Как важно иметь возможность причаститься в подобные минуты [печали] и как хотелось бы помочь другим вспомнить о том, что Бог даровал это благо всем — не только как нечто обязательное раз в году во время поста, но и для тех случаев, когда наша душа жаждет этого и нуждается в подкреплении! Когда я нахо-

жусь наедине с людьми, которые, как мне известно, переживают сильные страдания, я всегда касаюсь этого вопроса, и с Божьей помощью мне во многих случаях удалось им объяснить, что это — всем доступное, благое дело и что это дарует облегчение и покой болящему сердцу. Я говорила об этом с одним из наших [раненых] офицеров. Он согласился причаститься и после почувствовал себя таким счастливым и бодрым и стал куда лучше переносить свои страдания. Мне кажется, одна из главных обязанностей наших женских в том, чтобы стараться привести людей ближе к Богу, заставить их постигнуть, что Он более доступен и близок к нам, что Он ждет, чтобы мы обратились к Нему с любовью и верой. Многих удерживает робость и ложная гордость, а потому мы должны помочь им преодолеть эту преграду. Я как раз вчера вечером говорила священнику, что, по-моему, духовенству почаще следовало бы вести с ранеными подобные разговоры, — совершенно просто и прямо, только не в виде проповеди»⁶¹.

Важно отметить, что, ратуя за возрождение русского национального самосознания, Государь в Великий пост и Пасху старался посещать древнюю столицу и храмы Московского Кремля — сердце России, ее главные национальные святыни. Также Государь посетил храмы Московского Кремля сразу после начала Первой мировой войны.

Итак, как видим, Царская семья была весьма религиозна, Император Николай II был воцерковленным монархом, любил православную обрядность и молитву. Постовая дисциплина Императорской четы была совсем несложной. Дни принятия Государем Святых Христовых Тайн приходились из года в год практически всегда на одни и те же праздники, кроме исключительных случаев. Такая ритмика может говорить о размеренной устоявшейся духовной жизни.

ЛЮБИМЫЕ ХРАМЫ

Скажем о том, какие храмы любила посещать Императорская чета. В начале царствования она часто молилась в церкви Аничкова дворца (Собственного Его Императорского Величества дворца), резиденции вдовствующей Императрицы Марии Федоровны. Эта церковь была освящена в память святого Великого князя Александра Невского. По особым случаям Венценосные супруги молились в Большой церкви (соборе) Императорского Зимнего дворца, освященного в честь иконы «Спас Нерукотворного образа», а на престольный праздник Сретения посещали Малую Сретенскую церковь того же дворца. В первой половине царствования супруги нередко посещали также придворные церкви в Петергофе и Гатчине.

Царскосельский Императорский Александровский дворец, где после Коронации обосновалась Венценосная чета, домового храма не имел. И в нем соорудили очень простую домовую церковь: в небольшом помещении дворца развернули складной деревянный иконостас походной церкви Императора Александра I, который сопровождал его в кампании 1812 года, а потом хранился в ризнице собора Зимнего дворца. Не вдаваясь в особые искусствоведческие изыскания, заметим, что роспись иконостаса была выполнена в доминирующем в начале XIX века живописном, а не классическом иконописном художественном стиле. Церковь была освящена в честь святого Великого князя Александра Невского.

С иконостасом этой церкви связан интересный случай. Государь заинтересовался походной церковью Императора Александра I еще до своей Коронации. В 1890 году он повелел отреставрировать иконостас специалистам Императорского Эрмитажа и выставить его в шатре на летней даче Царской семьи «Александрия», в Петергофе.

Иконостас был доставлен. Однако Государь, осматривая его, «изволил обратить внимание, что некоторые из имеющихся на иконостасе походной церкви надписей на церковно-славянском языке заключают орфографические ошибки»⁶². Речь шла об отсутствии титла, ударений, а также ударения, поставленного с наклоном не в ту сторону и др. Художнику было дано повеление исправить ошибки, на которые с давних пор никто не обращал внимания. Можно заметить, что и в наше время далеко не всякий священник увидел бы эти неточности. На фото из архивного дела видно, что было исправлено по велению Императора (см. илл. с. 50).

Этот случай, на наш взгляд, говорит не только о том, что Государь прекрасно знал церковно-славянский язык,

Большая церковь Императорского Зимнего дворца, освященная в честь иконы «Спас Нерукотворного образа». Худ. Э. П. Гау. 1866

Походная церковь
Императора
Александра I,
установленная
в одной из комнат
Александровского
дворца. Фото 1930-х гг.

Ошибки, замеченные
Государем в надписях
на иконах походной
церкви (см. с. 48)

Было написано:

- 1) «Слави Богу...»
- 2) ... Чудотворца.
- 3) - Некитя
- 4) Мг. Ос.
- 5) Лука
- 6) Алекса.

Исправлено:

- 1) «Слави Богу...»
- 2) Чудотворца.
- 3) Анкиста.
- 4) Мг. Ос.
- 5) Лука.
- 6) Алексан.

но и о его старании доводить всякое дело до лучшего завершения.

Первое богослужение в Александровском дворце состоялось 24 февраля 1897 года. В этот день Царь записал: «Ходили к службе в угловую красную гостиную, где поставлена походная церковь — это очень удобно и приятно»⁶³.

Есть сведения, что этот иконостас Император даже иногда брал с собой в Крым⁶⁴. Во время пребывания Государя в Спале, в Польше, рядом с загородным дворцом ставили палатку, где располагался походный иконостас. По всей видимости, это и был иконостас походной церкви Императора Александра I. В дневнике Государя за воскресенье 11 ноября 1912 года отмечено, что он «был с дочками у обедни в походной церкви, привезенной из Спальи»⁶⁵.

Мы видим, что Государь любил молиться в походных церквях. Почему? Как отмечал священник Александр Речменский (описывая практически идентичную походную церковь Императора Александра I, находившуюся во дворце в Вильно⁶⁶), такая церковь «не блещет ни драгоценностью утвари, ни красотой устройства, ни массой позолоты. <...> Не для торжественных служб, а тем более соблюдения придворного этикета она созидалась, [а для] удобства и легкости сборки и перемещения в условиях походной жизни»⁶⁷.

Возможно, именно такой *походный* храм был близок душе Государя по своей простоте и напоминал ему о странствовании души в дольном мире, что, конечно, не исключает и его интереса к церкви Императора Александра I как к исторической реликвии, напоминавшей о победе над Наполеоном. При этом, разумеется, Царская семья регулярно посещала обычные храмы. Забегая вперед, скажем, что под арестом уже в Царском Селе, когда службы велись для Императорской семьи *только* в походной церкви

Александровского дворца, она скучала о «настоящих» (по выражению Государыни) храмах. То же Императрица и Великие княжны писали из Тобольска (см. с. 134).

В Александровском дворце, помимо домово́й церкви, располагалась также и моле́льня, что было редкостью в великокняжеских резиденциях XIX — начала XX века. Она была устроена в 1844–1845 годах по повелению Императора Николая I в память скончавшейся при родах дочери Великой княгини Александры. Моле́льню выполнили в древнерусском стиле XVII века, «ее своды были расписаны по золоченому фону, в духе живописи моле́льни Царя Алексея Михайловича в московских теремах»⁶⁸.

Такое оформление пришлось по душе последней Императорской чете. Здесь служились молебны по особым случаям, супруги возносили в ней свои келейные молитвы и исповедовались.

Во время Первой мировой войны наиболее посещаемым Императрицей и старшими дочерьми Великими княжнами Ольгой и Татьяной стала небольшая уютная придворная церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение», освященная еще при Императрице Елизавете Петровне в 1747 году и располагавшаяся рядом с Екатерининским дворцом. Когда Государыня со старшими детьми служили в лазарете Дворцового госпиталя, им было удобно заходить сюда утром перед работой и ставить свечи. Практически каждый свой день они освящали утренней молитвой в церкви.

Императрица постоянно упоминает об этом храме в своих письмах⁶⁹, а в послании от 5 декабря 1916 года отмечает: «[Церковь] Знамения <...> я теперь люблю больше чем когда-либо»⁷⁰. В дневниках Великих княжон Ольги и Татьяны за период Первой мировой войны церковь «Знамение» упоминается несколько сотен раз. Практически каждый день, отраженный в их дневниках, начинается

Походная церковь
позади загородного
Императорского
дворца в Спале,
в Польше. 1912

Вид молельни в Теремном дворце Московского Кремля (период 1881–1896, фото И. Ф. Барщевского),

а на нижней иллюстрации — интерьер молельни Императорского Александровского дворца (фото 1930-х гг.). Мы видим их общую художественную стилистику

записями: «“Знамение”, перевязка [раненых]...», «“Знамение”, обедня, перевязка...», «К “Знамению” и в лазарет...»⁷¹.

Уже под арестом в Царском Селе и в Тобольске Государыня и Великие княжны скучали по Знаменской церкви. Так, из Тобольска Царица писала Анне Александровне Вырубовой: «Привыкли эти 3½ года быть почти ежедневно до лазарета у Знаменья — очень недостает»⁷².

Теперь поговорим о едва ли не самом любимом храме Императорской четы — Федоровском соборе Русского городка Царского Села. Прежде отметим, что именно в царствование Императора Николая II была фактически заново открыта русская икона, а в церковной архитектуре возобладал древнерусский (или иначе: неорусский, русско-византийский) стиль. Например, новый придворный собор Петра и Павла в Петергофе напоминал московский храм Василия Блаженного (Государь был в Петергофе на его освящении), храм-памятник морякам, погибшим в русско-японской войне, в память Гефсиманского борения Христа, был построен в Санкт-Петербурге в стиле суздальских церквей (и также освящался в присутствии Государя).

Император всячески поддерживал возникшее незадолго до революции «Общество возрождения художественной Руси», участниками которого стали многие известные архитекторы, живописцы, графики. Общество имело целью «распространение в русском народе широкого знакомства с древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее его преемственное развитие в применении к современным условиям»⁷³. Главной работой Общества стало строительство своего рода «Китеж-града» — Русского городка с центральной художественной опорой — Федоровским собором.

Это был больше чем оригинальный архитектурный комплекс «под старину». Император понимал, что

общественное сознание все более впитывает в себя различные космополитические идеи, которые он совершенно не разделял. Царь искал выход в обращении общественного взгляда к культуре допетровской Руси. К национальной эстетике. Русский городок Царского Села мыслился Государем точкой опоры, если угодно, мистического плана, местом отдохновения Государя, где он черпал силы.

Поначалу за образец для Федоровского собора был взят Благовещенский собор Московского Кремля в его первоначальном виде — придворная церковь — особое место молитвы первых Царей из рода Романовых. При постройке в проект ввели значительные коррективы, в результате храм приобрел стиль древних псковско-новгородских церквей.

Касательно внутреннего убранства, в 1914 году Государь отметил в дневнике: «Рассматривали [с женой] различные образцы рисунков и цветов стенописи из Ростовских и Ярославских церквей для выбора в наш полковой Феодоровский собор». Для оформления его был использован орнамент ярославской церкви XVII века в честь святого Иоанна Предтечи⁷⁵.

Главный престол Федоровского собора освятили в честь иконы Божией Матери «Феодоровская» — родовой иконы Дома Романовых. Боковой придел устроили в честь святителя Алексия, митрополита Московского, кому был тезоименит Цесаревич. Нижний пещерный храм, где особо любила молиться Императрица, посвятили любимому святому Императорской семьи Серафиму Саровскому⁷⁶. Интересно отметить, что в верхнем храме были помещены новые иконы, выполненные по древним образцам, а в нижнем — старинные оригиналы, привнесившие особый духовно-эстетический настрой. Автор книги о соборе, изданной в Русском городке, отмечает: «В общем убранстве пещерного храма есть черта, близко связывающая

Придворная Знаменская церковь. Царское Село.
1910-е гг.

Федоровский Государев собор

Алтарь Серафимовского пещерного храма Федоровского собора и проход в молельню Ея Величества. Дарохранительница на престоле — миниатюрная копия гробницы и сени над мощами преподобного Серафима в Саровском монастыре.

Закладки в Евангелии — ленты двух особо любимых Государем орденов: святого Владимира и святого Георгия

Юго-восточная часть Серафимовского пещерного храма Федоровского собора

его с обликом святого, памяти которого посвящен его престол. Преподобный Серафим, будучи многоценным сосудом Божией благодати и сияя великими добродетелями, хранил образ глубокого смирения; и в сем храме редчайшие иконы и драгоценные ткани соединены в общую картину простоты и скромности. Только знающий человек может видеть ценность собранного, а во внешности его нет ничего, что бросалось бы в глаза, поражало бы взор. Храм этот не подавляет величием, не ослепляет блеском, он умиляет и располагает к тихой молитве»⁷⁷.

В алтаре, а также моельном месте Царской семьи и отдельной моельне для Императрицы иконы были расставлены на телях (полках), как до сих пор принято в старообрядческих моельнях. Полки и ниши с иконами были покрыты вышитыми древнерусским орнаментом пеленами. Стены собора декорированы парчой, полы покрыли толстыми коврами под старину. Даже служки храма носили русские костюмы времен Царя Алексея Михайловича (сафьяновые сапоги разных цветов, кафтаны из плотной парчовой ткани).

Императрица лично вышила в собор пелену и воздѹхи (покрывала для священных предметов: потира и дискаса)⁷⁸.

Храм предназначался для служб и Царской семье, и местному военному гарнизону. Поэтому собор, освященный в 1912 году, числился в Военном, а не в Придворном ведомстве церковью Собственных Его Величества Конвоя и Сводного пехотного полка. В 1914 году он был переименован в Федоровский Государев собор. В 1916 году Царь в дневнике отметил: «Так хорошо молиться в Федоровском соборе с казаками и солдатами»⁷⁹.

Начальник канцелярии Министерства Императорского двора Александр Александрович Мосолов вспоминал: «В Царском Селе Александра Федоровна любила ходить

молиться в темные приделы Федоровского собора, ею же построенного»²⁰. В 1917 году из Тобольска Государыня писала Вырубовой: «Вспоминаю нашу церковь и мой маленький, похожий на келью уголок около алтаря»²¹. Моделенья Императрицы располагалась с южной стороны от алтаря, откуда, соответственно, был вид на весь алтарь сбоку. Так в древности слушали литургию византийские Царицы.

Интересно, что на Пасху, в год 300-летия Дома Романовых, в Федоровском соборе сослужили протоиереи Георгий Шавельский, Николай Кедринский²², Александр Васильев и Афанасий Беляев — все четверо — и только они, — в период по 1917 год были духовниками Царя (по должности или по обстоятельствам)²³.

Другой пещерный храм, на этот раз устроенный Императрицей для нужд Царскосельского дворцового госпиталя, был освящен в память святых равноапостольных Константина и Елены в 1914 году²⁴. Церковь оформили в стиле древневизантийских базилик, моделенья Императрицы располагалась аналогично пещерному храму Федоровского собора: сбоку алтаря. В храме были установлены доски с именами «всех прошедших через лазареты Царскосельского района воинов, награжденных за боевые отличия, и всех в пределах этого района от ран скончавшихся»²⁵.

С началом войны Государыня учредила для погибших воинов Царскосельское Братское кладбище, где в 1915 году был освящен деревянный храм в честь иконы Божьей Матери «Утоли моя печали». Императрица лично утверждала рисунки не только иконостаса, паникадила, но также и проекты меньших форм: аналоев, подсвечников, скамей, решеток клиросов — всего убранства до мельчайших деталей «в духе строгого стиля архангельских деревянных церквей XVII века»²⁶.

Вид южной части иконостаса с места, на котором Их Императорские Величества изволили стоять во время богослужения в Серафимовской пещерной церкви

Внутреннее убранство пещерного храма Дворцового госпиталя. 1915. Алтарь открыт для обзора, как было принято в древних византийских церквях

Древнерусский иконостас походной церкви, устроенной Императрицей для служб в лазаретах. 1915

Церковь и Братское кладбище, устроенные Императрицей в Царском Селе. 1916

Кроме того, она собственноручно вышила полные комплекты облачения для священника, диакона и псаломщика, покрывала на святой престол, жертвенник и аналой, а позднее регулярно посещала Братское кладбище, поддерживая его молитвой. Например, в 1915 году Императрица писала Государю: «Поехала в моих дрожках на кладбище: хотелось положить цветы на могилу грузинского офицера, умершего в Большом дворце [в лазарете] ровно 6 месяцев тому назад»²⁷. Посещали кладбище и Царские дети. Вот так задорно описывает свой приезд к месту вечного упокоения 16-летняя Великая княжна Мария Николаевна: «Приехали туда и пошли на могилы офицеров, там было еще ничего, не слишком много снега, потом я захотела пойти на могилы наших раненых нижних чинов. С боку дороги снег был навален большой кучею, так что я с трудом на коленях влезла на нее и спрыгнула вниз. Там снег оказался выше колен, и хотя у меня были одеты большие сапоги, я была уже мокрая, так что я решила все равно идти дальше. Я тут же неподалеку нашла одну могилу с фамилией Мищенко, как звали нашего раненого; я положила туда цветы и пошла дальше, вдруг вижу опять ту же фамилию, я посмотрела на доску, какого он полка, и оказалось, что это был наш раненый, а совсем не тот. Ну, я ему положила цветы и только успела отойти, как упала на спину, и так провалялась, почти минуту не зная, как встать, так как столько было снега, что я никак не могла достать рукой до земли, чтобы упереться. Наконец я встала и пошла дальше. В это время Татьяна и Анастасия говорят, что они идут на другое кладбище к Соне Орбелиани и что вернутся за мной. А сами послали мне человека, который заведует кладбищем, на помощь. Он с трудом долез до меня, и мы вместе пошли искать другую могилу. Искали, искали и никак не могли понять, куда она делась. Оказывается, она была ближе к ограде и надо было

лезть через канаву. Он встал в канаву и говорит мне, что “я вас перенесу”, я говорю “нет”, он говорит “попробуем”. Конечно, он меня поставил не на другую сторону, а именно в середину канавы. И вот мы оба стоим в канаве по живот в снегу и умираем от хохота. Было ему очень трудно вылезать, так как канава глубокая, и мне тоже. Ну, он как-то выбрался и дает мне свои руки. Я, конечно, раза три еще на животе вернулась в канаву, но наконец выбралась. И все это мы оба проделывали с цветами в руках. Потом мы никак не могли пролезть между крестами, так как мы оба были в пальто. Я все-таки нашла могилу»²⁸.

Во время Первой мировой войны на личные средства Государыни в Царском Селе была устроена походная церковь для перемещения ее по различным местным лечебным заведениям, имея в виду тяжелобольных, не имевших возможности самостоятельно посещать стационарные церкви. Она была освящена в 1915 году в честь мученицы Царицы Александры (и только с марта по август того же года в этой церкви совершили 141 богослужение в 18 лазаретах и госпиталях²⁹).

Разумеется, Императрица посещала в Царском Селе и другие церкви, часть из которых была учреждена ее личным попечением. Так, Государыня основала Царско-сельский Дом для призрения увечных воинов с церковью, освященной в честь святой мученицы Царицы Александры в 1907 году и Дом Общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста с церковью, освященной в память иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости» в 1914 году. Церкви были оформлены в древнерусской стилистике.

Теперь переместимся на юг Империи.

Здесь особо любимым храмом Императора была церковь в честь Воздвижения Креста Господня в Ливадийском

Крестовоздвиженская церковь
в Ливадии после завершения
внешней отделки. Акварель
Рудольфа фон Альта. 1863

Вид на ливадийскую церковь
и звонницу. 1909

Интерьер ливадийской дворцовой церкви

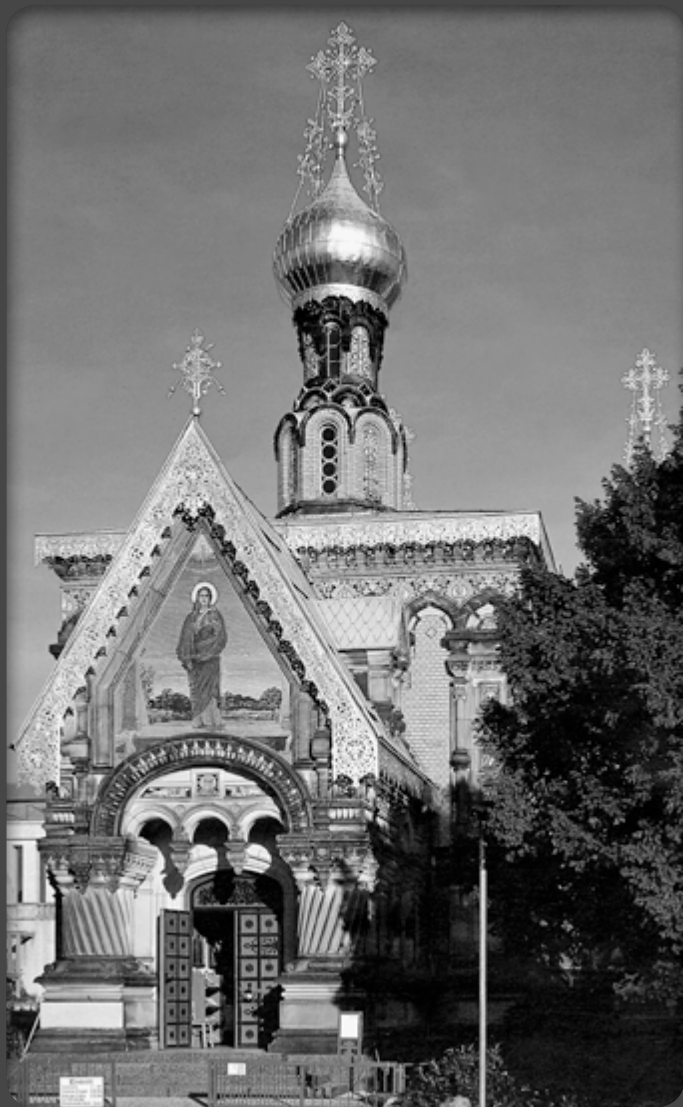

Церковная утварь
ливадийского храма. 1870.
Фото А. Рыльского

Вид судового иконостаса
на Императорской яхте
«Штандарт». 1896

Церковь святой Марии Магдалины в Дармштадте.
Современное фото

дворце, как и Крым был любимым местом Царя в России (после «отречения» Государь мечтал жить в Крыму как частное лицо). Этот храм был построен из инкерманского камня в стиле древних южных (византийских, грузинских, армянских) церквей и освящен в 1866 году. В церкви хранились святыни, поднесенные Царской Фамилии грузинскими князьями: образ Божией Матери «Иверская», греческого письма X века, частицы Животворящего Древа, собранные в XII веке Царицей Тамарой и золотой ковчег с мощами святой равноапостольной Нины.

В свое время в Малом Ливадийском дворце скончался горячо любимый Государем его отец Император Александр III. В дневнике Государя есть запись: «В Ливадии сильнее и трепетнее переживаются воспоминания того дня; зато мо́лится лучше и глубже»⁹⁰. В этой церкви отец Иоанн Кронштадтский принимал у Государя Николая II присягу на верность Российскому Престолу, а Гессен-Дармштадтская Принцесса Виктория-Аликс-Елена-Луиза-Беатрис была миропомазана, получив имя Александра Феодоровна (Александра Федоровна).

Еще одной церковью, где Императорская семья часто молилась, была судовая церковь на личной яхте «Стандарт», освященная в честь святого Великого князя Александра Невского. Ее иконостас был выполнен в живописной манере.

Церковь числилась в Морском ведомстве, и ее священник, соответственно, подчинялся протопресвитеру Военного и Морского духовенства. Вообще за все царствование Государь больше посещал различные военные, епархиальные, а не придворные церкви (кроме церкви Собственного Александровского дворца).

Также можно отметить, что Императорская чета очень любила навещать древние московские кремлевские терем-

ные церкви (Рождества Богородицы, Воскресения Словущего, Воздвижения Креста, Воскресения праведного Лазаря и др.), Чудов монастырь и главные соборы России: Успенский, Архангельский, Благовещенский, а также Троице-Сергиеву лавру⁹¹.

После посещения пещер Киево-Печерской лавры в 1896 году Императорская чета присутствовала на освящении Киевского Владимирского собора (служба продолжалась 2,5 часа), стоя в алтаре⁹². (Надо заметить, что Императрица, будучи женщиной, не имела права входить в алтарь⁹³, но, поскольку к тому времени она только недавно приняла православие, в этом отступлении от правил вряд ли можно винить только ее. Скорее Государь и прежде всего архиереи на освящении должны были хранить соответствующий порядок.)

В 1900 году Венценосные супруги, будучи в Москве, во время Великого поста присутствовали на мироварении, которое возглавлял московский митрополит⁹⁴.

Во время постоянных поездок по стране Царь (а только за период 1914–1916 годов он преодолел более 100 000 км) побывал во множестве православных храмов в разных уголках Империи.

Можно отметить, что, имея многочисленных родственников разных христианских вероисповеданий и по долгу службы, Государь с супругой иногда присутствовали на иноверных богослужениях или посещали иноверные храмы. Например, в Санкт-Петербурге Государь молился в 1900 и 1910 годах на поминальной службе в англиканской церкви, в 1900 году — на заупокойной службе в католической церкви, в 1901 и 1914 годах — на заупокойной службе в лютеранской церкви святого Петра, в 1904 году — на отпевании в реформатской церкви. В 1914 году в Тифлисе Император посетил Ванский армянский собор, суннитскую

и шиитскую мечети, а в 1916 году — всей Семейей мечеть и караимскую кенассу в Евпатории⁹⁵.

За рубежом, на родине Императрицы в Дармштадте, в 1899 году на личные средства Государя был освящен храм в честь святой равноапостольной Марии Магдалины. Землю под него собрали в разных губерниях России и свезли в Дармштадт более чем в 400 вагонах, разные виды гранита привезли с Урала, Кавказа и Сибири⁹⁶.

Этот храм был воздвигнут в стиле старинных московских и ярославских церквей. Однако в нем много и живописного убранства, присущего более позднему времени, а также элементов стиля модерн. Казалось бы, такую эклектику сложно представить гармоничной, но храм производит впечатление именно своей художественной цельностью.

В заключение скажем: при устройстве новых храмов Императорская чета ориентировалась прежде всего на русскую национальную традицию. Но в целом в любимых храмах Императорской четы, ею построенных или часто посещаемых, мы видим разные художественные направления. Во-первых, под церковную классику: русскую (Федоровский собор в Царском Селе), византийскую (пещерная церковь в Дворцовом госпитале Царского Села), грузинскую (церковь в Ливадии). Встречаем классическую европейскую живописную школу XIX века (роспись иконостаса походной церкви Императора Александра I) и русскую живописную школу (церковь на яхте «Штандарт»), а также современный Государю и любимый им стиль модерн (элементы его есть в убранстве церкви в Дармштадте).

Над созданием храмов работали лучшие российские и европейские архитекторы и живописцы, но все проекты рассматривались и утверждались лично Императором или Императрицей, если храмы были устроены ее попечением, которые входили буквально во все тонкости.

Из сохранившихся проектов или самих построек видно, что Императорская чета имела весьма глубокий художественный вкус и, мы бы сказали, духовное понимание искусства.

При этом Венценосцы лично предпочитали молиться в небольших, даже походных церквах, а также в подземных храмах.

К счастью, любимые храмы Императорской семьи с большими потерями, но все же перенесли советское лихолетье и мировые войны. Лучше всех сохранилась церковь в Дармштадте. До сих пор в ней используются аналои, хоругви и другая утварь, изготовленная в конце XIX века по индивидуальному заказу в единой стилистике с общим оформлением церкви.

Храм в Ливадии также сохранился, и после блистательного возвращения Крыма в Россию ему уделяется большее внимание. Идут реставрационные работы, усилиями прихода при церкви открыто Древлехранилище (музей) памяти Семьи Императора Николая II.

Сохранилась придворная Царскосельская церковь в честь иконы «Знамение», и ныне богослужения в ней продолжаются.

После отъезда Государя из Царского Села в Тобольск в Александровском дворце служб уже не было, но походный иконостас Императора Александра I хранился во дворце. Его вывезли перед немецкой оккупацией, а в 1956 году передали в Государственный Эрмитаж, на балансе которого иконостас состоит до сих пор. Иногда он демонстрируется в разных экспозициях. Ныне в Александровском дворце восстановлена комната, где помещалась походная церковь,

и ежегодно в юбилей отъезда Царской семьи в Тобольск здесь служат молебны Царственным страстотерпцам.

К сожалению, практически ничего не осталось от пещерного храма Царкосельского дворцового госпиталя. В его помещении располагается реанимационное отделение городской больницы имени Семашко.

Федоровский Государев собор был закрыт в 1933 году и перенес огромные утраты: в храме в разное время размещались кинозал, архив, овощехранилище. Но ныне собор полностью восстановлен, внутри украшен великолепной резьбой и иконами в древнерусском стиле, имеет статус памятника архитектуры федерального значения. Начаты работы по восстановлению всего комплекса зданий Русского городка Царского Села, и мы надеемся на их успешное завершение.

ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ ВЕНЦЕНОСЦЕВ

С каждым днем моя любовь становится сильнее и глубже. Милый, какой будет конец?⁹⁷

В этой главе мы осветим различные аспекты духовных устремлений Царской семьи в целом, включая период и после их ареста. При этом особое внимание уделим времени до заключения Семьи под стражу, а позднейшие (царскосельский, тобольский и екатеринбургский) отрезки их земного пути будут детально рассмотрены в соответствующих главах.

Итак, попробуем немного приоткрыть духовный мир Венценосцев.

Прежде скажем об Императрице Александре Федоровне. По рождению она принадлежала к протестантской вере. Переход в православие был для нее едва ли не самым важным из принятых решений, которое далось ей с огромным борением и трудом. Будущая Царица хотела

быть «верной христианкой», а, как натура цельная, поначалу воспринимала перемену вероисповедания изменой убеждениям, изменой Богу, сделкой с совестью, конформизмом ради свадьбы.

Она любила Цесаревича, как может любить 18-летняя девушка первой любовью, и жаждала брака, но имела твердую уверенность, что «глубочайшая религиозная убежденность и чистая совесть по отношению к Богу выше всех земных желаний»⁹⁸. Поэтому несколько раз Принцесса Алике писала суженому, что отказывается от свадьбы, или просила повременить, чтобы лучше разобраться в новой религии. «Чем больше я о ней узнаю, тем больше мира будет в душе. Из-за этого не надо торопиться», — писала она жениху⁹⁹. В иной раз Принцесса корила себя, что, будучи уже «православной в душе», боится перейти в иное исповедание из-за возможного раздора с родственниками, а потом опять находила себя «недостаточно подлинно убежденной» в православной вере. В этом не было ни тени кокетства. Цесаревичу приходилось вновь и вновь уговаривать Алике, учить ее вере (почитанию святых, икон, обоснованию института монастырей и другим особенностям православия) и молиться за нее. Молилась и Алике. Так они и вымолили свой брак. Это продолжалось в течение пяти лет.

Их любовные письма — по сути религиозная переписка. Ее можно изучать на уроках нравственного богословия.

Многие, если не все, духовно-нравственные принципы Государыни были сформированы в девичестве (если не в детстве). В письмах будущей Царицы с ранних лет один из лейтмотивов — необходимость и полезность для души перенесения несчастий. Можно предположить, что мысль о необходимости страданий была примирением Принцессы с ее достаточно болезненным физическим состоянием, обоснование которого она нашла в христианском понима-

Настольная медаль в память бракосочетания Императора Николая II с Принцессой Аликс (Алисой) Гессенской 14 ноября 1894 года.

На об. ст. медали в центре у Царских врат Большой церкви Зимнего дворца Император и Принцесса Аликс (Алиса). Справа от венчающихся Король Датский Христиан, правее от него — вдовствующая Императрица Мария Федоровна.

Слева от венчающихся их духовник протопресвитер Иоанн Янышев (в митре), соборно с придворным духовенством и протоиереем Иоанном Кронштадтским (крайний справа, в камиллавке) совершает таинство брака. Из коллекции древлехранилища (музея) памяти Семьи Императора Николая II Крестовоздвиженской дворцовой церкви в Ливадии

нии болезни как воли Божией, с которой надо смириться и по возможности использовать ниспосланные беды в духовном росте (подробнее об этом см. на с. 280–307). «Страдания всегда приближают нас к Богу, верно?» — пишет она жениху¹⁰⁰. Второй лейтмотив ее писем — богоискательство: «Настоящий секрет, как найти Бога, — это посвятить Ему всю свою жизнь...»¹⁰¹. И, конечно, молитва: «Любимый мой мальчик, сегодня утром в церкви я горячо молилась за тебя. А ты молился за меня? Я снова буду молиться через час...», «Молитва так облегчает всем тяжесть земного бремени...», «Я знаю, как серьезно ты должен сейчас молиться...», «Скоро будет два месяца, как мы расстались, и я не очень представляю, когда мы сможем встретиться. Это тяжело, но единственный способ преодолеть это — это молиться [подчеркнуто в оригинале. — К.К.] и просить Господа быть к нам милосердным, и да будет Его воля!» — вновь и вновь пишет Аликс «драгоценному Ники» и просит его «благословения на ночь»¹⁰².

Из сказанного вытекали две другие черты Государыни: милосердие («Лучший способ перенести наше горе — это утешать другие измученные души») и чувство ответственности («Выполняй свой долг, это самое лучшее, остальное предоставь Богу», — пишет она)¹⁰³. Принцесса остро и глубоко переживала сознание долга, что видно по всем ее письмам как жениху, так и к другим лицам. Долг Аликс понимала широко: это долг родине, долг вере, долг службе, долг семье и т.д. «Жить и творить для кого-то другого, делить с ним жизнь, горевать с ним и праздновать, — если он подавлен, поднять ему настроение. Долг жены прекрасен», — писала она к подруге юности¹⁰⁴.

Все нравственные ориентиры молодости Принцессы Аликс дали свои плоды, укрепились и расцвели в дальнейшем.

Вспоминая прошлое, в письме к Императору от 8 апреля 1916 года Государыня отметила, что «уже в то время [юности] вера и религия играли большую роль в моей жизни. Я не могу относиться к этому просто, и если на что-нибудь решаюсь, то уже навсегда, то же самое в моей любви и привязанностях. **Слишком большое сердце — оно пожирает меня**»¹⁰⁵. Слово «пожирает», как кажется, замечательно характеризует цельность и целеустремленность характера, душевного и духовного склада Императрицы. Интересно отметить, что слово «пожиратель» (по-гречески: τρώγων, трогон) четыре раза употребляется Евангелистом Иоанном в следующем контексте слов Господа: «Ядущий [буквальный перевод: Пожиратель. — К.К.] Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я его воскрешу в последний день; <...> Ядущий [Пожиратель] Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем; <...> ядущий [Пожиратель] Меня жить будет Мною; Сей-то есть хлеб, сшедший с небес; не так, как отцы ваши ели манну и умерли: ядущий [Пожиратель] хлеб сей жить будет вовек»¹⁰⁶. Пожирать — значит целиком отдаваться процессу, желать его, не обращая внимания ни на что. Известна и фраза из Псалтири: «Ревность по доме Твоем [Божием] снедает меня»¹⁰⁷. Ревность по правде и снедала, пожирала Императрицу. Из ревности и жажды правды возникала ее преданность Богу, мужу, семье и являлась одной из ключевых черт ее характера.

При этом учитель Наследника Чарльз Сидней Гиббс свидетельствовал, что Императрица в религиозной жизни, «будучи **преданной** Православию <...> вела себя без всякого фанатизма и с величайшей умеренностью»¹⁰⁸.

Государыня сразу полюбила православный храм. Начальник канцелярии Министерства Императорского двора

Император Николай II с Семейей на молебне во время смотра 52-го пехотного Виленского полка. Феодосия. 1911. Обратим внимание, что офицеры и нижние чины, как было положено, стоят на одном колене, священнослужитель, как принято, на двух коленях, а Император с Наследником и женской половиной Семейи по собственному почину — на двух коленях

Императорская чета на водосвятном молебне в память 25-летия взятия крепости Плевна. Молитву читает протопресвитер Иоанн Янышев. Ливадия. 28 ноября 1902

Император Николай II на яхте «Штандарт». 1913. На правой стороне груди Государя орден святого Владимира IV степени.

Можно отметить, что все Великие князья при крещении получали высшую награду Российской Империи — орден святого апостола Андрея Первозванного и вместе с ним высшие степени всех российских орденов, кроме двух — святого равноапостольного князя Владимира и святого великомученика и Победоносца Георгия. Этими наградами Император, Великие князья, как и другие чины, могли быть пожалованы за личные отличия, а не по праву рода. Так, Государь Николай II заслужил орден святого Владимира IV степени, согласно статуту ордена, наравне со своими подданными за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах.

До ноября 1915 года Император постоянно носил именно орден святого Владимира IV степени, возлагая другие орденские знаки на официальных мероприятиях, согласно принятым церемониалам. В октябре 1915 года Государь был пожалован орденом святого Георгия IV степени и с тех пор носил уже военный орден. Примечательно, что в любимом Императорской семьей пещерном храме Серафима Саровского в Царском Селе закладками в напрестольном Евангелии (см. илл. выше) служили ленты лично заслуженных Государем орденов: святого Владимира и святого Георгия

Александр Александрович Мосолов вспоминал: «Православная обрядность очень понравилась ей, еще когда она была совсем юною принцессой. <...> Я часто имел случай видеть Императрицу на церковных службах. Она обычно стояла как вкопанная, но по выражению ее лица видно было, что она молилась»¹⁰⁹.

Ее Величество всей душой старалась изучить и глубоко воспринять православную веру, постоянно совершенствовать себя и учиться молитве, духовному взгляду на вещи. Так в 1900 году она писала Государю: «Случается, что я не предаюсь в достаточной степени молитве. Помогите мне, милый, покажи, как быть доброй с другими и снисходительной к ним, не судить их слишком строго»¹¹⁰.

В 1919 году няня Августейших детей Александра Александровна Теглева свидетельствовала: «Она много молилась и была очень религиозна. Я не видела никогда столь религиозного человека. Она искренно верила, что молитвой можно достичь всего»¹¹¹.

О том же пишет и генерал Дитерихс: «Она была именно величественна, как Царица, *величественна в своих чувствах, взглядах и особенно в духовных и религиозных воззрениях*. <...> Ея вера в Бога была искренняя и глубокая. Как человек, не терпевший по природе какой-либо лжи, Она, приняв Православие, приняла веру не по форме, не по необходимости, а всем сердцем, всем разумом, всей волей. Иной Она не могла быть. Ея вера, Ея набожность были искренни, глубоки и чисты. Никакого “ханжества” в Ней не было и по натуре не могло быть. На основе христианского учения Она верила всем сердцем и в силу молитвы, *верила до конца*»¹¹².

Спектр духовных интересов Государыни хорошо просматривается, помимо ее корреспонденции, через собственноручные тетради — сборники выписок из полюбив-

шихся авторов. Она составляла их на протяжении всей жизни. Так, записные книжки конца 1900-х годов содержат выдержки из творений преподобных отцов: Ефрема Сирина, Макария Великого, Иоанна Кассиана Римлянина, Пимена Великого, Исаака Сирина, Антония Великого, Арсения Великого, Сисоя Великого, Симеона Нового Богослова, Иоанна Лествичника и Марка Подвижника¹³.

Много заметок, носящих общехристианский нравственный характер, было выписано Императрицей у протестантских и англиканских писателей. Отметим, что Императрица, в частности, переписывалась с англиканским епископом Уильямом Бойдом Карпентером (William Boyd Carpenter; 1841–1918), доктором богословия, проповедником, одна из работ которого была переведена на русский язык (Сын Человеческий среди сынов людских. СПб., 1913)¹⁴.

Обратим внимание на тетрадь Государыни, составленную под арестом в 1917–1918 годах. Из святых подвижников наибольшее количество высказываний, переписанных Императрицей, принадлежит преподобному Серафиму Саровскому. Также присутствуют цитаты из трудов Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина, Тихона Задонского, Марка Великого, аввы Дорофея, Иоанна Кассиана Римлянина, Иоанна Златоуста и других. Они сделаны попеременно со стихами российских литераторов, в основном ныне малоизвестных: Надежды Дмитриевны Бронницкой (1867 — упоминается 1919) и Михаила Павловича Розенгейма (1820–1887), а также стихами Алексея Степановича Хомякова (1804–1860), Аполлона Николаевича Майкова (1821–1897), Великого князя Константина Константиновича Романова (1858–1915), Веры Ивановны Рудич (1872–1943), Сергея Сергеевича Бехтеева (1879–1954) и других. Стихотворения последнего были посвящены Императорской семье и посланы ей в заточенье (самое известное из них см. на с. 312–315).

Все стихи были религиозного содержания и, за некоторым исключением, довольно просты. Приведем краткие выдержки из заметок Императрицы:

«Мы поднимаемся; конечного предела
Нам не достигнуть здесь!.. и правды свет идет
Путем борьбы и мук, путем труда и дела
В тот край, где Истина нас ждет.

Броницкая

<...> Но в целом — горе то ж горнило..
Светлее дух, как золото в нем;

[*без подписи*]

<...> Но чтоб металл возник лучистый,
Палить в огне его должно;
Но чтобы хлеб испечь душистый,
Должно быть смолото зерно

Броницкая

<...> Ибо великие награды и воздаяния получаются
не только за то, что делаешь добро, но и за то, что
терпишь зло.

Св. Иоанн Златоуст

<...> Есть дивная сила в сердечной молитве;
И, ею согретый, иду
Спокойно навстречу я жизненной битве;
И горя бестрепетно жду.

Розенгейм

<...> Оскорбления от других должно переносить равнодушно, как бы они не до нас касались. Если же невоз-

можно, то, по крайней мере, надобно удерживать язык — по глаголу Псалмопевца: “Смятохся и не глаголах”.

*Св. Серафим Саровский*¹⁵.

Последнее поучение в тетради Великой княжны Татьяны Николаевны за 1917 год приведено полнее: «Надобно всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески сдерживаться от гнева, и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний. — Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы это не до нас касалось. Мир душевный приобретается скорбями. — Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно удерживать язык по глаголу Псалмопевца: смятохся и не глаголах»¹⁶.

Свое религиозное настроение Государыня передавала детям. Памятование о Боге — мысль, внушаемая им с самого раннего детства. По свидетельству фрейлины графини Анастасии Васильевны Гендриковой, любимой темой для разговоров между Государыней и ее дочерьми была «молитва и различные выражения отношения человека к Богу, отношения, которые должны быть основой всей духовной жизни»¹⁷. Так, Императрица писала юной Великой княжне Ольге Николаевне: «Прежде всего, научись любить Бога всеми силами души, и Он всегда будет с тобой. Молись Ему от всего сердца. Помни, что Он все видит и слышит. Он нежно любит своих детей, но они должны научиться исполнять Его волю»¹⁸.

Постоянно Императрица учила детей терпению. Показательно, например, что в конфликте 13-летней Великой княжны Ольги Николаевны с гувернанткой Государыня дала дочери следующий совет: «Ты должна научиться

Государыня в любимом месте Императорской четы — на Нижней даче в местечке Александрия в Петергофе, где у супругов родилось четверо детей: Великие княжны Татьяна, Мария, Анастасия и Цесаревич Алексей

обуздывать свой язык и, когда чувствуешь, что собираешься сказать что-то нехорошее или грубое, старайся от этого воздерживаться. Быстро помолись, чтобы Бог тебе помог. У меня было столько всяких историй с моей гувернанткой, и я всегда считала, что **лучше всего извиниться, даже если я была права**, только потому, что я младше и быстрее могла подавить свой гнев. М. такая хорошая и преданная, но сейчас она очень нервничает: она четыре года не была в отпуске, у нее болит нога, она простудилась и очень переживает, когда нездоров Бэби. И целый день находиться с детьми (не всегда послушными) для нее тяжело. Старайся всегда **ей сочувствовать** и не думай о себе. Тогда, с Божией помощью, **тебе будет легче терпеть**»¹¹⁹.

Терпение — рефрен писем Императрицы к детям. Вновь и вновь она повторяет сказанное, например, в письме к 10-летней Великой княжне Марии Николаевне: «Старайся всегда больше всего любить Его и **быть хорошей терпеливой** маленькой девочкой»¹²⁰.

Образцом для Великих княжон стали и материнские сборники цитат духовного содержания, которые они переписывали в свои тетради¹²¹. Посмотрим их.

Первой откроем тетрадь старшей Великой княжны Ольги Николаевны. На форзаце брошюры надпись: «Ольга Романова от Мамы — 21 марта 1917 г. Царское Село». Записи сделаны на русском и французском языках на 180 страницах. Сборник начинается цитатой из поучений преподобного Серафима Саровского:

«**Надо всегда терпеть**, и все, что бы ни случилось, Бога ради с благодарностью. Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью. В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце. Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему. Возлюби смирение. Когда мы отвращаемся

от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится. С ближними надо обходиться ласково, не делая даже и вид оскорбления. За обиду, каковой бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы что и противилось сему, и склонять его [то есть сердце] убеждением слова Божия: аще не отпускаете человеком согрешения их и Отец ваш Небесный не отпустит вам согрешений ваших, — молитесь за творящих вам [напасти]. <...> Надо всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других. Для сего нужно всячески удерживаться от гнева, и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний...»¹²².

Из творений святых отцов в тетради Великой княжны Ольги выписки поучений Георгия Затворника, Серафима Саровского, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста, а также выдержки из сочинений православных духовных писателей: архиепископа Макария (Миролюбова, 1817–1894)¹²³, архиепископа Анатолия (Мартыновского, 1793–1872)¹²⁴, святителя митрополита Филарета (Дроздова, 1782–1867)¹²⁵, архиепископа Евсевия (Орлинского, 1806–1883)¹²⁶.

Много выписок Великая княжна сделала из популярной в то время книги «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года», автором-составителем которой был государственный деятель и писатель граф Петр Александрович Валуев (1815–1890)¹²⁷, подписывавшийся псевдонимами: «Грейгауз» и «Клербе»¹²⁸. Сборник содержит тексты из Священного Писания, выборки из проповедей российских и иностранных богословов, а в особенности из трактата немецкого католического монаха Фомы Кемпийского (ок. 1379–1471) «О подражании Христу». Это сочинение издавалось большими тиражами в переводе самого обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева¹²⁹.

Государыня присела на постель
больного. 1915

Великие княжны при осморе
раненного воина. 1915

Великая княжна за обработкой раны.
1915

Трактат «О подражании Христу» считается самым известным богословским сочинением в истории, к настоящему времени выдержавшем свыше 5000 переизданий³⁰.

Великая княжна Татьяна Николаевна в свою тетрадь переписала в основном цитаты, собранные матерью в период 1890–1910 годов на русском, английском и французском языках. Первая фраза в тетради Великой княжны Татьяны:

«Если не узнать, что такое **скорбь**, то не узнать, и что такое покой», а последняя: «**Скорбь** Ваша неопишима, скорбь Спасителя в Гефсиманском саду за грехи мира безмернее, присоедините вашу скорбь к Его скорби, в ней найдете утешение» (это текст телеграммы протоиерея Иоанна Кронштадтского, посланной Царю после убийства Великого князя Сергея Александровича в 1905 году)³¹.

Среди записей Великой княжны Татьяны поучения святых Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Георгия Затворника (Задонского), Серафима Саровского. Например, следующие:

«Постарайся обрести Иисуса Христа в сердце твоем: ибо кроме сердца нашего тебе в ином месте найти Его не можно.

Старайся, чадо, всегда быть простосердечным и искренним, и не держи одно на сердце, а другое на устах, потому что ложь от лукавого. Страсть осуждения, [это] то что также есть выражение отсутствия любви к ближним. Она стала столь обычным в наши дни, что не признается почти и грехом. Если же и случается говорить о ней, то почти всегда стараются мотивировать ее горячим пылким сердцем, любовью к ближним и желанием исправить их недостатки, или наконец даже мнимую невинностью этой страсти. Обычно говорят: какая важность в осуждении; но от этого образуется злой навык и человек начинает не радеть о великом. От того, что человек позволяет себе

малое зазрение ближнего, ум его начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. От этого происходит, что мы осуждаем, злословим, укоряем ближнего и наконец, впадаем в то самое, что осуждаем. <...>

Быть с Христом в особенности, значит исполнять волю Его; а воля Христа не другого чего требует, как только попечения о пользе ближнего. А что приносит пользу ближнему, это суть: милостыня, наставление и любовь. [Подчеркнуто Великой княжной. — К.К.] <...>

Болезнями телесными душе напоминает о грехах и о покаянии; исповеданием же грехов и покаянием душа очищается от грехов Милостью Божиею. Требующие милости Божией должны и сами милость оказывать каждому требующему возможной помощи в какой-либо нужде и нищете. Это вы знаете: хотя бы и мнилось еще более жить, однако и сегодня и завтра нужно быть готовым к оставлению всего и не иметь никакого гневного сердца, чтобы сохранить тихий мир и любовь; по заповеди Господней. Пост и молитва каждому христианину и христианке очень нужны для достижения вечного покоя. Легко можно потерять вечное наслаждение чрез временное наслаждение чувств»¹³².

Тетрадь юной Марии Николаевны так же, вероятно, 1917 года, на нескольких листах содержит изречения старца Георгия Затворника и святого Иоанна Златоуста. Первая запись в ней: «Земное полюбя нельзя **без слез пробыть**: так лучше красоты небесные любить!» с подписью «Георгий Затворник (Задонский)», датой — 11 февраля 1909 года, первой буквой имени Великой княжны и крестом: «М+»¹³³.

Как видим, в целом подбор духовных поучений, записанных Великими княжнами, открывает простой душевный склад молодых девушек, полных чистых устремлений, искренне старающихся быть лучше, старающихся стать

Великая княжна Анастасия за вязанием в возрасте шести-семи лет. Не позднее 1908

Великая княжна за вязанием в перерыве на работе медсестрой. 1915

Императрица Александра Федоровна за вышивкой
в собственном лазарете. 1915

полезными для других, иметь силу памятовать о Боге и поуждаться себя служить ближним, не осуждать, быть скромнее и т.п. Быть «хорошими».

Как мы говорили выше, надежда на Бога — постоянное чувство Государыни с детских лет. Оно не покидало ее ни в имперский период, ни в заключении. Нам кажется это крайне важным. Нередко при тяжелых жизненных катаклизмах человек производит кардинальную ревизию своей предшествующей жизни, ее глубокую переоценку, поиск ошибок, имея инстинктивное желание их исправить, использовать, так сказать, «последний шанс».

Подобного желания у Императрицы не видно. Так, будучи еще всевластной Царицей, Государыня Александра Федоровна в 1915 году писала мужу: «Трудно выразить на бумаге все мысли и чувства, я ощущаю себя как человек, **который весь вверил себя лишь попечению Божию**, ожидая от него счастья души своей; охватывает благоговейный страх и чувство святости момента — такое тайное можно постичь только там»³⁴. И в феврале 1918 года то же настроение: «Душа тиха, чувствуешь близость Божию», «Вера крепка, дух бодр, чувствую близость Бога»³⁵.

15 марта 1918 года Императрица писала Юлии Александровне Ден: «Я чувствую около себя Его присутствие и чудесная тихая радость заполняет мою душу <...> и трудно это объяснить, потому что все кругом так бесконечно грустно, но это чувство приходит Сверху и не зависит от нас, и знаешь, что Он не оставит, укрепит и защитит»³⁶.

26 марта — Анне Александровне Вырубовой: «Бывает, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свет сияет в душе»³⁷.

12 апреля — Александру Владимировичу Сырбоярскому: «Дух бодр, хотя много волнений кругом и предположений, но душа не тронута»³⁸.

Итак, мы видим: с детства и до последних дней в записках Императрицы рефреном звучит мысль: Бог близок, Бог не оставит.

То же касается и Великих княжон. Как мы говорили выше, их тетради, датированные 1917 годом, содержат записи более ранних лет. Из этого можно сделать вывод не только о том, что, переписывая ранние заметки, Великие княжны проговаривали их про себя вновь и вновь, стараясь глубже понять, но, главное — в их сознании не было дискретности: мировоззрение девушек, нравственные ориентиры остались теми же, что были до ареста.

Их внутренняя жизнь — цельная. Перевернулись, кардинально изменились внешние обстоятельства, но это, кажется, не затронуло их души. Как на вершине социального положения они старались вверить себя воле Божией, помня, что без нее ничего не происходит, так и в заключении. Следовательно, по сути для них ничего не поменялось.

Философа Василия Васильевича Розанова поразило, что отрекшийся Государь под арестом «стал в Царском колоть лед»³⁹. Но Император колол лед в Царском и будучи абсолютным монархом, да с дочерьми. «Кололи четверо с Папой лед», «Кололи лед с Папой», «Днем с Папой и матросами кололи лед», «Мы [Великие княжны] кололи с матросами лед», «Кололи остатки льда с матросами» — записи в дневниках сестер Марии и Татьяны Николаевны, сделанные весной 1916 года⁴⁰. И мимолетом из Ставки в письме «милой Мари» отец замечал: «Сегодня нашел лопату в саду и хорошо поработал в снегу»⁴¹. Так и в духовной жизни. Не потрудился вчера — не будет и завтра.

Все поучения из личных рукописных сборников Великие княжны реализовывали на практике: в 1917 году к этому было много поводов, даже слишком много: провокации от солдат охраны, комиссаров, газет... Наставления святых

отцов дети воплощали успешно: никаких срывов, капризов, плача, крика, недовольства, уныния у них **не видел никто и никогда**: ни верные слуги, ни охрана, ни враги. Нет **ни одного** свидетельства об их жалобах, грубости, желании мстить.

Теперь скажем несколько слов о религиозности Государя. Мягкость и обаяние ярко-голубых глаз Царя, его проникновенно-сердечный взгляд всегда в глаза собеседнику, душевность и простоту признавали все. Такой же была его вера: задушевной, тихой. Никто ни на миг не усомнился в его преданности православию, но при этом мы не знаем обвинений Царя в «ревности не по разуму» или клерикализме. Это был человек золотой середины. Государь не вел записей религиозно-философского характера, в отличие от женской половины своей Семьи, держа переживания внутри себя.

После революции он абсолютно не страдал от потери власти. Единственно, о чем, но с невыразимой мукой жалел Царь в заключении, была Россия.

Страдала о растерзанной Родине и Императрица, но Царь более. Он жалел о случившейся катастрофе после так называемого отречения (подробней о нем далее). Кто знает, как разрывалось его сердце? Как он выдерживал страшное напряжение каждый день? Такие силы мог дать только Бог и вера в Его Провидение.

Сущностная черта, стержень духовной жизни Царя, на наш взгляд, лучше всего характеризуется фразой Чарльза Сиднея Гиббса: «Сердце Его было жалостливо»¹², а жалость — сердцевина любви. Или ее вершина. Чтобы понять мотивы тех или иных поступков Царя, надо исходить из его жалостливого сердца.

Отметим и мнение о Царице генерала Дитерихса: «Государыня была бесконечно добра и бесконечно жалостлива»¹³.

Общее религиозное настроение создавало в Царской семье совершенно особую обстановку взаимной любви и уважения. В это трудно поверить, но ссор между супругами не было. Мы ничего не слышим о них даже из уст недоброжелателей. Императрица старалась во всем поддерживать мужа и никогда «не давила» на него, что вполне соответствует православной парадигме идеальной семьи. Из переписки Венценосцев в последний период царствования видно, что жена часто советовала Императору в политических и управленческих вопросах, желая ему помочь, но всегда принимала его решения. Николай II был для нее не только муж, но и Царь, что Александра Федоровна очень хорошо понимала.

Интересно, что дочери Императора практически не общались с «высшим светом», не имея склонности участвовать в сплетнях, интригах и не давая повода всякого рода искушениям. Это было заложено матерью. Поэтому, например, в мае 1916 года Великая княжна Татьяна Николаевна писала: «Поехали с Мамой в ее уланский лазарет, где были все полковые дамы [то есть жены офицеров. — К.К.]. <...> Очень было странно видеть такое количество дам, когда так от них отвыкли»¹⁴⁴. В товарищи юному Цесаревичу Императрица выбрала не отпрысков высшей аристократии, а сыновей дворцовых слуг, воспитателей, сына доктора Владимира Николаевича Деревенко, с кем Наследник дружил и в Тобольске.

При вынужденной разлуке, когда Государь уезжал в Ставку, супруги писали друг другу ежедневно. Причем иногда Царь писал, еще будучи во дворце, с тем расчетом, чтобы, когда он уедет, весточка пришла на следующий день и не было возможного перебоя с ежедневным письмом.

Дети, чтобы не перегружать Царя, писали ему по очереди. Многие письма были подписаны изображением

Семья Государя Императора Николая II
и Великая княгиня Елизавета Федоровна
в больнице Солдатенкова (ныне Клиническая
больница им. Боткина) в Москве. Август 1914

Иконы Царской семьи, найденные в Ипатьевском доме. Снизу вверх слева направо: вторая икона — святого Серафима Саровского, четвертая — святого Сергия Радонежского; второй ряд — пять икон виленских мучеников Антония, Иоанна, Евстафия; третий ряд по центру — шесть икон святителя Иоанна Тобольского, далее — две иконы святого Симеона Верхотурского; стоят слева — четыре иконы Пресвятой Богородицы «Знамение», справа — две иконы святителя Николая Чудотворца; на заднем плане — две большие иконы «Спас Нерукотворный». Фото Н. Введенского

креста, фразами: «Храни Тебя Бог», «Господь с Тобой», «До свидания, мой ангел, Христос с Тобой», обещанием молитвы или просьбы о ней. Или, например, так: «Твоя преданная и верная, любящая Тебя Твоя дочь 13-летняя раба Божия Настасья»¹⁵.

После принятия Государем должности Главнокомандующего старшая дочь подписала письмо: «Помни и храни Тебя Господь на этом новом и тяжелом, но святом пути. Все наши молитвы и мысли будут около Тебя, Папá, ангел мой любимый», а младшая: «Мы все тут будем молиться за Тебя, чтобы Тебе было легче все это перенести. Будь здоров. Не утомляйся. Бог поможет! Спи хорошо. Да хранит Тебя Господь»¹⁶. Все пожелания были едины и шли от сердца.

Изображением креста и подписью «Христос с тобой» нередко подписывался в письмах к детям и Государь. «Он сильно любил Семью и был по натуре редкий семьянин», — констатировала помощница няни Царских детей Елизавета Николаевна Эрсберг¹⁷.

Начальник охраны Императорской семьи под арестом в Царском Селе и Тобольске полковник Евгений Степанович Кобылинский свидетельствовал: «Жизнь в своей семье всех их так духовно удовлетворяла, что они **никого общения не требовали и не искали**. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу»¹⁸.

Чарльз Сидней Гиббс впечатления от близкого знакомства с Императорской четой выразил так: «Для Нее [Императрицы] самое дорогое было — семья, а потом православная церковь. <...> Это была идеальная пара супругов. Они никогда не [хотели] расставаться, и редко встретишь, особенно в России, такую пару супругов, которые бы так скучали друг по другу, когда Им приходилось расставаться. Государь поэтому и брал с собой Алексея Николаевича

в Ставку: это было заменой Жены и вообще Семьи. <...> Это была идеальная в отношении друг к другу семья, совершенно редкая. Они **не нуждались в других и были довольны быть вместе**¹⁴⁹.

Они умерли в один день и час.

Такая любовь не может возникнуть «просто так» и держаться десятилетиями. Она происходит из веры, когда семья трудится, чтобы стать по православному учению «малой церковью», являя внутри себя христианскую любовь, имея желание послужить ради того, что Бог так заповедал. Приведем одну из записей Императрицы: «Мессию в Ветхом Завете много раз называют Слугой Божиим. Служение — это не что-то низменное, это Божественное. Если бы мы только внесли этот закон служения в нашу домашнюю жизнь, это сделало бы нас внимательным ко всем [подчеркнуто Государыней. — К.К.], а дома наши превратило бы в места Божественной любви. Если бы мы научились так служить, как Христос, то стали бы думать не о том, как получить какую-то помощь, внимание и поддержку у других, но о том, как другим принести добро и пользу»¹⁵⁰. Эту мысль Царица старалась воплотить в жизнь. И Царская семья действительно стала «малой церковью».

Практическим выражением взаимной семейной любви было милосердие к окружающим. Оно ярко выразилось в период Первой мировой войны. (Хотя еще до ее начала Великие княжны посещали Царскосельскую общину сестер милосердия. Младшие девочки называли Общину «медицинской школой». Великая княжна Анастасия писала отцу в мае 1913 года: «Мы идем в школу сестер, я так рада»¹⁵¹.) В 1914 году Императрица со старшими дочерьми Великими княжнами Ольгой и Татьяной прошли медицинские курсы и, получив звание хирургических сестер милосердия, всю войну прослужили в Дворцовом лазарете

(с августа 1916 года получившем наименование Собственный Ея Величества лазарет № 3).

Живой пример детям являла Императрица: она ассистировала при самых трудных операциях: мыла, брила места рядом с намеченным разрезом, подавала инструменты, принимала ампутированные конечности, перевязывала, стирала, убирала, стерилизовала инструменты. Нередко, по просьбе офицеров и солдат, *держала их за руку* во время операции, гладила по голове. Всему этому есть свидетельства очевидцев и самих страждущих. (Отметим, что родная сестра Государя Великая княгиня Ольга Александровна добровольницей всю войну провела в прифронтовом госпитале, также работая рядовой сестрой милосердия. И она, в частности, писала: «Меня доктор зовет всегда поласкать больного — во время трудных перевязок — *ибо во время сильной боли я их обнимаю, глажу и ласкаю*»¹⁵².)

Государыня видела агонии, боль, слезы, кровь, нечистоты. Видела страшные раны, кишящие паразитами, вытекшие глаза, изуродованные лица, раздробленные конечности. Видела смерть. Чтобы немного почувствовать ощущения Императрицы при потере раненых, приведем как пример ее письмо Государю от 2 марта 1915 года: «Мой бедный раненый друг скончался. Бог мирно и тихо взял его к себе. Я, как всегда, побыла с ним утром, а также посидела около часу у него днем. Он очень много говорил — лишь шепотом — все о своей службе на Кавказе — такой интересный и светлый, с большими лучистыми глазами. Я отдыхала перед обедом, и меня преследовало предчувствие, что ему внезапно может стать очень худо ночью и что меня не позовут и т.п., так что, когда старшая сестра вызвала одну из девочек к телефону, я им сказала, что знаю, что случилось, и сама подбежала принять печальную весть. <...> Ольга и я отправились в Боль-

шой дворец, чтобы взглянуть на него. Он там лежит так спокойно, весь покрытый моими цветами, которые я ежедневно ему приносила, с его милой тихой улыбкой — лоб у него еще совсем теплый. Я не могу успокоиться, <...> вернулась в слезах домой. Старшая сестра также не может этого постигнуть. Он был совершенно спокоен, весел, говорил, что ему чуть-чуть не по себе, а когда сестра, вышедшая из комнаты, ю минут спустя вернулась, то нашла его с остановившимся взглядом, совершенно посиневшего. Он два раза глубоко вздохнул, и все было кончено — в полном спокойствии до самого конца. Он никогда не жаловался, никогда ни о чем не просил, сама кротость, как она говорит — все его любили за его лучезарную улыбку. Ты, любимый мой, можешь понять, каково ежедневно бывать там, постоянно стараться доставлять ему удовольствие, и вдруг все кончено. <...> Еще одна благородная душа ушла из этой жизни, чтобы присоединиться к сияющим звездам там наверху. И вообще сколько горя кругом! Слава Богу за то, что мы, по крайней мере, имеем возможность принести некоторое облегчение страждущим и можем им дать чувство домашнего уюта»¹⁵³.

Императрица сопереживала несчастным, приучая к этому дочерей. Когда они начали служить в госпитале, Великой княжне Ольге Николаевне было 18, а Татьяне Николаевне 17 лет.

Царские дочери перевязывали и офицеров, и нижних чинов. Можно отметить, что на излечении в их лазарете было много кавказцев-мусульман, о ком сестры неизменно хорошо отзывались в своих дневниках.

Как пример приведем типовые записи из дневника старшей сестры Великой княжны Ольги Николаевны: «У меня Куликов 9-го Финского стрелкового полка, рана груди и челюсти.

Великие княжны Ольга,
Татьяна и Мария
Николаевны.
Яхта «Штандарт».
Севастополь. 1913

Великая княжна
Татьяна Николаевна.
Яхта «Штандарт».
Севастополь. 1913

Прибытие Государя, Наследника
и Великих княжон в Севастополь.
Великие княжны в одинаковой
скромной одежде. 1913

Офицеры штаба приветствуют
Великих княжон в Ставке.
Могилев. Май 1916

Абдулли 4-го стрелкового полка, левое плечо. Пивоваров 4-го Кавказского стрелкового полка, ранен в левую голень. Сидела с душкой [Мамед Бек] Иедигаровым на скамейке, К. и другие около. Хорошо, весело. <...>

Перевязывала Ягмина, Потулова, Андреева и Емельянова. После вязала, он клубок держал, другие около.

Была операция Кобылина. Ему вынули осколок из правой ноги и ноготь большого пальца левой руки. Мама инструменты подавала. Перевязывала Сычева, Андреева, Потулова и вновь прибывшего Зеленого, вынут правый глаз. <...>

Чистили инструменты. <...> Перевязала Орлова 2-й конной батареей, рана левой голени, Сергеева 31-го Алексеевского полка, рана левой стопы, Левицкого <...> 1-го гусарского Сумского полка, рана правой лопатки и предплечья. После Шеленкова, Масютина, Купова, Мелик-Адамова и Гординского. Сидели после в эриванской палате. Они пели и играли, ужасно хорошо. <...>

Поехали на перевязки в лазарет, очень скоро всех перевязали, так как больных было мало, и пошли играть в крокет. Споры и смеха было много, так как более нечестно, как мы играли, я думаю, нельзя играть. Остальные все неходячие раненные сидели в креслах и на скамейках, как в театре, и страшно хохотали. <...>

С Мамой к “Знамению” [то есть в церковь “Знамение”] и в лазарет. Делала что всегда, стелила койки, давала лекарства, кормила Штакельберга и т.д. <...> Вечером в лазарет. Обедаем раньше. Шила подушки, крутила палочки, помогала Валентине Ивановне варить физиологический раствор, а после играли в рубль. Все бинты окончили. <...>

Писала, стелила койки, давала лекарства, помогала Шарейко и Соколову есть. Он как всегда капризничал и есть не хотел»¹⁵⁴.

Из дневника Великой княжны Татьяны Николаевны: «Перевязывала Мухамединова 49-го Сибирского стрелкового полка. <...> С Шах-Баговым простилась, так как он сегодня уезжает в полк. Так жалко его, душу, что ужас, он такой милый. А.З.Ростомов убит. Так грустно, бедный мальчик. <...> Была у [церкви] “Знамения”. Поехали в лазарет. Перевязала Александрова, рана мочевого пузыря, после операции, Кужакова 176-го Переволоченского полка, разрыв кисти и предплечья, Высоцкого 289-го Коротоякского полка, перелом нижней челюсти, Панькина 310-го Шатского полка, рана правого глаза, Артюхова 289-го Корот[оякского] полка, перелом черепа, Суржака 12-го стрелкового полка, рана левой челюсти. Потом сидела у Седова, была у других. <...> Потом кормила Павлова, потом опять у Седова до 11 часов [вечера]. Вернулась спать»¹⁵⁵.

Кроме непосредственно службы в госпитале, Императрица с дочерьми регулярно, порой целыми днями посещали все многочисленные больничные учреждения Царского Села (числом до 70), в том числе лазарет для мусульман, не говоривших по-русски. Они делали выезды и в Санкт-Петербург, а во время поездок по стране навещали лечебные заведения в разных городах и санитарные поезда. Это не были вымученные протокольные официальные визиты. Это была необходимая работа, долг утешения страждущих, и эта работа имела серьезный результат. Многим слова ободрения от Императрицы и Великих княжон помогли в трудный час, а то и спасли жизнь. Это была материнская забота. У нашей страны была Мать, как, впрочем, и Отец.

У охраны частные выезды царственных медсестер вызывали опасения в их безопасности. Но, к счастью, никакого эксцесса не случилось. Регулярные посещения Императрицей с дочерьми разных лечебных заведений поддерживал Григорий Ефимович Распутин, что видно из его

телеграммы Венценосцам: «Что вас смущает, не бойтесь, Покров Матери Божией над вами, ездите во славу больницам, враги пугают»¹⁵⁶.

Так же регулярно Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны выезжали в Санкт-Петербург принимать пожертвования для госпиталей: Царским детям относительно хорошо подавали. (Об уровне собранных сумм может говорить запись из дневника Великой княжны Ольги Николаевны за 28 января 1915 года, где она гордится собранными деньгами: 1400 руб.¹⁵⁷ — на самом деле это не так много — примерно годовой доход военного священника.)

Младшие дочери Мария и Анастасия Николаевны (на начало войны им было 15 и 13 лет соответственно) в госпиталях непосредственно не работали, но едва ли не каждый день посещали лазарет, носивший их Имена. Он был устроен для *нижних чинов* в Русском городке Царского Села (в 1916 году там был оборудован и второй лазарет — для офицеров). Они проводили время с выздоравливающими воинами, беседуя или играя в разные игры. «Я сидела сегодня с нашим солдатом, и я ему помогала читать, это было мне очень приятно», — писала отцу 13-летняя Анастасия. И на следующий год при болезни: «Сидеть в постели и в лазарет наш нельзя выходить — это отчаянно скучно»¹⁵⁸.

Цесаревич Алексей редко навещал больницы, но иногда помогал и он. Например, посещая лазарет, где работали старшие сестры, 11-летний Наследник при перевязке раненого «держал таз, куда стекал гной из раны». Своей помощью, как видно из дневниковой записи, он гордился¹⁵⁹.

Любопытно отметить следующую деталь: Великие княжны Ольга и Татьяна Николаевны были титулярными председателями Комитетов по призрению семей лиц, призванных на войну, семей раненых и павших воинов, по оказанию временной помощи пострадавшим от воен-

ных бедствий. Их имена давали Комитетам популярность, столь необходимую для сбора пожертвований, фактически же деятельностью Комитетов, конечно, руководили не молодые девушки. Однако Великие княжны периодически присутствовали на заседаниях Комитетов по должности.

Так вот, в дневниках Великих княжон нет ни малейшего намека о неприятии работы в лазарете (вид пролежней и гниющих ран их не смущал), а председательствовать в Комитете они боялись: «Я в комитет, я уже при одной мысли об этом потею холодным потом», «Я опять буду иметь несчастье председательствовать в комитете <...> Такая скука!»¹⁶⁰. Они не смущались быть среди больных, но отцу писали: «Днем были в Большом [Екатерининском] дворце, но там все собирались слушать концерт, так что мы конфузились много и поспешили убраться, и пошли в лазарет к Мари и Настасье»¹⁶¹. Показательна и реакция Великой княжны Марии Николаевны на приветственную речь, обращенную к ней на собрании Комитета. Великая княжна Татьяна так описывает это отцу: «У меня было заседание в Зимнем дворце. <...> Мария тоже была со мной. Так как она была в первый раз на моем заседании, то [председатель Дмитрий Борисович] Нейдгарт решил сказать ей несколько приветственных слов. Причем он и все другие встали и кланялись ей. Она чуть под стол не полезла от ужаса»¹⁶².

Женской половине Царской семьи посещение госпиталей давало радость, о чем Императрица писала мужу: «Мне это помогает морально»¹⁶³. У Великих княжон с ранеными часто завязывалась дружба (в том числе неоднократно с кавказцами), они трогательно прощались при расставании, иногда впоследствии обменивались открытками. Великие княжны живо интересовались судьбой выхоженных ими воинов, а те при случае старались нанести им визиты. Так продолжалось почти 2,5 года.

Интересно, что в любительских фотоальбомах Царской семьи (принадлежавших Анне Вырубовой) имеются сотни фотографий, сделанных в царскосельском госпитале. Причем часто на них запечатлены раненые чины без присутствия рядом Императрицы или Великих княжон. Это говорит о неподдельном интересе к больным, бывшим на излечении, у женской половины Царской семьи.

После ареста царственных медсестер посещать лазарет и даже отправить раненым поздравления на Пасху 1917 года Временное правительство не разрешило. Императрица и дочери регулярно, как могли, справлялись о положении дел в лазарете. «Так странно бывать утром дома, а не на перевязках. Кто теперь перевязывает?» — характерная фраза в их письмах на волю¹⁶⁴.

Из далекого Тобольска в январе 1918 года Великая княжна Анастасия писала подруге: «Мы [то есть Великие княжны] провели в госпитале ужасно хорошее время», и беспокоилась: «Я полагаю, что сейчас никто не навещает могилы наших раненых»¹⁶⁵.

Можно сказать, что и на поприще милосердия женская половина Царской семьи христианские поучения исполнила и не зря переписывала их в свои тетради.

Для уяснения духовных интересов Венценосцев будет не лишним сказать о принадлежащих им иконах, найденных следствием после мученической кончины Семьи в Екатеринбурге. (Были обнаружены также свечи красного и желтого воска, лампадки темно-зеленого и малинового стекла, бутылочки из-под святой воды и освященного масла.)

Следствием зафиксировано в описи восемь образов «Спас Нерукотворный». На обороте одной из икон выгравировано: «Страдающий плотью перестает грешить. Как умножаются в нас страдания, умножается Христом и утешение наше для спасения, которое совершается перенесением страданий». На обороте другой иконы надпись на английском языке и дата: «May. 10. 1904», следующая — подарок Григория Распутина с надписью: «1908 г.», еще на одной иконе подпись: «Спаси и Сохрани. 25 Мая 1913 г. Москва. от А[нны]. В[ырубовой].», другой: «1913 г. Спаси и сохрани. От А[нны]» и на следующей: «Ц[арское]. С[ело]. Анастасья. 1914 г. 5 июня».

Были зафиксированы следующие иконографические образы Божией Матерью:

- «Знамение», четыре иконы (на обороте одной подпись: «Дорогой нашей Ольге благословение. Папа и Мама. Спала. 3-го Ноября, 1912 г.», на другой: «от Ани. 1916. Т[атьяне]. Н[иколаевне].»);
- «Скоропослушница», три иконы (на обороте одной из них: «от Ани. 9 Сент. 1915. Н[асте].»);
- «Абалакская», две иконы (с подписями на обороте: «Т[атьяне]. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск», «А[настасии]. Спаси и Сохрани. Мама. Елка 1917 г. Тобольск»);
- «Абалакская» с изображением святых Марии Египетской и Николая Чудотворца (с подписью: «Дорогой Татьяне благословение на 12-е янв. Тобольск. Папа и Мама»);
- «Тобольская», две иконы (одна с подписью: «Спаси и Сохрани. Елка 1917 г. Тобольск. Аликс»);
- «Почаевская»;
- «Коломенская», «Владимирская» (с подписью: «Тобольск Сент. 3-го 1917. от Настеньки»);

- «Всех скорбящих радости» (с подписью: «Т[атьяне]. Н[иколаевне]. 27-го февр. 1913 г. Ц[арское]. С[ело]. от Мама»;
- «Утоли моя печали» (с подписью: «А[лександр]. Ф[едоровне]. Окт. 1908 г.»);
- «Благовещение Пресвятой Богородицы» (подарок Григория Распутина, 1910 год);
- «Достойно есть» (подарок Григория Распутина, 1913 год);
- «Благодатное небо» (с подписью: «от Ани 1916 г.»);
- «Умягчение злых сердец» (с подписью: «От сестры милосердия О. Шевчук»).

Образа святых: Иоанна Тобольского, семь икон (две иконы имеют надпись на обороте: «11-го авг. 1917 г.» и три — штемпель: «В благословение от Святителя Иоанна, Митрополита Тобольского и Сибирского» и даты их освящения — одной 23 апреля 1918 года и двух других: 5 мая 1918 года). Судя по датам, две иконы святителя Иоанна Тобольского были приобретены Царской семьей сразу по приезде в Тобольск, а две освящены прямо к отъезду Их Императорских Величеств.

Другие найденные иконы:

- мучеников Антония, Иоанна, Евстафия, пять икон;
- святителя Николая Чудотворца, три иконы (одна со штемпелем: «Сия икона освящена на Мошах Святого Праведного Симеона Верхотурского Чудотворца. 12 Июня 1914 года» и пометкой: «А[нна] В[ырубова]»);
- преподобного Серафима Саровского, две иконы;
- праведного Симеона Верхотурского, две иконы (одна с надписью: «Дорогой Татьяне от Ани. 1916»);
- великомученика Георгия Победоносца (с надписью: «Х.В. Марии от Папа и Мама. 1913 г.»);
- мученицы Параскевы Пятницы (с надписью: «От старицы Марии Михайловны. Новгород. 11-го Декабря 1916 г.»);

- преподобного Сергия Радонежского (с надписью: «А[лександр]е Ф[едоровне] от старицы Марии Михайловны. Новгород. п.хп.1916 г.»);
- бессребреников Косьмы и Дамиана (с надписью: «22 Мая. 1916 г.»);
- святого пророка Илии (с надписью: «Т. 22-го Мая. 1914 г.»);
- святого Иоанна Воина (подарок Григория Распутина, без даты)¹⁶⁶.

При осмотре рудника, где уничтожали трупы Царской семьи, были найдены три небольшие иконы: святителя Николая Чудотворца, святых Гурия, Самона и Авива и образ Спасителя, «сильно пострадавшие от ударов в самый лик изображений»¹⁶⁷. Эти иконы принадлежали Царским детям. Обычно они висели у кроватей, а в дорогу дети надевали эти иконки на себя.

Все вышеописанные образа были различных размеров, выполненные на разных материалах: дереве, гипсе, финифти, жести. Объединяет иконы то обстоятельство, что все они (за исключением одного маленького образка святого Георгия Победоносца) были самого простого письма или печатные, тиражированные без каких-либо изысков и украшений, дешевые по стоимости, *доступные любому*.

Это не все иконы, бывшие у Царской семьи: древние и в дорогих окладах украли сразу после убийства. Однако мы видим, что Царская семья имела значительное количество простых изображений икон, многие из которых — подарки детям от отца и матери — датированы временами правления абсолютного монарха.

Среди сохранившихся икон, в частности, пять одинаковых образов трех литовских мучеников: Антония, Иоанна, Евстафия, пострадавших за исповедание Христа. Свято-Духов собор города Вильно, где хранились мощи мучеников, Венценосцы посещали в 1914 году. В местной иконной

Наследник Цесаревич Алексей, Великие княжны Анастасия Николаевна и Ольга Николаевна (вверху). Могилев. 1916. На кофточках Великих княжон от многократного застегивания растянулись петли

Император Николай II с Семей прибывают в Ставку.
Великие княжны в однотипных пальто и шляпках.
Идет дождь. Фотоателье «К. Е. фон Ган и К°».
13 ноября 1916

лавке приобрели на память обычные образа и не расставались с ними до конца.

Не стеснялись подносить недорогие по стоимости иконы Императорской семье Анна Вырубова и другие лица. Следовательно, в целом в Царской семье было принято почитать иконы разного исполнения и молиться как у писанных старинных, так и у печатных тиражированных иконописных изображений.

Любовь Императора к старинному письму хорошо известна. Федоровский Государев собор хранил богатейшее собрание древнерусской иконописи. С 1913 года Государь ежегодно отпускал 30 000 руб. из личных средств на пополнение коллекции древнерусской иконописи в Русском музее¹⁶², но собственного собрания церковного антиквариата у него не было.

Из всего вышесказанного логично будет определить еще одну религиозную составляющую мировоззрения Императорской семьи — *простоту*. Она, в частности, проявлялась как неприязательность в быту, трудолюбие, скромность в одежде.

Так, в Царской семье было правилом дарить ближним предметы собственного изготовления. Императрица шила и вязала с ранних лет, еще до замужества. Например, в послании из Вольфсгартена к милому Ники принцесса замечала: не имею времени больше писать, «мне нужно продолжить свое вязание. <...> Здесь есть трое бедняков, которым я отдаю эти вещи, а я еще их не закончила»¹⁶⁹.

В поздних письмах Государю Императрица так же упоминает о сшитых для подарка шелковой рубашке и чулках¹⁷⁰. После ареста Царица с дочерьми передала теплые вещи, ими связанные, офицерам бывшего Собственного Конвоя Государя перед отправкой Конвоя из Царского Села на Кавказ¹⁷¹.

Из Тобольска Императрица послала в подарок Вырубовой связанные ей чулки¹⁷² и вспоминала: «Как зимой прежде вязала, помнишь? Я своим людям [ныне] тоже делаю, все теперь нужно»¹⁷³. Это подтверждает Пьер Жильяр, отмечавший, что Императрица вязала для сопровождавших ее шерстяные фуфайки¹⁷⁴. Свои вышивки Царица также раздавала разным чинам на Рождество¹⁷⁵. Много шила Государыня и для церквей как до ареста (см. с. 61, 65), так и в Тобольске (см. с. 187).

В начале войны Императрица специально взяла на себя труд прикреплять маленькие образки к цепочкам, отсылаемым в армию. Как пишет ее биограф, монахиня Нектария (Мак Лиз), Государыня считала важным, чтобы каждый солдат имел что-то, сделанное ее рукой¹⁷⁶.

Шили рубашки (и другие вещи) на память раненым также дочери Императрицы, в том числе 16-летняя Мария Николаевна¹⁷⁷.

Можно заметить, что Императрица регулярно проводила благотворительные базары в Ливадии, иногда в других местах, где в своем киоске вместе с дочерьми продавала шитье и вышивки, выполненные собственноручно.

Царские дети одевались очень просто. Если сравнить фотографии Великих княжон до и во время заключения, увидим, что сестры одеты в одном стиле, и без знания даты съемки трудно определить, к какому времени относится та или иная фотография. Пример мы видим на представленных иллюстрациях: сравните фото в Севастополе в 1913 году на пике величия Царственного дома Романовых в год его 300-летия, в Могилеве в 1916 году, в Царском Селе в 1917 году и Тобольске в 1918 году (см. с. 107, 108, 117, 118, 147, 148). Причем Великие княжны не придерживались индивидуального стиля, а практически всегда старшие и младшие сестры носили однотипную одежду.

Даже их убийца чекист Юровский заметил детскую простоту Великих княжон, которые и в Ипатьевском доме были веселы и доступны для общения, при Юровском «прибегали на кухню, помогали стирать, заводили тесто, <...> занимались стиркой платков»¹⁷⁸, и что «Алексей и девицы были все время очень просто одеты, девицы почти постоянно что-нибудь чинили, штопали и т.д.»¹⁷⁹.

Заметим, что в книге духовных наставлений «О терпении скорбей»¹²⁰, принадлежавшей Царской семье и найденной в Ипатьевском доме после ее убийства, подчеркнуто, в частности, высказывание: «Простота всегда соединена со смирением»¹²¹.

Действительное смирение, покорность воле Божией — это высокая ступень в лестнице христианского устройства своей души. Так мы пришли к тому, с чего начиналась эта глава: «И да будет Его воля!» — рефрен девичьих писем Принцессы Аликс. Простота в духовном делании, терпение и реализация Семьи как «малой церкви» выявили эту волю на новом уровне.

Интересно, что в записной книжке Государыни собственноручно записано следующее рассуждение Григория Распутина: «Простота — сила и одежда — не гордится, ничто иное не возвышает — ни золото, ни серебро. Великий философ простоты! Что бы ни было в свете идеального и невозможного — только сделает простота. Дадим ей имя — богатырь и рыцарь»¹²². В духовном плане, полагаем, что Царская семья была богатырем и рыцарем.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ

– В ЦАРСКОМ СЕЛЕ –

Лишение Царя свободы было поистине
вернейшим залогом смерти его и его семьи...¹⁶³

Незадолго до государственного переворота, в конце февраля 1917 года, Августейшие дети и Анна Вырубова заболели корью, находясь в Александровском дворце Царского Села. 2 марта Государыня попросила принести во дворец из придворной Знаменской церкви чудотворную икону «Знамение» и отслужить перед ней молебен с прошениями об исцелении¹⁶⁴.

Слухи о низложении Императора витали в Царском Селе уже 2 марта, и, вероятно, поэтому настоятель придворной Знаменской церкви протоиерей Иоанн Федорович Сперанский¹⁶⁵ отказался от проведения молебна во дворце¹⁶⁶.

Царкосельскую икону доставил во дворец протоиерей Федоровского Государева собора Военного ведомства Афанасий Иванович Беляев¹⁶⁷, который вскоре и стал духов-

ником Императорской Семьи вместо протоиерея Александра Петровича Васильева (последний не решился служить Царской семье под арестом¹⁸⁸).

Поскольку отец Афанасий с 1893 по 1915 год был настоятелем главного в Царском Селе Екатерининского собора Епархиального ведомства, он был хорошо известен Императорской чете¹⁸⁹. (Кроме того, он был родственник духовнику Царской семьи протоиерею Александру Васильеву.)

Отец Афанасий вспоминал: «2 марта <...> пропуск во дворец, хотя и охранялся часовыми Сводного Пехотного полка, был свободен [то есть часовые разбежались. — К.К.]. <...> Вошли в полутемную, большую комнату [дворца], где лежали на отдельных простых кроватях больные дети. Икону поставили на приготовленный стол. <...> Императрица, одетая сестрой милосердия, стояла подле кровати наследника, недалеко от нее стояли другие сестры милосердия и няни. <...> Горячо, на коленях, со слезами просила земная Царица помощи и заступления у Царицы Небесной. Приложившись к Иконе и подойдя под нее, попросила поднести Икону и к кроватям больных, чтобы и все больные дети могли приложиться к Чудотворному Образу. <...> Когда мы выносили Икону из Дворца, Дворец был уже оцеплен войсками и все находящиеся в нем оказались арестованными»¹⁹⁰.

8 марта Императрица просила отслужить молебен по случаю отъезда Государя из Ставки в Царское Село, собралось духовенство, но некий караульный начальник — прапорщик с «громadным красным бантом на груди» молебену воспрепятствовал. Граф Петр Николаевич Апраксин не смог договориться о разрешении молебна и на следующий день¹⁹¹.

9 марта 1917 года под конвоем в Царское Село прибыл Государь.

Вкратце скажем об общем положении Царской семьи под арестом. Лишив Императорскую семью свободы передвижения, Временное правительство поступило не только незаконно и подло, но и глупо. Арест создавал вокруг Семьи совершенно ненужный ажиотаж, который расшатывал собственное положение Временного правительства, создавшего прецедент беззакония: Царскую семью арестовали, не предъявив никаких обвинений.

Чрезвычайная следственная комиссия, расследовавшая в том числе достоверность слухов о сепаратном мире с Германией, сторонницей которого якобы была Императрица, не нашла за Государем и Государыней никакой вины, однако они остались под арестом, как и их *дети*.

Временное правительство захватило Царские комнаты в Зимнем дворце, стало пользоваться *личными* вещами и *личным* автомобилем Царской семьи. Такое поспание прав частной собственности самим правительством, конечно, не осталось незамеченным и давало соответствующий пример для действий на всех уровнях.

Планомерное уничтожение Временным правительством всякой дисциплины и субординации в армии сказалось и на нижних чинах охраны Александровского дворца. Его обитатели постоянно подвергались оскорбительным замечаниям и насмешкам со стороны охраны, а скамейки и стены дворца были покрыты непристойными рисунками с похабными надписями. Были случаи, когда нижние чины пускали Государю в лицо дым от папиросы. Офицеры слабо контролировали ситуацию. Так, отец Беляев вспоминал, что он «заявил дежурному офицеру о неприличном их [солдат] поведении. Уже не говоря о том, что часовые солдаты стоят неприлично, но еще и ругаются громко самыми скверными непечатными словами. Офицер сказал только: «Товарищи! Как не стыдно вам!» А товарищи так и остались товарищами...»¹⁹².

Императрица Александра Федоровна в инвалидном кресле за шитьем. Весна 1917

Государь за работой.
Весна 1917

Императрица особенно сильно переживала случаи неуважения к Императору воинских чинов, хотя наибольшая доля ненависти приходилась на ее долю. Государыня писала: «Когда про меня гадости пишут — пускай, это давно начали травить [то есть клеветать на Царицу. — К.К.]. Мне все равно теперь, а что его оклеветали, грязь бросают на Помазанника Божия, это черезчур тяжело. Многострадальный Иов. Господь его ценит и наградит за его кротость. Как сильно внутри страдает, видя разруху. Это никто не видит. Разве будет другим показывать, что внутри делается, ведь страшно свою Родину любит, как же не болеть душой, видя, что творится. Не думала, что за три месяца можно такую анархию видеть, но надо до конца терпеть и молиться... молиться, чтобы Он все спас. А армия... плачешь, не могу читать [газеты], бросаю все и вспоминаю страдания Спасителя, Он для нас, грешных, умер, умилосердится еще, может быть. <...> Больше, чем он [Государь] делал, невозможно»⁹³.

Свидетельница царскосельского заточения Царской семьи баронесса Софья Буксгевден вспоминала: «Ей [Императрице] не разрешали пользоваться балконом, дверь на котором была заколочена по требованию солдат. Казалось, солдат особенно раздражали ее [инвалидное] кресло и ее печальное выражение лица, и они громко ругали ее за то, что ее не *заставили* ходить. Они постоянно угрожали слуге, который катил кресло, а когда его однажды заменил моряк, дядька Цесаревича Нагорный⁹⁴, солдаты были настолько возмущены тем, что он прислуживал «жене тирана», что он получил письма от сослуживцев из своей части со смертным приговором»⁹⁵.

Приведем, как нам кажется, характерный пример отношения распропагандированной охраны к Царской семье и, в частности, к Государыне: «Однажды, когда Императрица сидела на ковре под деревом, я [С. К. Буксгевден] поднялась

со своего стула рядом с ней, чтобы подать что-то, что она обронила. Солдат немедленно занял мое место, а на мои протесты заявил, что “теперь все по очереди”. Императрица осторожно отодвинулась, подавая знак мне молчать, поскольку она боялась, что всю семью вернут домой и у детей будет украден час пребывания на свежем воздухе. Ей показалось, что у солдата совсем не плохое лицо, и она скоро вступила с ним в разговор. Сначала он учинил ей допрос, обвиняя ее в “презрении” к людям и в том, что, не ездя по стране, она демонстрировала, что не хочет узнать Россию. Александра Федоровна спокойно объяснила ему, что в молодые годы у нее было пятеро детей, которых она кормила сама, и у нее не было времени ездить по стране, а потом ей не позволило здоровье. Казалось, он был поражен такими доводами и мало-помалу становился все более дружелюбным. Он расспрашивал Императрицу о ее жизни, о ее детях, о ее отношении к Германии и так далее. Она отвечала ему простыми словами, что она была немкой в юности, но это было в далеком прошлом. Ее муж и ее дети были русскими, и она тоже стала русской всем своим сердцем. Когда я подошла с офицером, который казался порядочным человеком, и к которому я рискнула обратиться, боясь, что солдат мог надоесть Императрице, я нашла их мирно обсуждавшими вопросы религии. Солдат встал при нашем появлении и подал руку Императрице, сказав: “Вы знаете, Александра Федоровна, у меня было совершенно другое представление о вас. Я ошибался в своем отношении к вам”. Это было особенно поразительным, потому что этот солдат был депутатом Совета. Когда он в следующий раз заступил на дежурство, то был очень вежлив.

В большинстве случаев, когда солдаты начинали разговаривать с Императором или детьми, их враждебность исчезала. Они видели, что они не были жестокими монстра-

ми, как их учили верить. Однако они всегда были более враждебны по отношению к Императрице, в их поведении проявлялось воздействие пропаганды, которая проводилась среди них»⁹⁶.

К детям в целом охрана была настроена лучше, но и они подвергались мелочным придиркам и терпели незаслуженные обиды. Так, Великим князьям, несколько лет трудившимися сестрами милосердия, не разрешили обменяться пасхальными открытками со служащими госпиталя, притом, что тексты всех писем проверялись комендантом.

Хотя, конечно, по сравнению с последующими условиями заключения Царской семьи в Екатеринбурге и вообще с условиями советского заключения, быт Венценосцев был более чем сносный. Но, если сравнить положение Царской семьи до 2 марта с последующими условиями пребывания их в *собственном* дворце, контраст был необыкновенно велик. Чтобы пережить его, «не потеряв лица», требовались огромные выдержка и мужество.

Большой радостью для Царской семьи были прогулки и физическая работа в парке дворца. Государь ранней весной убирал снег, а позднее члены Царской семьи разбили рядом с дворцом большой огород, где высадили лук, редиску, салат и др., поливали, пололи грядки, косили траву, убирали сено, пилили старые деревья, кололи дрова и т.п.

Кроме того, много читали. Государь интересовался разными работами: от нервических романов Дмитрия Сергеевича Мережковского (трилогии «Христос и Антихрист») до серьезного исторического труда Федора Ивановича Успенского «История Византийской Империи»⁹⁷. Всей Семье Государь читал вслух рассказы Артура Конан Дойля («Приключения Шерлока Холмса») и романы Александра Дюма («Граф Монте-Кристо»). Интересно отметить, что весной-летом 1917 года, когда еще не было известно об от-

правке Царской семьи в Сибирь, Императрица прочла известную книгу Герхарда Фридриха Миллера «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена» (также тогда прочли эту работу Софья Буксгевден и Анастасия Гендрикова)⁹⁸.

С детьми постоянно проводились учебные занятия по разным предметам. Главным образом, английскому, французскому, немецкому языкам, истории и географии России и Европы⁹⁹. Преподавала сама Императорская чета и ее приближенные.

Вкратце такова в целом была обстановка во время пребывания Императорской семьи под арестом в Царском Селе. Теперь вернемся к вопросам религиозной жизни Семьи. В приглашении законоучителя для детей Венценовцам было отказано, и Императрица самостоятельно обучала их катехизису, древней и русской церковной истории, один урок был посвящен исламу. До отъезда Венценовцев из Царского Села эти занятия шли практически каждый день (с 17 апреля по 26 июля), кроме воскресных дней и других праздников: церковных и семейных. Царица занималась с Цесаревичем, Великими княжнами Татьяной, Марией и Анастасией — с каждым отдельно. Из Священного Писания Наследник и Великая княжна Анастасия изучали, прежде всего, Евангелие, а старшие сестры: Татьяна и Мария — книги Ветхого Завета. В царскосельский период заключения Государыня изучила с ними Притчи Соломона, Книгу Экклезиаста, Книгу пророка Исаии. Подобная методика учебного процесса действует в богословских школах и сейчас: прежде преподают Четвероевангелие, потом другие книги Нового Завета, а далее — Ветхий Завет.

После прибытия Государя в Царское Село первое богослужение состоялось во дворце по просьбе Царя в субботу

Протоиерей Афанасий Беляев, духовник Императорской семьи в заточении в Царском Селе. Фото с автографом: «На добрую память от пр. А Беляева 1905. Апрель 23». На паспорту отпечатано: «Л. Городецкий Царское Село» и герб Великого князя Владимира Александровича.

Из коллекции древлехранилища (музея) памяти Семьи Императора Николая II Крестовоздвиженской дворцовой церкви в Ливадии

Великие княжны с приближенными за работой
на импровизированном огороде рядом
с Александровским дворцом. Весна 1917

и марта: это была всенощная, а на следующий день служили литургию²⁰⁰. Совершение богослужений в царскосельский период заключения Царской Семьи было стабильным: всенощные под воскресенье и праздники, а на следующий день соответственно воскресные и праздничные литургии. Был отслужен и весь цикл великопостных служб. Совершены молебны в дни рождения Государя Императора, Царицы Александры Федоровны, Цесаревича Алексея Николаевича, Великих княжон Татьяны, Анастасии, Марии, тезоименитства Великой княжны Ольги Николаевны, благодарственный молебен по случаю наступления Российских войск в июне 1917 года, акафист святому Великомученику и Победоносцу Георгию, а также молебны в некоторые другие дни.

Помимо протоиерея Афанасия Беляева богослужения проводили придворный протодиакон Николай (по всей видимости, Николай Федорович Преображенский, протодиакон собора Императорского Зимнего дворца²⁰¹), псаломщик и четверо придворных певчих.

Службы заказывал сам Государь, определяя их время.

Литургии начинались в период 9-30 — 11-30, как правило, в 11-00. Вечерние службы начинались в период 18-00 — 20-00. Все богослужения проводились как обычно, по сокращенному, но стройному и благолепному придворному чину. Литургия длилась 1 час — 1 час 10 мин, всенощная — ровно 1 час. Вечерние и утренние службы Страстной седмицы не продолжались более 2 часов каждая. В Великую пятницу утренняя с чтением 12-ти Евангелий продолжалась 1 час 40 мин. Пасхальная утренняя длилась 30 мин, пасхальная литургия — 1 час.

Можно отметить, что не всегда на службах присутствовали все члены Царской семьи.

Все богослужения совершались в походной церкви в честь святого Александра Невского, располагавшейся

в одной из комнат Александровского дворца (о ней мы рассказывали выше на с. 48–51). Царская семья стояла в церковном помещении совершенно обособленно от других: за ширмами, занимая небольшое место в углу, с отдельным ходом²⁰².

Выход Императорской семьи в придворный Знаменский храм был запрещен. Софья Буксгевден отмечала, что «Императрица скучала по церковным службам» в отдельном храме²⁰³. Об этом Государыня говорила и в письме к графине Анастасии Гендриковой от 30 июня: «Жажду сходить в настоящую церковь»²⁰⁴. 19 июля и Великая княжна Ольга Николаевна отметила в письме к Зинаиде Сергеевне Толстой: «Слышу звон в Екатерининском соборе; так хочется иногда пойти к Знамению»²⁰⁵.

Как протекали молитвы Венценосцев?

Протоиерей Афанасий Беляев вспоминал: «Надо самому видеть и так близко находиться, чтобы понять и убедиться, как бывшая Царская семья усердно, по-православному, часто на коленях, молится Богу. С какою покорностью, кротостью, смирением, всецело предав себя в волю Божию, стоят за богослужениями. И у меня, грешного и недостойного служителя Алтаря Господня, замирает сердце, льются слезы...»²⁰⁶.

30 апреля отец Беляев записал: «Служил Литургию, говорил слово на слова Евангелия: “Бог есть Дух, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоин кланяться”. В то время, когда говорил я о душевных переживаемых страданиях, которые ставят человека, оставленного всеми, в невыразимо гнетущее состояние, — приводят в ужас, и единственное утешение он находит в молитве. В это время раздался невольный неудержимо вырвавшийся из чьей-то наболевшей груди вздох настолько сильный и громкий, что привел в удивление всех слушателей. И этот отклик

душевной муки раздался с того места, где стояла одна только Царская Семья»²⁰⁷.

Далее, 28 мая, отец Афанасий отметил: «Мне показалось, что Государь, имеющий бледный страдальческий вид, очень болен. Что-то волнует его, и он, молча, терпеливо переносит свои страдания. Молится усердно и часто на коленях»²⁰⁸.

Царкосельская медсестра Валентина Ивановна Чеботарева в своем дневнике писала со слов некоего лица, в свою очередь получившего сведения от протоиерея Беляева: «Государь часто плачет во время богослужений» и «священник отец Афанасий говорит, что они чисты, как дети, во всех взводимых на них обвинениях в предательстве; положения своего не понимают»²⁰⁹. Вряд ли, конечно, они не понимали своего положения, скорее относились к нему со смирением и выдержкой.

Это видно из переписки и записных книжек Императрицы Александры Федоровны. «Если начнешь роптать, то теряешь почву под ногами и становишься таким мелким, самолюбивым. Есть самолюбие, которое надо иметь, но есть и другое, которое надо топтать под ногами — это ложное. <...> Пускай зло помучает, потревожит, но душу ему не отдадим», — писала Государыня Марии Мартиановне Сыробоярской 29 мая 1917 года²¹⁰.

Как мы обращали внимание выше, Императрица пронесла свои убеждения молодости (если не детства) через всю жизнь практически неизменными. Например, в 1894 году Принцесса Алике писала жениху: «Нет ничего хуже, чем видеть, как страдают близкие тебе люди и быть не в состоянии помочь им, разве только старанием ободрить их и не дать унывать»²¹¹. А вот ее послание от 28 мая 1917 года к штабс-капитану Александру Владимировичу Сыробоярскому, где поднимается та же тема: «Все можно перенести,

если Его [Бога] близость и любовь чувствуешь и во всем Ему крепко веришь. Полезны тяжелые испытания, они готовят нас для другой жизни, в далекий путь. Собственные страдания легче нести, чем видеть горе других и не будучи в состоянии им помочь. Очень много Евангелие и Библию читаю, так как надо готовиться к урокам с детьми, и это большое утешение — с ними потом читать все то, что именно составляет нашу духовную пищу. И каждый раз находишь новое и лучше понимаешь. У меня много таких хороших книг, всегда выписываю из них. Там никакой фальши. <...> Они силы дают, утешение и для уроков с детьми. Они [дети] много глубоко понимают — душа растет в скорби. <...> Всегда надо надеяться. Господь так велик, и надо только молиться, неутомимо Его просить спасти дорогую Родину. Стала она быстро, страшно рушиться в такое малое время. Но тогда, когда все кажется так плохо, что хуже не может быть, Он милость Свою покажет и спасет все. <...> И за все надо благодарить, что могло бы [быть] гораздо хуже... <...> Пока живы и мы с нашими вместе — маленькая крепко связанная семья. <...> Мы и в саду бываем (т.е. на свободе). А вспомните тех других [находящихся в тюрьмах за былую близость к Царской семье. — К.К.], о Боже, как за них страдаем, что они переживают, невинные... Венец им будет от Господа. Перед ними хочется на коленях стоять, что за нас страдают, а мы помочь не можем, даже словом. Это тяжелее всего»²¹².

Приведем и еще несколько цитат из записной книжки Царицы:

«Назначение боли — заслужить благословение для того, кто ее выносит, или для тех, кто видит и замечает, с каким мужеством она переносится. В одной вещи мы всегда должны быть уверены — в том, что Бог посылает нам страдания, потому что любит нас».

И далее: «Быть неправильно понятым даже теми, кого любишь, — это крест и горечь жизни... Это самое жестокое испытание для преданности. Это то, что должно было чаще всего ранить сердце Сына Человеческого... Увы! Никогда не отступать, никогда не проявлять холодность, быть терпеливым, сочувствовать, выказывать нежность. Искать распутившийся цветок и раскрывающееся сердце... Всегда надеяться, как и Бог. *Всегда любить* — это долг»;

«Христианство, как небесная любовь, возвышает душу человека. Я счастлива: чем меньше надежды, тем сильнее вера. Бог знает, что для нас лучше, а мы нет. В постоянном смирении я начинаю находить источник постоянной силы»²³.

Летом 1917 года Наследник Цесаревич стал исполнять функции «алтарника». 2 июля отец Беляев записал: «Наследник Алексей Николаевич пришел к херувимской [песне] тихо и незаметно, отдельным входом, прямо в алтарь и стал прислуживать в алтаре: брал от псаломщика кадило, относил его на место и вновь подавал для передачи протодиакону. Это первый раз юный любимец своих родителей обнаружил склонность принять личное деятельное участие в церковном богослужении»²⁴. Вскоре, 9 июля, «Наследник заходил в Алтарь, где ему подана была теплота и кусочек антидора»²⁵. 23 июля «Наследник прислуживал в Алтаре, а к концу Литургии ушел в зал, где стояла вся Царская Семья, и вместе со всеми слушал мое [отца Афанасия] слово о праздновании в Федоровском соборе памяти преподобного Серафима [Саровского]»²⁶.

Жизнь заключенных в Александровском дворце была полна мелких, мелочных притеснений. Это касалось и проведения богослужений. Баронесса Буксгевден вспоминала: «Церковные службы были разрешены, <...> но всегда были поводом для длинных обсуждений [караула], оканчивавшихся

сильной руганью, отзвуки которой мы слышали, так как комната охраны находилась под спальней Императрицы»²¹⁷.

Баронесса говорит, что в Великий четверг «Евхаристия не могла совершиться, так как на этот день были назначены похороны жертв революции в Царском Селе [это были шестеро погибших при беспорядках. — *К.К.*]. Литургия была отложена до Великой субботы, и хотя на тот Четверг была назначена вечерня [точнее: служба вечером. — *К.К.*], она проходила одновременно с похоронами, и голос священника часто перекрывался «Марсельезой» и «Интернационалом», исполнявшимся снаружи духовым оркестром. <...> Тысячи рабочих пришли на это мероприятие со знаменами и плакатами, на которых были начертаны все оттенки социалистических и коммунистических мыслей. Были произнесены подстрекательские речи перед красными гробами. <...> Однако в то время как крики присутствующих на похоронах становились все громче, вмешалась стихия и, возможно, спасла жизнь Императорской Семье. Поднявшийся ветер в полчаса превратился в ураган. Небо почернело и разразилась невероятная снежная буря. Под порывами ветра отчаянно развевалось море красных знамен, многие оторвались от шестов, а старые деревья качались и скрипели. Ораторы были ослеплены снегом, и под напором все усиливающегося ветра вынуждены были натянуть поглубже шапки и замотать шарфы, отчего поток красноречия прекратился, и группы одна за другой поспешили удалиться, пока весь парк не опустел»²¹⁸.

Сделаем небольшую поправку к воспоминаниям баронессы Софьи Буксгевден. На самом деле литургия в Великий четверг состоялась, и за ней причастилось довольно много дворцовых служащих и членов свиты. Согласно дневниковой записи Императора, похороны «жертв революции» начались уже после окончания литургии и закончились за полчаса до начала вечерней службы 12 Евангелий»²¹⁹.

Однако о том, что гражданские похороны состоятся в Великий четверг, стало известно заранее, и действительно Государь, возможно, боясь провокаций, в первый раз за всю жизнь перенес свое причастие в Страстную неделю с Великого четверга на Великую субботу.

Определенный инцидент произошел в Великую пятницу перед исповедью. Баронесса Буксгевден описывает его так: «Императорская Семья и вся дворцовая свита в течение Страстной Седмицы ходили в церковь дважды в день, готовясь к принятию Святых Тайн. В Великую пятницу Страстной седмицы все пошли к исповеди, и я оказалась первой. К моему удивлению, солдат последовал за мною в церковь, и я ждала, пока он уйдет, прежде чем начать исповедь. Священник тоже ждал, но солдат не выказал намерения уйти. Меня осенила мысль, что он намеревался послушать исповедь Императора и Императрицы и начал с меня. Это было слишком. Я вежливо повернулась к нему и сказала, что я собираюсь исповедоваться и ему лучше уйти. Как я и ожидала, он отказался это сделать. Разгорелся оживленный спор, из которого я вышла победителем. Я указала солдату, что не давалось никакого предписания правительства в отношении таких неслыханных вещей, как прослушивание исповеди. <...> Я попросила его позвонить начальнику, чтобы тот связался по телефону с Керенским. Громко ругаясь, солдат привел своего офицера, который разрешил проблему в мою пользу без звонка в Петроград, и тем самым я спасла Их Величества, обеспечив Их исповедь без помех»²²⁰.

Согласно записям отца Афанасия Беляева, исповедь Их Величеств и Великой княжны Татьяны Николаевны проходила в молебне Александровского дворца, а других членов Семьи в их комнатах (по болезни), и продолжалась для каждого 20–30 минут²²¹.

Об исповеди Государя отец протоиерей пишет: «О, как несказанно счастлив я, что удостоился, по милости Божией, стать посредником между Царем Небесным и земным. Ведь рядом со мной стоял тот, выше которого из всех живущих на земле нет. Это до сего времени был наш Богом данный Помазанник, по закону престолонаследия 23 года Царствовавший Русский Православный Царь. И вот, ныне, смиренный раб Божий Николай, как кроткий Агнец, доброжелательный ко всем врагам своим, не помнящий обид, молящийся усердно о благоденствии России, верующий глубоко в ее славное будущее, коленопреклоненно, взирая на Крест и Евангелие, в присутствии моего недостойства, высказывает Небесному Отцу сокровенные тайны своей многострадальной жизни и, повергаясь пред величием Царя небесного, слезно просит прощения в вольных и невольных своих прегрешениях»²²².

В Великую субботу, 1 апреля, Императорская семья причащалась Святых Христовых Тайн.

О Пасхальной службе баронесса Буксгевден вспоминала: «Традиционная ночная служба состоялась в канун Пасхи, и власти позволили Их Величествам присутствовать на службе и на традиционной пасхальной трапезе, которая следовала за ней. Это была уступка, поскольку в то время встреч между Императором и Императрицей не должно было происходить, [таково было распоряжение Временного правительства, действовавшее весной 1917 года. — *К.К.*] и она была сделана на том условии, что в церкви они будут стоять на каком-то расстоянии друг от друга и на ужине будут присутствовать комендант и офицеры. Это была мрачная трапеза, как в доме плача. Императрица едва заставила себя обменяться несколькими словами с графом Бенкендорфом, сидевшим рядом с ней. <...> Император и Великие Княжны Татьяна Николаевна и Анастасия Николаевна, единственные из детей, кто при-

существовал, сидели в полном молчании, и только комендант полковник Коровиченко и г-жа Нарышкина поддерживали натянутый разговор. Офицер охраны, весьма молодой человек, давился каждым куском и был настолько смущен, что едва был в состоянии промолвить пару слов. Перед тем, как сесть за пасхальный ужин, Император, следуя русскому обычаю, трижды поцеловал всех мужчин из ближайшей свиты, офицеров и солдат. То же самое сделала Императрица в отношении женщин и, как она всегда делала, подарила всем присутствующим мужчинам, включая коменданта, офицеров и солдат, фарфоровые пасхальные яйца. Комендант принял подарок, но даже при этом он подчеркнул изменившиеся обстоятельства и нарочно прошел мимо Императрицы, которая сделала движение по направлению к нему, поприветствовал сначала ее дам, повернувшись к ней небрежно, как бы вспомнив»²²³. Тогда же Император в дневнике отметил, что похристосовался с 135-ю служащими²²⁴.

Далее можно отметить, что с первых дней заключения Царской семьи всех — от Керенского до рядовых охраны Александровского дворца — обуяла страсть «шпиономании» (гипертрофированное продолжение этого мы увидим в СССР). Боялись контактов Государя и членов его Семьи с кем бы то ни было, заговора или побега. Как отмечала баронесса Софья Буксгевден: «Советы опасались, что стража, возможно, ослабит свою бдительность, и почти постоянно направляли “советских” солдат шпионить за другими солдатами и офицерами. <...> К концу пребывания в Царском Селе помощник командира Домодзянц всегда прятался в кустах, когда Императрица была в саду, подслушивая все, что она говорила. Однако ни родители, ни дети никогда на это не жаловались. “Смешно, не правда ли?” — это все, что говорили Великие Княжны. У них была единственная мысль: не сделать хуже родителям»²²⁵.

В свете подобной «шпиономании» Царской семье и священнослужителям запретили общаться друг с другом. Поэтому Государь, со своей стороны, старался не давать повода к третированию духовенства. Отец Афанасий вспоминал: чтобы избежать контактов со священнослужителями «Государь и Его Супруга [были] настолько деликатны и благородны, что сами являлись к богослужению тогда, когда мы облаченные стоим в алтаре, и уходят из храма после службы раньше всех»²²⁶.

Баронесса Буксгевден отметила, что во время Пасхальной трапезы отец Беляев сидел за столом рядом с Императрицей, «с которым она не осмелилась заговорить из опасения скомпрометировать его»²²⁷. И далее: «Духовные лица жили во дворце в течение всей Светлой Седмицы, но им было запрещено видеться или разговаривать с кем-либо между службами. Певчие проводили время между литургией и вечерней, распевая самые печальные панихиды, [вероятно, имеются в виду церковные песнопения. — К.К.] которые раздавались по всему дворцу»²²⁸.

21 мая отец Афанасий в дневнике отметил, что случайно встретил Государыню в коридоре дворца: «поцеловал Ее руку и пожелал Ей доброго здоровья. Более говорить было нельзя, рядом стояли офицер и солдат, а там [поодаль] швейцар и караул»²²⁹; «Подозрения [охраны] в отношении клира были столько велики, что во время литургии солдат стоял в алтаре, наблюдая за священником»²³⁰.

Отъезд Царской семьи в Тобольск был запланирован в ночь с воскресенья 30 июля на 1 августа. Соответственно, воскресную литургию служили 30-го утром. Отец Афанасий отметил: «Как-то неволью чувствовалось, что это последняя Божественная Литургия, совершенная в бывших Царских покоях, и последний раз бывшие хозяева своего родного дома собрались горячо помолиться, прося со сле-

зами, коленопреклоненно, у Господа помощи и заступления от всех бед и напастей»²³¹. (Так и случилось, больше в церкви вообще не служили.) Также 30 июля праздновался день рождения Наследника Цесаревича. По этому случаю, и как благословение на дорогу, кроме литургии, был отслужен молебен перед образом царскосельской иконы Божьей Матери «Знамение». Отец Афанасий по просьбе Государыни, переданной через камердинера, приложил к чудотворной иконе небольшой букет гвоздик, который Императрица пожелала взять с собой в путь.

Рано утром 1 августа поезд с Царской семьей и добровольно сопровождавшими ее лицами (вместе с прислугой, всего около 50 верноподданных) выехал из Царского Села под охраной более 300 стрелков. По свидетельству отца Афанасия, последними словами Государя перед отъездом были: «Мне не жаль себя, а жаль тех людей, которые из-за меня пострадали и страдают. Жаль Родину и Народ!»²³².

– В ТОБОЛЬСКЕ –

Друзья или в неизвестном отсутствии, или их вообще нет, и я неустанно молю Господа, на Него Единого и возлагаю надежду...²³³

Вокруг вижу много церквей
(тянет их посетить) и горы...²³⁴

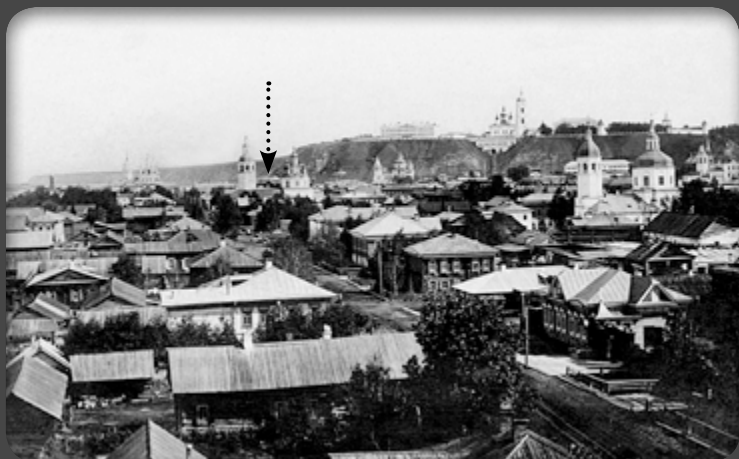
Поздно вечером 4 августа 1917 года из Царского Села состав с семьей прибыл в Тюмень, где узники были пересажены на пароход «Русь». 6 августа, в праздник Преображения Господня, заключенные приплыли в Тобольск.

Пароход был встречен колокольным звоном во все колокола, что сразу обеспокоило местный революционный элемент. Но оказалось, что звонят владыке Гермогену (Долганову)²³⁵, вошедшему в храм ко всеошнной, с которой совпало время прибытия судна.

Командовал охраной в зоо стрелков полковник Евгений Степанович Кобылинский, сочувственно относившийся к Царской семье и старавшийся облегчить ее пребывание под стражей. Но 1 сентября в Тобольск прибыл бывший каторжник, комиссар Временного правительства «по охране бывшего царя» Василий Семенович Панкратов, ставший начальником Кобылинского и Отряда особого назначения, фактически определявший условия содержания Семьи. Вместе с Панкратовым прибыл и его помощник эсер Александр Владимирович Никольский, по свидетельству полковника Кобылинского, «грубый, бывший семинарист, лишенный воспитания человек, упрямый, как бык»²³⁶.

Городские власти к приему Царской семьи полностью готовы не были. Бывший губернаторский дом, где должны были расположить Семью, оказался даже неубранным и не обставленным мебелью. Пока дом приводился в порядок, Венценосная семья неделю жила на пароходе. За это время им удалось посетить Свято-Знаменский Абалакский мужской монастырь²³⁷, находившийся в 25 км от Тобольска. Это был последний монастырь, посещенный Царской семьей.

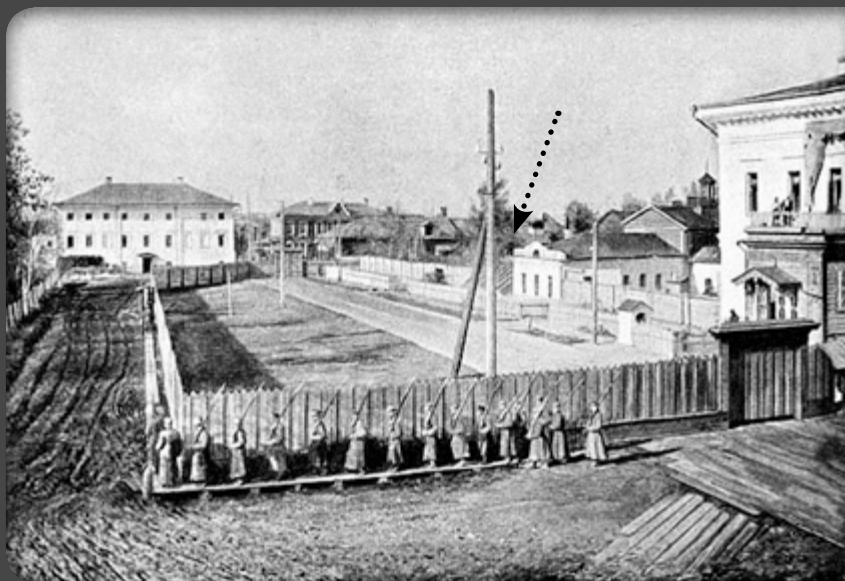
13 августа Венценосцы вселились в губернаторский дом, где отслужили молебен, и священник окропил комнаты святой водой. Через два дня после приезда Царской семьи — 15 августа — был праздник Успения Пресвятой Богородицы. Неясно, по каким причинам, но в церковь Семью не допустили. Тогда в губернаторском доме состоялась первая обедница. Чин обедницы сложился в древности для определенных церковных нужд, когда было не-

Вид Тобольска. Стрелкой указана
Благовещенская церковь.
Вдали на горке Софийско-
Успенский кафедральный собор

Вид на Благовещенскую
церковь со стороны
губернаторского дома

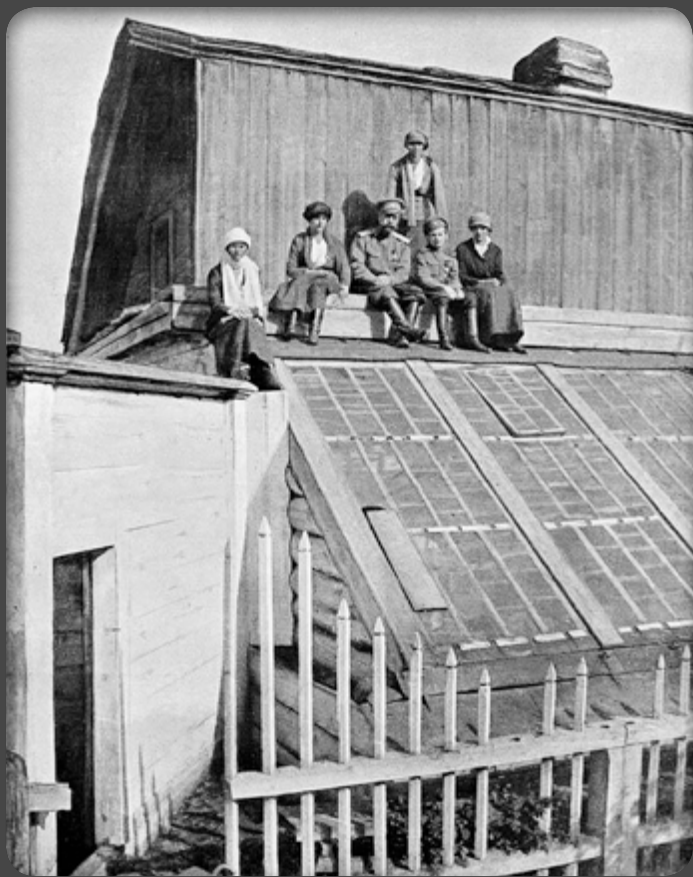
Вид на губернаторский дом с балкона дома напротив, где проживало окружение Царской Семьи. На любимом месте Императорской семьи — балконе губернаторского дома, силуэты Великих княжон Марии и Анастасии.

Позади дома стрелкой указано еще одно любимое место арестованных — кровля теплицы, на которую Император с детьми часто забирались посмотреть окрестности и позагорать. На переднем плане смена караула. Слева вдали казарма чинов охраны. Справа на заднем плане церковь святых Захария и Елизаветы (Воскресенская). Фото Пьера Жильяра. 1917

Государь с детьми на крыше теплицы рядом с губернаторским домом. Фото Пьера Жильяра

Государь с детьми на крыше теплицы рядом с губернаторским домом. Фото Пьера Жильяра

возможно или по какой-либо причине неудобно служить литургию, а также для мирян, не могущих пойти на литургию в храм и вычитывавших обедницу дома или в дороге²³⁸. Обедница — чинопоследование, сходное с литургией, но без главной ее части: анафоры, во время которой совершается преложение (претворение, пресуществление) Святых Даров. Для совершения литургии вне храма требуется антиминс — специальный плат с вшитой в него частицей святых мощей, подписанный и освященный архиереем.

Почему в губернаторском доме служили обедницу? Очень странно, но в течение всего времени пребывания Государя в Тобольске — около девяти месяцев: с августа 1917 по апрель 1918 года — епископ Тобольский Гермоген так и не выдал антиминс для возможного совершения литургий на дому. Какими мотивами руководствовался архиерей, отказывая заключенным в антиминсе, автору книги не ясно. Чисто технически сделать это не составляло для владыки ни малейшего труда, не требовало абсолютно никаких временных или иных затрат.

А для Царской семьи это было серьезным ударом. Пьер Жильяр в своих воспоминаниях отметил: «За отсутствием антиминса невозможно было служить обедню. Это было большим лишением для царского семейства»²³⁹. Императрица писала Марии Сырбоярской: «Обедница это совсем не то, не та благодать, как в литургии, отнять эту радость и утешение жестоко»²⁴⁰.

Еще более странно, но почему-то после отъезда Государя, Государыни и Великой княжны Марии Николаевны, состоявшегося в ночь на 26 апреля (с четверга на пятницу перед Страстной седмицей) 1918 года антиминс нашелся! В первое же воскресенье после их отъезда, 28 апреля, на праздник Входа Господня в Иерусалим в большом зале губернаторского дома поставили походную церковь, где

была отслужена литургия²¹. Службы в походной церкви продолжались и далее в апреле–мае 1918 года, причем на Страстной седмице дважды в день, а оставшиеся лица по желанию приобщались Святых Христовых Тайн²².

Отметив такое, прямо скажем, пренебрежение владыки Гермогена к духовным нуждам Императорской четы, скажем и о другом. Епископ не направил к Царю каких-либо особо подготовленных, тонко чувствовавших важность такого служения клириков. Вести богослужения при Царской семье стали священнослужители Благовещенской церкви, расположенной ближе всех к губернаторскому дому, то есть те, кто случайно оказался рядом²³. Выбор, как показало будущее, был неудачным, священник Алексей Павлович Васильев и диакон Александр Георгиевич Евдокимов оказались не совсем готовы к столь ответственной миссии (о чем ниже)²⁴.

Можно отметить, что епископ Гермоген мог без всякого для себя усилия определить к Государю любого священника из своей епархии, переместив его в Благовещенский собор в считанные дни. (Как знает любой, немного знакомый с устройством Русской Православной Церкви, отношения епископа к священнику строятся по подобию взаимоотношений генерала и солдата.) Мог служить владыка и сам. Если же, возможно, охрана испугалась бы принимать епископа на дому, то, по крайней мере, владыка мог служить в Благовещенской церкви для Царской семьи в двенадцатые праздники. Теоретически и этому мог воспротивиться комиссар, но о таких попытках со стороны святителя ничего не известно.

Итак, клирики Благовещенского храма в воскресные и праздничные дни стали служить обедни для Царской семьи и их приближенных. Богослужения на дому происходили в большом зале первого этажа. Всенощная

начиналась довольно поздно — в 20–21 час или позднее, поскольку до этого священник служил ее в храме. По той же причине поздно начинались и обедницы — в 11-30. Утренние великопостные службы в первую неделю Великого поста начинались еще позднее — в 13-00 и, соответственно, не могли продолжаться долго, как положено по уставу²¹⁵.

О богослужениях в губернаторском доме комиссар Панкратов оставил следующее свидетельство: «Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Федоровна. В зале она установила икону Спасителя, покрывала аналой, украшала их своим шитьем и пр. В 8 часов вечера приходили священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагаясь по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший царь с семьей выходил из боковой двери, то они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Федоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналая зажигались свечи. Начиналось богослужение. Вся семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, на меня вся эта обстановка произвела сильное первое впечатление. Священник в ризе, четыре монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменялась одна другою...»²¹⁶.

За все время заключения в Тобольске посетить всеобщую в церкви Царской семье не позволили ни разу, (они служились на дому накануне), а литургии в храме Семья посещала.

Первый раз Царскую семью допустили в Благовещенскую церковь 8 сентября 1917 года — на праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

Как общий момент, отметим, что когда Царской семье разрешали пойти на литургию в храм, службы всегда были ранними, а вдоль пути следования — пройти немного садом и через улицу — всегда ставился караул, который дежурил и у самой церкви. Во время присутствия Царской семьи горожане в храм не допускались. В самой церкви рядом с Царской семьей, их приближенными и слугами дежурила охрана, не позволяя переговариваться: Семья молилась под конвоем. Как писала Императрица: «Во время служб офицеры, комендант и комиссар стоят возле нас, чтобы мы не посмели говорить»²⁴⁷.

По выходе Венценосцев и их приближенных служили вторую — позднюю литургию для прихожан²⁴⁸.

Итак, 8 сентября 1917 года, на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, Императрица записала в дневнике: «Ходили на службу в Благовещенский собор пешком, я на своем кресле, через городской сад, солдаты расставлены на всем пути, толпа там, где переходили улицу. Очень неприятно, но, однако, благодарна за то, что была в настоящей церкви, за 6 месяцев [впервые]»²⁴⁹.

Комиссар Василий Панкратов описал это событие следующим образом: «Николаю Александровичу было сообщено, что завтра обедня будет совершена в церкви, что необходимо к 8 часам утра быть готовыми. Пленники настолько были довольны этой новостью, что поднялись очень рано и были готовы даже к 7 часам. Когда я пришел в 7½ утра, они уже ожидали. Минут через 20 дежурный офицер сообщил мне, что все приготовлено. Я передаю через князя Долгорукова Николаю Александровичу. Оказалось, что Александра Федоровна... решила не идти пешком, а ехать

в кресле, так как у нее болят ноги. Ее личный камердинер быстро вывез кресло к крыльцу. Вся семья вышла в сопровождении свиты и служащих, и мы двинулись в церковь. Александра Федоровна уселась в кресло, которое сзади подталкивал ее камердинер. Николай II и дети, идя по саду, озирались во все стороны и разговаривали по-французски о погоде, о саде, как будто они никогда его не видели. На самом же деле этот сад находился как раз против их балкона, откуда они могли наблюдать его каждый день. Но одно дело видеть предмет издали и как бы из-за решетки, а другое — почти на свободе. Всякое дерево, всякая веточка, кустик, скамеечка приобретают прелесть... По выражению лиц, по движениям можно было предполагать, что они переживали какое-то особенное состояние. Анастасия даже упала, идя по саду и озираясь по сторонам. Ее сестры рассмеялись, даже самому Николаю доставила удовольствие эта неловкость дочери. Одна только Александра Федоровна сохраняла неподвижность лица. Она величественно сидела в кресле и молчала. При выходе из сада она встала с кресла. Оставалось перейти через улицу, чтобы попасть в церковь, здесь стояла двойная цепь солдат, [цепь стрелков была расставлена и по саду на всем пути следования арестованных. — К.К.] а за этими цепями — любопытные тоболяки и тоболячки... Наконец мы в церкви. Николай и его семья заняли место справа, выстроившись в обычную шеренгу, свита ближе к середине. Все начали креститься, а Александра Федоровна встала на колени, ее примеру последовали дочери и сам Николай... После службы вся семья получает по просфоре, которые они всегда почему-то передавали своим служащим»²⁵⁰. Царская семья действительно, как известный знак внимания, передавала просфоры своему окружению. Например, Цесаревич Алексей в записке к другу по играм

Николаю Деревенко говорил, в частности, что посылает ему просфору²⁵¹.

Вскоре заключенным вновь разрешили посетить церковь — 14 сентября на праздник Крестовоздвижения. И 18 сентября Великая княжна Татьяна Николаевна писала Великой княгине Ксении Александровне: «Были два раза в церкви. Ты можешь себе представить, какая это была для нас радость после 6 месяцев, т.к. ты помнишь, какая неуютная наша походная церковь в Царском Селе. Здесь церковь хорошая. Одна большая летняя в середине, где служат для прихода, и две зимние по бокам [имеются в виду приделы. — *К.К.*]. В правом приделе служили для нас одних»²⁵².

Пьер Жильяр отметил: «В эти дни вставали очень рано и, когда все были в сборе во дворе, выходили через маленькую калитку, ведущую в общественный сад, через который проходили между двух рядов солдат. Мы присутствовали исключительно у ранней обедни почти одни в этой церкви, едва освещенной несколькими восковыми свечами; публика строжайше не допускалась. По дороге в церковь или на обратном пути мне часто приходилось видеть людей, осенявших себя крестным знаменем или падавших на колени при прохождении Их величеств. Вообще жители Тобольска оставались очень расположены к царскому семейству, и наша охрана должна была беспрестанно принимать меры, чтобы воспрепятствовать им останавливаться под окнами или осенять себя крестным знаменем, проходя мимо дома, занимаемого царским семейством»²⁵³.

Аналогично пишет и баронесса Софья Буксгевден: при походе в церковь «толпа удерживалась солдатами на большом расстоянии. Люди глядели на них в молчании, но иногда можно было увидеть старого крестьянина, ставшего на колени в молитве, или крестящуюся женщину»²⁵⁴.

Государь и Наследник.
На шинели Царя
по центру видна
Георгиевская лента.
Зима 1917–1918

Государь с Великой
княжной Ольгой
Николаевной
на заготовке дров.
1918

Великие княжны во дворе губернаторского дома. Сестры не обратили внимания на фотографа, и он застал их в непринужденных позах; одна из Великих княжон «болтает ножками». Фото из архива следователя по убийству Царской семьи Николая Соколова

Наследник Цесаревич играет с луком во дворе губернаторского дома. Фото из архива следователя по убийству Царской семьи Николая Соколова

Вообще можно заметить, что практически всё время пребывания Семьи в Тобольске горожане были весьма доброжелательно и сочувственно настроены к узникам. Местные жители часто передавали заключенным различные продукты: конфеты, сахар, торты, копченую рыбу и др.

Вновь посетить храм Семье удалось 1 октября — на праздник Покрова Пресвятой Богородицы. И на следующий день 2 октября Великая княжна Татьяна Николаевна вновь делилась радостью в письме к Зинаиде Толстой: «Три раза мы были в церкви — такое было утешение и радость! По субботам и остальные разы у нас была всенощная и обедница. Конечно, и это хорошо, но все же не может заменить нам церковь. Ведь больше полугода мы не были в настоящей, потому что в Царском Селе у нас походная...»²⁵⁵.

5 октября, на именины Цесаревича Алексея, тезоименитому святителю Алексею, митрополиту Московскому, несмотря на сугубые просьбы Императорской четы комиссар Панкратов не позволил пойти в церковь, хотя и разрешил отслужить молебен святителю на дому (а накануне была отслужена всенощная).

С 1 октября по 17 декабря 1917 года Царская семья посещала каждую воскресную литургию. 20 октября в доме была отслужена заупокойная всенощная по Государю Императору Александру III. В субботу 21 октября служили утром обедницу, а вечером всенощную. Тогда Царская семья впервые исповедовалась у отца Алексея Васильева, поскольку 22 октября, в воскресенье, было разрешено пойти в церковь, а на этот день приходилась годовщина восшествия Государя Николая II на Престол и праздник иконы Божией Матери «Казанская». Было принято, что вся Семья ежегодно причащалась в этот день Святых

Христовых Тайн. Так случилось и на этот раз. «Какое душевное утешение в переживаемое время!» — записал в тот день Государь²⁵⁶.

В этот же день произошел первый инцидент, связанный со священником Васильевым. После службы, как свидетельствовал полковник Кобылинский, «произошел следующий факт. О. Васильев, совершавший богослужения, был не на высоте призвания. Он был бестактный человек и своими выходками оказывал медвежьи услуги Августейшей семье. Первая выходка имело место 21 октября [правильно: 22 октября. — К.К.] (еще до большевистского переворота). В этот день (день восшествия на престол Государя Императора) вся семья приобщалась у обедни (накануне, во время всенощной, бывшей на дому, исповедовалась). Никто положительно не обратил внимание на богослужение именно в этот день. Но о. Васильев позволил себе устроить такую вещь: когда семья вышла из церкви, раздался звон и продолжался до самого входа ее в дом»²⁵⁷.

Формально священник следовал церковному уставу — после литургии всегда полагается трезвон. Но он продолжался дольше обычного, «до самого входа в дом», поэтому обратил на себя ненужное внимание охраны. Долгим звоном до революции полагалось провожать от храма Особ Императорской Фамилии. Что побудило священника так поступить, неясно. С одной стороны, это могло как-то утешить Государя, с другой — привлечь ненужное внимание к обстановке, ухудшающейся для Царской семьи каждый день. В плане практической помощи для Царя это не имело никакого значения, а только вредило. Может быть, отец Васильев поступил так по простоте сердца, так сказать, по наитию, но, кажется, этот случай можно охарактеризовать пословицей: «простота хуже воровства».

Однако в последующие воскресения 29 октября, 5, 12, 19 ноября 1917 года Царская семья вновь была допущена в церковь, и никаких прямых негативных последствий поступок священника не вызвал.

3 ноября, на день рождения Великой княжны Ольги Николаевны, 14 ноября, на годовщину Августейшей свадьбы и день рождения вдовствующей Императрицы Марии Федоровны на дому были совершены молебны.

Но во вторник, 21 ноября, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, не только посетить церковь, но и отслужить обедницу на дому почему-то не разрешили (или священник не смог прийти). В воскресные дни: 26 ноября, 3, 10 декабря Царская семья вновь молилась в Благовещенской церкви. На именины Государя, в праздник святителя Николая Чудотворца — 6 декабря, пойти в церковь не позволили, но в доме был отслужен молебен.

24 декабря, в Рождественский сочельник, Царской семье вновь не разрешили пойти в церковь, но служили обедницу на дому. Возможно, это было связано с тем, что священник не успевал провести положенные в сочельник долги по времени службы два раза подряд.

В этот день Императрица записала в дневнике: «12 часов. Богослужение в доме. <...> Потом пошла к караулу 4-го стрелкового полка. Малышев, 20 человек. Я принесла им маленькую елочку и съестное, и евангелие каждому с закладкой, которую я нарисовала. <...> Вечернее богослужение: пел большой хор. Солдаты пришли тоже»²⁵⁹.

Государь отметил: «В 12 час. была отслужена в зале обедница. До прогулки готовили подарки для всех и устраивали елки. Во время чая — до 5 час. — пошли с Алике в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами до 5½ ч. После обеда была елка свите и всем людям, а мы

получили свою до 8 час. Всенощная была очень поздно, началась в 10¼, т.к. батюшка не успел прийти из-за службы в церкви. Свободные стрелки присутствовали»³⁵⁹.

Доктор Евгений Сергеевич Боткин в тот день писал сыну Глебу: «Сегодня вечером я был на елке в доме № 1 [то есть в губернаторском доме], где все женские руки [Царской] семьи приготовили всем по несколько подарков и все вместе своею бодростью и приветливостью сумели всем окружающим устроить настоящий праздник»³⁶⁰.

25 декабря Августейшая семья продолжала поздравлять солдат. Например, 1-й взвод 1-го полка получил елку, сладкий пирог и игру в шашки.

В тот же день 25 декабря, на праздник Рождества Христова, в Благовещенской церкви после литургии был отслужен молебен чудотворной иконе «Знамение», привезенной в храм по распоряжению епископа Гермогена из Абалакского мужского монастыря.

Во время службы произошло событие, вскоре серьезно повлиявшее на духовное окормление Императорской семьи. Приведем свидетельства очевидцев. Пьер Жильяр пишет: «Праздник Рождества Христова, и мы отправляемся в церковь. По указанию священника диакон провозгласил многолетие (молитва о продлении дней Императорской Фамилии). Это было неблагоприятно со стороны священника и могло только повлечь за собой репрессии. Солдаты со смертными угрозами требовали смены священника. Этот инцидент омрачил светлые впечатления, которые должны были сохранить об этом дне. Он окончился для нас новыми притеснениями, и надзор за нами стал еще более строгим»³⁶¹.

Комендант губернаторского дома полковник Кобылинский в показаниях следователю Соколову описал инцидент подробно: «25 декабря вся Августейшая семья была у ранней обедни. После обедни начался молебен. Обыкновенно

бывало так. Чтобы не держать солдат на холоде, я отпускал их с постов до окончания богослужения, оставляя лишь небольшую часть около самой церкви. Так было и на этот раз. Иногда кто-нибудь из оставшихся около церкви солдат заходил в церковь, но, как я замечал, делали это только более старые, большинство же заходило просто для того, чтобы отогреться. Вообще же в церкви солдат всегда бывало мало. В этот же день, пройдя в церковь, я обратил внимание, что солдат было больше, чем всегда. Чем это объяснить, я не знаю. Может быть, это потому произошло, что все-таки был большой праздник. Когда молебен стал подходить к концу, я вышел из церкви, чтобы приказать солдату созвать караул. Больше в церковь я сам не входил и конца молебна не слышал. Когда молебен кончился и семья вышла из храма, бывший там Панкратов сказал мне: “Вы знаете, что сделал священник? Ведь диакон отхватил многолетие Государю, Государыне и вообще всем, именуя их так. Солдаты, как услышали это, подняли ропот.” Вот из-за этого пустячного, но совершенно никому не нужного поступка о. Васильева и поднялась целая история. Солдаты стали бунтовать и вынесли решение: убить священника или, по крайней мере, арестовать его. Кое-как, с превеликим трудом, удалось уговорить их самих не предпринимать никаких репрессивных мер, а подождать решения этого дела в Следственной комиссии. Епископ Гермоген тогда же услао о. Васильева в Абалакский монастырь, пока не пройдет острота вопроса. Я поехал к нему и попросил дать другого священника. Был назначен соборный священник о. Хлынов²⁶².

Этот случай, во-первых, совершенно разладил мои отношения с солдатами: они перестали доверять мне, и, как им не доказывал обратное, они стояли на своем: “А! Значит, когда на дому служба бывает, всегда их поминают”. И постановили: в церковь совсем семью не пускать. Пусть

молятся дома, но каждый раз за богослужением должен присутствовать солдат. Едва мне удалось вырвать решение, чтобы семья посещала церковь хотя бы в двенадцатые праздники. С решением же их, чтобы за домашними богослужениями присутствовал солдат, я бороться был бессильен. Таким образом, бестактность о. Васильева привела к тому, что солдаты все-таки пробрались в дом, с чем до того времени мне удавалось благополучно бороться. После этого произошел следующий случай. Присутствовал как-то на богослужении солдат Рыбаков. Священник, кончая богослужение и помяная всех святых, упомянул и «царицу Александру» (святую). Целую бурю поднял Рыбаков из-за этого. Пришлось мне вести его к себе, находить календарь и доказывать ему, что поминалась не Александра Федоровна, а святая царица Александра»²⁶³.

Назначение солдата при богослужении подтвердила и няня при Царских детях Александра Александровна Теглева: «После многолетия, провозглашенного в церкви диаконом Их Величествам, солдаты перестали пускать Их в церковь. Богослужения совершались на дому, причем на богослужении присутствовал представитель от солдат»²⁶⁴.

Участник следствия Соколова генерал Михаил Константинович Дитерихс отмечает интересную деталь. Он пишет, что 25 декабря «церковь была битком набита народом; солдаты охраны, в то время уже довольно демократизованные, обыкновенно церкви не посещали, а те, кто бывал в наряде в шпалерах [в парке, по которому проходила к церкви Царская семья. — *К.К.*], пока шла служба, разбрелись повсюду коротать время по-своему. Но на этот раз почему-то в церковь явилась чуть ли не вся охрана и, в особенности, элементы уже совершенно обольшевичевшиеся». После провозглашения многолетия Императорской семье «бунт среди охраны и городского пролетариата разразился

невероятный; солдаты рвали и метали, подстрекаемые еще большевистскими руководителями»²⁶⁵.

Дочь царского лейб-медика Татьяна Евгеньевна Боткина вспоминала: «Проснувшись один раз утром, по обыкновению, очень поздно, часов около 10½, я услышала в соседней комнате голос прапорщика Зимы и нескольких солдат говоривших: “Так и сказал: «Их Императорским Величествам» все же слышали, — ведь сколько народу в церкви было”. Это был какой-то Царский день, помнится, восшествие на престол, [здесь Боткина путается; это было Рождество. — *К.К.*] когда вся Царская Семья и свита были на утренней обедне, и вдруг за обедней, во всеуслышание, диаконом было провозглашено многолетие Их Императорским Величествам и Их Императорским Высочествам. Это маленькое событие имело очень большие последствия. Отец Алексей был арестован домашним арестом и вместе с диаконом подвергнут допросу. <...> Для охраны отец Алексей стал сразу подозрителен, а в глазах Их Величеств он приобрел славу человека, за них пострадавшего, и тем их очень к себе расположил. Часть свиты тоже восхищалась им, за исключением моего отца, совершенно справедливо находившего, что это была просто неуместная выходка, от которой отец Алексей нисколько не пострадал, т.к. из-под ареста его скоро выпустили, Их же Величествам много повредившая.

Действительно, после этого случая их стали пускать в церковь все реже и реже и, наконец, совсем лишили этого, устроив только маленькую походную церковь в доме²⁶⁶. Отца Алексея при Их Величествах сменил отец Владимир Хлынов, и можно глубоко сожалеть о том, что он не занимал этого места с самого начала, так как тогда бы Их Величества не имели случая войти в сношения с Васильевым, бывшим одним из виновников их гибели»²⁶⁷.

Последняя оценка, конечно, несправедлива, но отец Алексей Васильев сыграл неоднозначную роль в разных событиях во время пребывания Венценосцев в Тобольске²⁶⁸.

История «с величанием» мгновенно получила освещение в местной пробольшевистской прессе. По происшествию было произведено следствие. 30 декабря в газете «Тобольский рабочий» появилась заметка «Снова Романовы!» В ней говорилось: «27 декабря Исполнительный комитет Тобольского Совета Р[абочих] С[олдатских] и Кр[естьянских] депутатов в заседании совместно с президиумом бюро Революционно-демократического комитета, представителями городского самоуправления, Комиссаром военно-окружного комитета, представителями Отряда особого назначения и гарнизонного комитета, постановили предложить прокурору окружного суда немедленно сделать распоряжение о производстве предварительного следствия о титуловании семьи бывшего царя»²⁶⁹.

6 января «Дело о титуловании семьи Романовых» освещалось в газете вновь: «27 декабря в Исполнительный комитет Советов Р[абочих] С[олдатских] и Кр[естьянских] депутатов поступило заявление от общего собрания отряда особого назначения о том, что на богослужении 25 декабря в Благовещенской церкви диакон Евдокимов с ведома священника Васильева в ектении титуловал бывшего царя и царицу «их величествами», детей — «высочествами». Отряд требовал немедленного ареста обоих. Настроение было повышенное, грозившее вылиться в самосуд. Исп[олнительный] Ком[итет] Совета с представителями всех революционных организаций и городского самоуправления решил пригласить обоих лиц и выяснить обстоятельства дела. Опрос не привел к выяснению виновного, так как показания обоих противоречили и самим себе, и показаниям друг друга.

Поэтому было решено о происшедшем довести до сведения прокурора и епископа, а диакона и священника подвергнуть домашнему аресту во избежание самосуда и в целях гарантии дознания. Кроме того, еще выяснился факт крайне необычного привоза в Тобольск, и именно в Благовещенскую церковь, Абалакской иконы [Божией Матери]. Все это, в связи с тревожным настроением среди отряда, а также в связи со слухами о развитии в Тобольске монархической агитации, дало возможность прокурору возбудить дело по признакам 129-й статьи о покушении на ниспровержение существующего строя.

Пока шел вопрос о квалификации преступления, диакон и священник нарушили данную ими подписку о невыходе из дому: первый отправился к архиерею, а второй выехал в Абалак. Совет нашел недостаточным судебное официальное следствие и постановил образовать революционно-следственную комиссию, которой поручил выяснить корни монархической агитации в Тобольске и — окрестностях, облекши эту комиссию полномочиями и передав ее в ведение революционно-демократического Комитета. В состав комиссии вошли Желковский, Иваницкий, Коганицкий и кандидаты Никольский и Филиппов»²⁷⁰.

Владыка Гермоген не дал в обиду своих священнослужителей (отправив священника «от греха подальше» в Абалакский монастырь). Вскоре была опубликована «объяснительная» владыки, посланная в тобольский совдеп:

«Объяснения Епископа Тобольского и Сибирского Гермогена президиуму Тобольского совдепа по делу священника Алексея Васильева

г. Тобольск Февраль 1918 г.

- I. Так как по данным 1) Священного писания (I Цар., 24, 4-7), 2) Государственного права, 3) Церковных канонов

и канонического права, а также по данным истории, находящиеся вне управления своею странюю бывшие короли, цари, императоры и т.п. не лишаются своего сана, как такового, и соответственных [им] титулов («величества», «высочества» и т.п.), то поступок священника о. Алексея Васильева и диакона Евдокимова, я не мог считать и не считаю преступлением, тем более, что в нем (поступке), как выяснилось из аналогичных же поступков священника Васильева в более тесной группе лиц в бывшем губернаторском доме, отнюдь не заключалось и не могло заключаться ни тени какой-либо партийно-политической принадлежности с целью пропаганды и т.п., ввиду этого прошу оставить дело названных клириков без последствия, сделав им лишь на будущее время касательно титулования в храме определенные указания.

II. По совету весьма почтенных лиц, я в свою очередь посоветовал о. Алексею удалиться на несколько дней в Абалак, пока дело выяснится, и успокоятся те лица, которые могли почему-либо считать поступок о. Алексея преднамеренным. Прошу простить нас в том, что выезд о. Алексея оказался, впрочем, также ни в коем случае не преднамеренным нарушением дисциплины (о. Алексей был уже в это время подвергнут домашнему аресту).

III. Святая чудотворная икона Абалакская взята на несколько недель, не более трех, исключительно ради некоторых болящих и опять-таки без всякой партийно-политической цели. Пример привоза этой святыни зимою был прежде неоднократно. Теперь св. икону вскоре отвезут обратно в Абалак. Я желаю лишь отслужить перед нею молебен или просто приложиться к ней; доселе же не имел свободного времени.

*Гермоген, епископ Тобольский*²⁷¹.

Столик, на котором служили обедницы,
украшенный к Рождеству 1917 года.
Покрывала вышиты Императрицей

Зал губернаторского дома, где проходили богослужения. На коленях священник Алексей Васильев, духовник Царской семьи в 1917 году в Тобольске. Декабрь 1917

Счет Царской семье
от иконно-книжного
склада Тобольского
епархиального
братства

Записная книжка
камердинера Алексея
Волкова с отметками
о расходах Царской
семьи на буфет
и куличи к Пасхе.
Апрель — май 1918

114 Семь.

Школа-Книжный Склад Тобольского
Епархиального Братства

2	Булочка	по 5р	56	-
25	Ковшй Завтрак	по 3р	87	50
1	Ковшй Завтрак		8	
1	Ковшй Завтрак		2	35
10	Булочка	по 1р	10	
1	Корочка	по 8 коп	8	
1	Булочка	по 2 коп	2	
2	Булочка	по 2,50	5	
2	Булочка	по 3р	6	
1	Булочка	по 3р	3	
1	Масло	об. 2р	2	50
1	Масло	об. 2р	2	50
1	Урюмце	по 4р	4	75
1	Булочка	по 5р	5	25
1	Булочка	по 5р	5	25
1	Масло	об. 1р	1	75
1	Булочка	по 2р	2	10
1	Булочка	по 2р	2	25
3	Масло	об. 2р	6	
			Итого	223 20

После учета денег получены суммы.

Министр Внутренних Дел Князь Г. В. Шереметев

Общий расход по буфету на Пасху 5-го пр. 1918 г. в.					Общий расход по буфету на Пасху 5-го пр. 1918 г. в.						
наим. пр-д	№	расход			итого	наим. пр-д	№	расход			итого
		р.	к.	д.				р.	к.	д.	
Корочка	1	20			20	Рисовая	2	14			14
Булочка	4	7			7	Масло	2	10			10
Масло	3	20			20	Масло	1	7			7
Чай	11	15			15	Итого				55	
Молоко	15	1	60		61						
Насидка	16	3	4		7						
Сода	18		28		28						
Корочка	3		60		60						
Перец	1	6			6						
Пармезан	1	1	60		61						
Книжка	3	1	30		31						
Итого					552					75	

Всего

Можно заметить, что для совдепа, приводимые владыкой ссылки на библейскую книгу Царств, канонические правила и данные истории, конечно, не имели какого-либо значения (они же делали новую историю), а вот на признание епископом «аналогичных же поступков священника Васильева в более тесной группе лиц в бывшем губернаторском доме» наверняка обратили внимание. Непонятно, зачем владыке надо было делать на этом акцент. Как говорилось выше, до этого случая солдаты полковником Кобылинским в дом не допускались, что, конечно, было весьма удобно для Семьи, создавая определенный комфорт и относительно интимную обстановку хотя бы в стенах дома. Не присутствовала охрана и на домашних богослужениях (кроме службы в Рождественский сочельник, 24 декабря, когда стрелки были, вероятно, приглашены самими Венценовцами, ради большого праздника). Зачем владыке писать в официальной бумаге в совдеп, что в особняке поминают Царя с полным его титулом? По неосторожности, не подумав о последствиях? Но ведь он обронил эту фразу не в частной беседе, а свидетельствовал в официальном документе, который был опубликован в газете. Неужели совсем не подумал? Так или иначе, но епископ еще ухудшил положение Царской семьи.

Для духовенства же возникшее «дело» довольно быстро было «спущено на тормозах». Уже 5 января 1918 года (до письменного объяснения владыки с совдепом) священник Васильев был освобожден от объявленного совдепом домашнего ареста (в котором он фактически и не был) и, хотя солдатский комитет как минимум весь январь запрещал ему служить в Благовещенской церкви²⁷², в целом священник отделался «легким испугом».

Для Семьи же это происшествие оказалось серьезным ударом. 30 декабря, в субботу, всеобщей на дому

не состоялось, а на Новый год в воскресенье 31-го даже обедницы.

На праздник Обрезания Господня 1 января Царскую семью допустили в Благовещенский храм. Но в воскресенье 7 января, на праздник Собора святого Иоанна Крестителя, служба вновь не состоялась. После праздника Крещения Господня, 6 января, в следующий раз Царская семья попала в церковь только 20 марта, в среду, на литургию Преждеосвященных Даров, в первую неделю Великого поста. (Можно отметить, что для приближенных Императорской семьи положение было лучше: проживавшая в Корниловском доме Анастасия Гендрикова в дневнике отметила, что 28 января, в воскресенье, «была утром в церкви (с солдатами, конечно)»²⁷³, а в губернаторском доме в тот день служили обедницу.)

Даже в двенадцатый праздник Сретения Господня 2(15) февраля²⁷⁴ семье не позволили пойти в церковь; служили обедницу на дому. Все это было следствием необходимого поступка священника.

Важно отметить, что и до названного инцидента циркулировали слухи, что Царскую семью больше не пустят в храм, кроме как на двенадцатые праздники и, может быть, в Великий пост. Это нашло отражение в письме Императрицы к Марии Сырбоярской от 20 декабря: «Я надеюсь, что не найдут эти письма, так как малейшая неосторожность заставляет их быть с нами еще строже, т.е. не пускают в церковь»²⁷⁵.

Царская семья боялась подобного развития событий, которое и случилось, но не винила в происшедшем священнослужителей. 30 декабря, в субботу, Императрица записала в своем дневнике: «Всенощной не было, потому что наш священник был вынужден уехать на несколько дней из-за неприятных выдумок. Он не виновен»²⁷⁶.

Государь в дневнике отметил: «Узнали с негодованием, что нашего доброго о. Алексея притягивают к следствию и что он сидит под домашним арестом. Это случилось потому, что за молебном 25 дек. диакон помянул нас с титулом, а в церкви было много стрелков 2-го полка, как всегда, оттуда и загорелся сыр-бор²⁷⁷, вероятно, не без участия [комиссара] Панкратова и присных»²⁷⁸.

Всенощные и воскресные обедни продолжались в губернаторском доме с 13 января и далее совершались регулярно. Царской семье стал служить настоятель Тобольского Софийско-Успенского кафедрального собора²⁷⁹ отец Владимир Александрович Хлынов. А 5 марта Императрица записала в дневнике о новом диаконе²⁸⁰. Вероятно, он, как и отец Хлынов, был клириком Софийско-Успенского собора.

О «настоящем храме» Царская семья очень скучала.

31 января Великая княжна Татьяна Николаевна отметила в письме к Валентине Чеботаревой: «В церковь, к сожалению, не ходим. Бывает дома всенощная и обедница. Конечно, это не может заменить нам церковь, кот. очень не хватает, т.к. теперь больше, чем когда-либо, хочется молиться в церкви. Грустно за тех, кто этого не понимает»²⁸¹. И так же к Анне Вырубовой: «Грустно <...> не быть в церкви, но что же, не всегда можно делать что хочешь, правда? Надеюсь, что Ты можешь много ходить в церкви, если здоровье не мешает»²⁸².

В преддверии Великого поста, в марте, Императрица писала Юлии Ден: «Я уже с нетерпением жду чудные богослужения — так хочется помолиться в церкви. Вспоминаю нашу церковь [Федоровский собор в Царском Селе. — К.К.] и мой маленький, похожий на келью, уголок около алтаря»²⁸³. И Анне Вырубовой: «Надеемся говеть на будущей неделе, если позволят в церковь идти.

Не были с 6-го января, может быть, теперь удастся — так сильно в церковь тянет»²⁶⁴.

Великий пост в 1918 году начался 18 марта. На первой седмице для Царской семьи состоялся полный цикл великопостных служб, причем Солдатский комитет (как пишет Анастасия Гендрикова: «после долгих обсуждений»²⁶⁵) разрешил Семье посетить храм на первой неделе в среду, пятницу и субботу. Тогда же Царская семья говела. 22 марта, в день памяти 40 севастиийских мучеников, их исповедовал священник Владимир Хлынов. В субботу 23 марта вся Семья причастились Святых Христовых Тайн. Это было их последнее посещение церкви и последнее совместное Причастие.

В тот день причастились и все приближенные Семьи²⁶⁶.

В воскресенье после первой седмицы, 24 марта, Государыня писала Марии Сыроболярской: «Говели на этой неделе, и было так хорошо и тихо. Утром и вечером с диаконом сами пели, но в среду, пятницу и субботу были в церкви (радость), и хор пел. Пришлось даже пешком идти, так как снег дорожку для кресла испортил, но Бог дал силы и сердечные капли помогли. Так Господу благодарна, что нет слов, что дал нам это утешение. Погода хорошая, теплая, сидела на балконе. Да, тяжело вам, бедная, — и всем. Надо еще худшего ждать, для достижения лучших времен — все до конца терпеть. Трудно это, больно, но Господь поможет. Слышим много страшного. Расстреляли милого знакомого офицера, бывшего нашего раненого [имеется в виду, что офицер находился на излечении в Царскосельском госпитале. — К.К.]. Не могу об этом спокойно думать. Были такие герои на войне. От ран при смерти совсем были — поправились, и вот как кончилось. Святые мученики. Понимать это не в силах. Но Господь знает, почему нужно, но больно, так больно, больно...»²⁶⁷.

Итак, мы видим, что в Тобольске обедницы на дому или литургии в храме совершались практически во все праздничные и воскресные дни, а иногда, по поводу различных годовщин, разрешали служить на дому молебны или панихиды. За все время заточения в Тобольске служб не было только 21 ноября, на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, по непонятным причинам, и в субботу 30 декабря, воскресенье 31 декабря, воскресенье 7 января из-за странного поведения священника Васильева. И тем не менее Царская семья страдала от недостатка церковных служб, особенно в храме. «Так тянет туда [в храм] в такое тяжелое время. Дома молитва совсем не то — в зале, где сидим, где рояль стоит и где пьесы играли», — писала Императрица Марии Сыробоарской²⁸². Эта грусть звучит в разных письмах постоянно: «скучаю без церкви», «трудно не бывать в церкви» — вновь и вновь пишет Царица²⁸³.

Церковная молитва была фактически их единственной отдушиной, и не случайно у очевидца событий Пьера Жильяра сложилось впечатление, что это «утешение <...> им доставлялось очень редко»²⁹⁰.

Согласно показаниям следователю Соколову Зинаиды Сергеевны Толстой, получившей за тобольский период от Царской семьи 75 писем: «В этих письмах не имеется “жалоб” на жизнь в Тобольске. Тон писем (писала вся Семья, кроме Государя, приславшего лишь телеграммы) в общем был спокойный, ровный. Припоминаю, впрочем, что в письмах указывалось, что их не пускают в церковь, что Государя принудили снять погоны»²⁹¹. Итак, в 75 письмах только две «жалобы», одна из которых на непосещение храма.

Отдельно можно сказать о церковном хоре. Поначалу петь на службы в губернаторский дом приходили сестры Иоанно-Введенского монастыря, но к 1918 году их сменил хор одной из тобольских церквей²⁹². В связи с ограниче-

нием в богослужениях после описанного инцидента, бывшего 25 декабря, надежда на новое прикомандирование монахинь стала таять, и по инициативе Императрицы она сама, дочери и приближенные стали учиться петь хором при домашних службах.

Это было связано и с финансовыми сложностями. 26 февраля Государыня свидетельствовала Александру Сыробоарскому: «Будем, вероятно, теперь сами хор составлять, так как не могу настоящего хора содержать больше. Вначале не будет важно, но потом пойдет»²⁹³.

4 марта Императрица писала Великой княжне Ксении Александровне: «Теперь будем тоже во время службы петь (не знаю как выйдет). Дети, Нагорный (кот[орый]) тоже будет чтецом — мальчиком читал в Ц[еркви], я и регент. Очень грустно не бывать Ц[еркви] — не то без Обедни. Хотим говеть на 1-ой нед[еле]»²⁹⁴.

Есть данные, что певчие предложили служить даром²⁹⁵. Однако им необходимо было петь на службах в своем храме. Государь в Чистый понедельник отметил в дневнике, что певчие не могут петь четыре раза в день (то есть на утренних и вечерних богослужениях и в церкви, и в губернаторском доме). Поэтому Императрице и Великим княжнам и не осталось ничего другого, как петь с диаконом, благо они начали учиться петь еще до Великого поста.

Но возникает вопрос: неужели епископ Гермоген не мог помочь организовать хор для заключенных? Не мог прислать хотя бы несколько своих певчих? Ведь при архиерее всегда состоит солидный церковный хор.

В губернаторский дом не прислали даже нот. 18 марта, в первый день Великого поста, Императрица писала Анне Вырубовой: «Сидела на балконе и старалась “Душе моя, душе моя”²⁹⁶ петь, так как у нас *нет нот*. Пришлось нам вдруг сегодня утром петь с новым диаконом, без

III САРЪ И МАТИВЪ ГДѢ, ДОЛГОТЕРПѢЛИВЪ
 И МНОГОМѢТЛИВЪ. НЕ ДО КОНЦА ПРОСНѢ-
 ВАЕТСЯ, НИЖЕ ВО ВѢКЪ ВРАЖДЕСТЪ. НЕ ПОБЕ-
 ТАКОНѢМЪ НАШЫМЪ СОТВОРИАЪ ЕСТЬ НАМЪ НИЖЕ
 ПО ГРѢХИМЪ НАШЫМЪ ВОЗДАМЪ ЕСТЬ НАМЪ. ЯКО ПО
 ВЫСОТѢ НЕБЕСНѢЙ ШЪ ЖИИ, ОУТВЕРДИАЪ ЕСТЬ ГДѢ

Строки из Псалтири (102; ст. 8–11),
 изображенные Ее Величеством
 на бересте от дров, заготовленных
 Государем

Первая страница письма
 Императрицы на церковно-
 славянском языке Анне
 Вырубовой. 16 января 1918

16го января 1918г. + 51. (17)
 "Милая, Дорогая, возлюбленная
 Сестрица Серафима!
 Отъ нежнолюбящаго сердца про-
 драбляю басъ многолюбиваго
 страдальника моего праздника
 Вашима. Да испошлетъ Бамъ
 Господь Богъ всѣхъ благъ -
 добраго здоровья, крѣпость Ду-
 ха, кротость, терпѣнїе, снавы пере-
 нести всѣ обиды и гонѣнїе, Ду-
 шевную радость. Да освѣтитъ
 Лучъ солнце Арно и Асмо пути Ва-
 шь жизненный. Сами погребите
 всѣхъ любовью Вашей. Да свѣтитъ
 свѣтъ Вашъ въ отихъ темныхъ,
 неясныхъ дняхъ. Не унывай, роди-
 ма, скорбящая сестра! Господь
 слышитъ твой молитвы. Все въ
 свое время. Молннса и мы за васъ
 Богоизбранную сестру, всоати наемъ
 васъ. Уголокъ Вашъ увогин да
 денъ отъ насъ. - Всѣ любящїе

Татищевъ, Жильяръ, Долгоруковъ
Насиенко
P. Gilliard
M. Ussakovskaya

Приближенные Царской семьи. Фото и автографы генерал-адъютанта Ильи Леонидовича Татищева, учителя Пьера Жильяра, генерал-майора князя Василия Александровича Долгорукова, гофлектрисы Екатерины Адольфовны Шнейдер (без автографа), фрейлины графини Анастасии Васильевны Гендриковой. Фотомастерская М. Уссаковской в Тобольске

спевки, шло — ну... Бог помог, но не важно было, после службы с ним пробовали. Даст Бог вечером лучше будет. В С., П. и С. [среду, пятницу, субботу. — К.К.] можно в 8 час. утра в церковь. Радость!! Утешение!! А в другие дни придется нам 5 женщинам [Императрице и Великим княжнам] петь»²⁹⁷. В среду Государыня записала в дневнике: «Пели лучше»²⁹⁸. Все Великопостные службы на дому были без певчих, пели Императрица с Великими княжнами под управлением диакона.

После первой седмицы Великого поста в письме к Анне Вырубовой от 26 марта Императрица писала: «Подумай, была 3 раза в церкви! О, как это утешительно было. Пел хор чудно, и отличные женские голоса; “да исправится” мы пели дома 8 раз без настоящей спевки, но Господь помог. Так приятно принимать участие в службе. Батюшка и диакон очень нас просили продолжать петь, и надеемся устроить, если возможно или удастся пригласить баса»²⁹⁹.

Аналогично описала ситуацию Государыня и в письме к Эмме Владимировне Фредерике от 2 апреля: «На первой неделе поста мы 8 раз у себя во время службы пели, и придется опять 24 [старого стиля] и 25 [на всенощную и литургию праздника Благовещения], — трудно, т.к. *собственных нот нет, а другие не можем всегда иметь*, т.ч. иногда пришлось почти все наизусть петь — спевка не настоящая с диаконом была, т.к. трудно было устроить, сегодня надеемся выйдет и что нам позволят достать баса. 2-я [Великая княжна Татьяна] и 3-я [Великая княжна Мария] поют первый голос, старшая [Великая княжна Ольга] второй, младшая [Великая княжна Анастасия] и я альт или тенор даже»³⁰⁰.

6 апреля (24 марта старого стиля) всенощную перед Благовещением, выпавшую тогда на Крестопоклонную субботу, пела все же не Царская семья, а «три певицы

и регент», которые, как отметила в дневнике Государыня, «сказали, что не смогут петь завтра до 1½ [часа], поэтому нам придется петь без подготовки»³⁰¹.

7 апреля на Благовещение Семью в церковь не пустили, и священник с диаконом служили обедницу. В письме к Марии Сыроболярской Императрица отметила, что на праздник Благовещения «утром, в 8 часов, нам пришлось петь неожиданно, совсем не спевшись с диаконом. К счастью, служба хорошо прошла. Знаем обедницу, не такая трудная; *нот у нас опять не было*, но Бог помог»³⁰². Позднее Царская семья получила ноты из столицы от Анны Вырубовой. В письме к ней 19 апреля Государыня отметила: «тронута, благодарю за ноты»³⁰³.

Отметим и такой факт. По свидетельству протоиерея Владимира Хлынова: «Были случаи, когда Государь прислуживал священнику: ставил аналой, брал кадило»³⁰⁴. По всей видимости, иногда роль псаломщика исполнял и Цесаревич Алексей.

Теперь посмотрим на книги религиозного содержания, которые Царская семья читала в заключении. Сохранился счет, оплаченный Семьей за издания, приобретенные в иконно-книжном складе Тобольского епархиального братства³⁰⁵. На этот счет мы и будем ориентироваться.

Венценосцы купили в Тобольске семь Библий, вероятно, по числу членов Семьи, а также 27 экземпляров Нового Завета и 13 Евангелий, по всей видимости, предназначенных окружению Императорской четы, и три молитвенника.

Книги в единичных экземплярах были следующие. Во-первых, популярные в то время работы англиканского священника и богослова Фредерика Вильяма Фаррара: «Жизнь Иисуса Христа», «Первые дни христианства» и «Жизнь и труды святых отцов и учителей церкви».

Это захватывающие повествования о земной жизни Господа Иисуса Христа и его учеников на культурно-историческом фоне той эпохи. Работа «Жизнь Иисуса Христа» в дореволюционной России выдержала десятки переизданий и с успехом печатается сейчас³⁰⁶.

Другая книга из списка: «Жития всех святых, празднуемых Греко-Российскою Церковию и сказания о всех праздниках Православной Церкви и чудотворных иконах Богородицы» — протоиерея Иоанна Николаевича Бухарева. Этот справочник содержит краткие сведения обо всех святых, важнейших праздниках, сборник тропарей, алфавитный список чудотворных икон Божией Матери, святцы и т.п.

Следующая книга «Жития святых, кратко изложенные по руководству Четьи-Миней» — работа писательницы Александры Николаевны Бахметьевой, рассчитанная на взрослых и детей, где в ясной и доступной форме передаются жития святых и события библейской истории.

Далее: «Луг духовный. Творение блаженного монаха Иоанна Мосха» (иначе: Лимонарь, Синайский патерик), ставший классическим сборник рассказов VII века о святых и подвижниках благочестия.

Следующие книги: «Жить — любви служить (очерк православного нравоучения)» протоиерея С. Остроумова, «Училище добродетельной жизни православного христианина» — настольная книга, содержащая краткие сведения о праздниках, святых, поучения святых отцов — душеполезное семейное чтение. «Толкование Евангелия» — труд духовного писателя Бориса Ильича Гладкова, представляющий собой простую и ясную гармонизацию четвероевангелия (единое изложение евангельской истории, составленное по рассказам четверых евангелистов). Работа Матвея Васильевича Барсова «Сборник статей по истол-

ковательному и назидательному чтению Деяний святых апостолов» — собрание святоотеческих толкований, а также проповедей и богословских статей авторов XIX века. Книга «Благодеяния Богоматери роду христианскому через ее святые иконы» представляет собой свод рассказов о 177 иконах Богоматери.

Нетрудно заметить, что все названные издания объединяет общедоступность их содержания и, в частности, этим обусловленная популярность. Данные книги неоднократно переиздавались в наше время с расчетом на самый широкий круг читателей. Возможно, часть из них была приобретена Царской семьей на подарок.

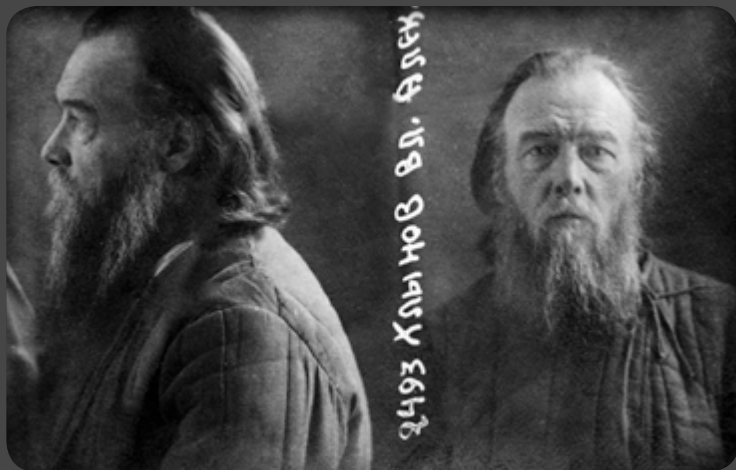
Далее осветим еще несколько аспектов религиозной жизни Царской семьи. Во-первых, постоянное чтение Семейей Священного Писания. Императрица практически ежедневно отмечала в дневнике, какие фрагменты прочитаны в Библии. Государь в дневнике этого не описывал, но однажды заметил: «*Так как нельзя читать все время Библию*, я начал также “A short history of the English people” [Краткая история английского народа. — К.К.]»³⁰⁷. Императрица писала Анне Вырубовой, что Государь «читает для себя *теперь* весь Ветхий Завет»³⁰⁸. Можно предположить, что чтение Царем в заключении именно Ветхого Завета объясняется тем, что при управлении страной у него не хватало на это времени. Ведь верующие прежде обычно изучают Новый Завет (так и преподают в духовных учебных заведениях), а позднее — Ветхий. И обычно лучше знают именно Новый Завет. Возможно, Государь «наверстывал упущенное».

В конце 1917 года Государыня, в частности, писала Анне Вырубовой: «Ты Библию читаешь? Которую я тебе дала, но знаешь, есть гораздо полнее, и я всем детям подарила и для себя теперь большую достала, там чудные вещи —

Анфилада комнат второго этажа
губернаторского дома. В конце
ее видна походная церковь. 1918

Протоиерей Владимир Хлынов, по-
следний духовник Царской семьи.
Фото из следственного дела.
1932

Иконостас, устроенный в губернаторском доме г. Тобольска. На верхнем и среднем ярусе напечатанные иконы. На нижнем ярусе бумажные картины с видами монастырей и церквей, некоторые из которых с изображением святых. Завесой Царских врат послужило покрывало Государыни Императрицы. 1918

Богослужение в домовой церкви в губернаторском доме. На клиросе насельницы Иоанно-Введенского монастыря. В алтаре, вероятно, протоиерей Владимир Хлынов. 1918

Иисуса Сираха, Премудрости Соломона и т.д. Я ищу все другие подходящие места — живешь в этом, — и псалмы так утешают»³⁰⁹.

Здесь надо отметить следующее. Полностью Ветхий Завет состоит из 50 книг разных авторов. Из них 39 имеют статус канонических, и они входят во все издания Библии. И 11 так называемых второканонических книг (в том числе Иисуса, сына Сирахова, Премудрости Соломона), которые во многих изданиях опускают, особенно в европейских. Как видим, Императрица узнала об этом только в Тобольске, следовательно, раньше она, скорее всего, пользовалась иностранным изданием Библии.

Царица также постоянно изучала различную духовную литературу. Например, она писала Вырубовой: «Буду теперь с удовольствием Творения Григория Нисского читать, их раньше не имела. Последнее время читала Тихона Задонского»³¹⁰. Позднее, 16 января 1918 года Императрица заметила: «Читаю творения святого отца нашего Григория Нисского, но туго идет: очень уж много о сотворении мира»³¹¹.

По всей видимости, некоторые молитвословия Государыне было сложно понять на церковно-славянском языке, и она предпочитала русские переводы. Так, Чарльз Сидней Гиббс отметил, что на первой седмице Великого поста, когда принято читать Великий покаянный канон святителя Андрея Критского, «Императрица снабдила каждого из нас [из окружения Семьи] копией канона на русском языке»³¹².

При этом Александра Федоровна пишет, что «рисовала молитвы» на церковно-славянском языке, то есть переписывала их каллиграфически, а также рисовала иконки. В письме к Анне Вырубовой от 26 марта 1918 года Императрица говорила: «Стала маленькие образки <...> рисовать, и довольно удачно (с очками и увеличительным

стеклом), но глаза потом болят. Довольно много придется молитв рисовать»³³. «Стала опять рисовать молитвы, и даже образки на бумаге из благодарности к тем, которые нас теперь щедро балуют. Вареньями, пирожками, сухариками и т.д. кофе, чай. Ужасно люди трогательно все это делают тайком. Вышиваем. Теперь опять вечера со всеми проводим, а на той неделе — тихо одни были, и он [Государь] нам читал из жизни Св. Николая Чудотворца, пока мы работали», — писала Государыня³⁴. И далее с доброй иронией: «Не судите плохим шрифтом написанное, ведь сестрица ваша малограмотная, болящая труженица, изучаю я писание молитв, но слабость зрения мешает моему рвению»³⁵.

Собственноручно переписанные молитвы (в частности, в качестве закладок к Евангелию) Государыня дарила на Рождество своему окружению и нижним чинам охраны³⁶.

Некоторые из этих молитв сохранились. В частности, в архиве в Финляндии, написанные на бересте (от берез, распиленных Государем) и посланные Анне Вырубовой³⁷.

Об углубленном изучении Императрицей церковно-славянского языка свидетельств мы не нашли. Письмо на церковно-славянском языке, отправленное также к Вырубовой, фактически написано по-русски церковно-славянскими буквами, без знаков ударений, титлов и придыханий (диакритических знаков, принятых в церковно-славянском языке).

Однако, надо сказать, что умение составлять тексты на церковно-славянском языке, помимо знания языковых правил (синтаксиса, пунктуации и т.п.), требует специального образования: изучения основ гимнаграфии, а также каллиграфии. Даже в наши дни в духовных семинариях, академиях, богословских ВУЗах учат читать, но не писать на церковно-славянском языке.

Можно отметить, что кроме непосредственно духовной (святоотеческой) литературы, члены Семьи читали (иногда вслух) произведения русских писателей, в том числе на религиозные темы. Например, Николая Семеновича Лескова «Запечатлённый ангел», Николая Васильевича Гоголя «Размышления о божественной литургии». (Впрочем, Царская семья регулярно отводила время для «легкого» чтения. Например, в письме к Анне Вырубовой от 10 декабря 1917 года Императрица заметила: «Читаю “хорошие книги”, люблю очень Библию и время от времени романы»³¹⁹.)

В Тобольске женская половина Императорской семьи, как и раньше, занималась шитьем, в том числе церковным. Так, в письме к графине Эмме Фредерикс Александра Федоровна, в частности, писала: «Много вышиваю для разных церквей», и в послании к Валентине Чеботаревой: «Вышиваем для здешних церквей»³¹⁹. В письме к Анне Вырубовой: «Вышиваем много для церкви, только что [в феврале 1918 года. — К.К.] кончили белый веноч из роз с зелеными листьями и серебряным крестом, чтобы под образ Б[ожией] Матери Абалакской повесить»; «Вышиваем мы покрывала, воздухи, на аналой покрывала — сестры Татьяна и Мария особенно искусно вышивают»³²⁰.

На устроенный в губернаторском доме стол для богослужений, а также аналой Императрица с дочерьми вышила покрывала. Священнику Алексею Васильеву в подарок вышили епитрахиль³²¹.

При молитве Императрица пользовалась четками. В письме от 23 января 1918 года она делилась с Анной Вырубовой: «Родная, когда с четками молишься, какую молитву читаешь ты на ю-е? Я разные, Отче наш, Богородице, Царю Небесный и т.д., но не знаю, верно ли так или нужно одну особенную повторять. Искала в книгах и нигде не нашла. Знаю только, что Г[осподи]. И[исусе]. Хр[исте]. С[ыне]. Б[ожий]. помяни мя

грешную»³²². Позднее в письме от 15 марта Государыня отвечала Вырубовой: «Буду четки [по четкам] так молиться, как Ты пишешь»³²³. Можно отметить, что в вышеприведенной, так называемой Иисусовой молитве, сделана определенная ошибка. Принято молиться не «помяни», а «помилуй». Не ясно, почему Императрица не спросила священника, приходящего в губернаторский дом, как молиться по четкам и правильно читать Иисусову молитву.

В сентябре и вторично в декабре 1917 года Император просил комиссара Панкратова разрешить священнику Васильеву преподавать Закон Божий Цесаревичу и младшим дочерям, но получал отказы. Преподавать детям, в том числе Закон Божий, разрешили Клавдии Михайловне Битнер (впоследствии супруге коменданта дома полковника Кобылинского). Она же преподавала детям русский язык и литературу. Некоторыми предметами и подробнейшим образом Священным Писанием на протяжении всего заключения постоянно занималась с детьми и сама Императрица. Так, 21 октября 1917 года Царица писала Анне Вырубовой: «Сколько утешений в чтении Библии. Я теперь много с детьми читаю и думаю, что Ты, дорогая, тоже»³²⁴. 8 декабря: «Очень занята весь день заготовкой к Рождеству, вышиваю и ленточки по-прежнему рисую и карточки, и уроки с детьми, так как священника к нам не пустят для уроков, но я эти уроки очень люблю — вспоминаю много». 10 декабря: «Я чувствую твою близость, когда мы читаем Библию, Иисуса Сираха и т.д... Дети тоже всегда находят подходящие места — я так довольна их душами. Надеюсь, Господь благословит мои уроки с Беби — почва богатая — стараюсь, как умею — вся жизнь моя в нем». 23 января: «Люблю уроки Закона Божьего с детьми, читаем Библию, говорим, читаем описание жизни Святых, объяснение Евангелия, изречения, объяснения молитв, службы и т.д.»³²⁵.

Заниматься с детьми Государыня начала в Тобольске 13 сентября, и далее уроки проходили регулярно вплоть до отъезда Царской семьи в Екатеринбург. В тобольский период заключения Императрица продолжила с детьми, начатое в Царском Селе изучение книг Экклезиаста и пророка Исайи. Также были проработаны книги пророков: Иеремии, Варуха, Иезекииля, Даниила и Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова.

Как мы говорили выше, Царская семья и до революции посты строго не соблюдала, говея небольшое время. Но в определенных действиях во время поста она себя ограничивала (как собственно и все мы, православные). Так же было в Тобольске. Например, это видно из письма Императрицы Анне Вырубовой: «Посылаю макароны, колбасы, кофе — хотя пост теперь. Я всегда из супа вытаскиваю зелень, чтобы бульон не есть, и не курю»³²⁶. (Государыня, как все курильщики, бросала эту привычку не один раз.)

Спектр духовных переживаний Царицы нашел свое отражение в письмах к Вырубовой. Считаем нелишним привести их в значительном объеме. Читаем в письме от 24 ноября: «Мать и дочки работают и много вяжут, приготавливая рождественские подарки. <...> Надеюсь на лучшее будущее. Бог не оставляет тех, кто Его любит и верит в Его безграничное милосердие, и когда мы меньше всего ожидаем, Он нам поможет и спасет эту несчастную страну. Терпенье, вера и правда».

8 декабря: «Да, прошлое кончено, благодарю Бога за все, что было, что получила, и буду жить воспоминаниями, которые никто от меня не отнимет. Молодость прошла... <...> Дух у всех семи бодр. Господь так близок, чувствуешь Его поддержку, удивляешься часто, что переносишь вещи и разлуки, которые раньше убили бы. Мирно на душе, хотя страдаешь сильно, сильно за Родину».

10 декабря: «Мирское все проходит: дома и вещи отняты и испорчены, друзья в разлуке, живешь изо дня в день. В Боге все, и природа никогда не изменяется. <...> [Камердинер] Волков везет меня в кресле в церковь — только через улицу — из сада прохожу пешком. Некоторые люди кланяются и нас благословляют, другие не смеют. Учишься теперь не иметь никаких личных желаний. Господь милосерд и не оставит тех, кто на Него уповает».

15 декабря: «Есть вещи, которые отгоняю от себя, убивают они, слишком свежи еще в памяти — все прошлое. Что впереди, не догадываюсь. Господь знает и по-своему творит. Ему все передала. Помолись за нас и за тех, кого мы любим, и за дорогую Родину, когда бываешь у “Скоропослушницы”; ужасно люблю ее чудный лик. <...> Попрошу через [камердинера] Чемодурова особенно в воскресенье вынимать частицу за тебя и всех наших, наверное, ты будешь говеть с нами». (Отметим, что посредством разных лиц Императрица постоянно подавала записки для поминаний своих близких в церквах Тобольска.)

9 января: «Верь, дорогая, Господь Бог и теперь тебя не оставит. Он милостив, спасет дорогую, любимую нашу Родину и до конца не прогневается. Вспомни Ветхий Завет, все страдания израильтян за их прегрешения. А разве Господа Бога не забыли, оттого они счастья и благополучия не могут принести — разума нет у них. О, как молилась 6-го [января], чтобы Господь ниспослал бы духа разума, духа страха Божия. Все головы потеряли, царство зла не прошло еще, но страдание невинных убивает. Чем живут теперь, и дома, и пенсии, и деньги — все отнимают. <...> Теперь я все иначе понимаю и чувствую — душа так мирна, все переносю, всех своих дорогих Богу отдала и Святой Божией Матери. Она всех покрывает Своим омофором. Живем, как живется».

16 января 1918 года с некоторым юмором и иронией: «Пора кончать — все пошли в трапезную, я останусь дежурить у болящей рабы Божией Анастасии. Рядом в келии сестра Екатерина дает урок. <...> Отец наш, Батюшка Николай, собирает нас по вечерам вокруг себя и читает нам вслух, а мы занимаемся рукоделием. Со своею кротостью и при телесном здравии он не пренебрегает в это тяжелое время колоть и пилить дрова для наших нужд, чистит дорожки со своими детьми. Матушка наша Александра приветствует вас, многолюбимая сестра, и шлет вам свое материнское благословение и надеется, что вы, сестрица, хорошо поживаете в духе Христа. Тяжело вам живется, но дух тверд. 2 градуса мороза, тихо на улице. Добрая сестра Серафима. Будьте Богом хранимы, прошу ваших молитв. Христос с Вами. Грешная сестра Феодора».

24 января: «Благодарю день и ночь за то, что не разлучена со своими собственными 6 душками, за много надо благодарить, за то, что ты можешь писать, что не больна, храни и спаси тебя Господь, всем существом за тебя молюсь, а главное, что мы еще в России (это главное), что здесь тихо, недалеко от раки св. Иоанна [Тобольского]».

18 февраля³²⁷: «Солнышко блестит, греет днем, и чувствуем, что все-таки Господь не оставит, но спасет, да спасет, когда все мрачно и темно кругом и только слезы льются. Вера крепка, дух бодр, чувствую близость Бога. Ангел мой, не скорби — это все должно сбыться. Только, Боже, как мне этих невинных жаль, которые гибнут тысячами».

15 марта: «Крестный путь, а потом Христос воскрес! Год скоро, что расстались с тобой, но что время? Ничего, жизнь — суета, все готовимся в Царство Небесное. Тогда ничего страшного нет. Все можно у человека отнять, но душу никто не может, хотя диавол ловит человека на каждом шагу, хитрый он, но мы должны крепко бороться

против него: он лучше нас знает наши слабости и пользуется этим. Но наше дело быть настороже, не спать, а воевать. Вся жизнь — борьба, а то не было бы подвига и награды. Ведь все испытания, Им посланные, попушенья — все к лучшему; везде видишь Его руку. Делают люди тебе зло? А ты принимай без ропота: Он и пошлет Ангела-хранителя, утешителя Своего. Никогда мы не одни, Он Вездесущий — Всезнающий — Сам любовь. Как же Ему не верить? Солнце ярко светит. Хотя мир грешит и мы грешим, тьма и зло царствуют, но солнце правды воссияет; только глаза открывать, двери души держать отпертыми, чтобы лучи того солнца в себя принимать. Ведь мы Его любим, дитя мое, и мы знаем, что “так и надо”. Только потерпи еще, душка, и эти страдания пройдут, и мы забудем о муках, будет потом только за все благодарность. Школа великая. Господи, помоги тем, кто не вмещает любви Божией в ожесточенных сердцах, которые видят только все плохое и не стараются понять, что придет все это: не может быть иначе: Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по Его пути, следом любви и страдания идет, понимает все величие Царства Небесного. — Не могу писать, не умею в словах высказать то, что душу наполняет, но ты, моя маленькая мученица, лучше меня все это понимаешь: ты уже дальше и выше по той лестнице ходишь... Живешь как будто тут и не тут, видишь другими глазами многое, и иногда трудно с людьми, хотя религиозными, но чего-то не хватает, — но то, что мы лучше, напротив, мы должны были бы быть более снисходительными к ним... Раздражаюсь все-таки еще. Это мой большой грех, невероятная глупость».

Вскоре после Причастия, 26 марта: «Вот и Великий Пост! Очищаемся, умолим себе и всем прощение грехов, и да даст Он нам пропеть на всю святую Русь “Христос воскрес!” Да готовим наши сердца Его принимать; откроем

двери наших душ; да поселится в нас дух бодрости, смиренномудрия, терпения и любви и целомудрия; отгоним мысли, посланные нам для искушения и смущения. Станем на стражу. Поднимем сердца, дадим духу свободу и легкость дойти до неба, примем луч света и любви для ношения в наших грешных душах. Отбросим старого Адама, облекуемся в ризу света, отряхнем мирскую пыль и приготовимся к встрече Небесного Жениха. Он вечно страдает за нас и с нами и через нас; как Он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он, невинный, безгрешный, вольно страдал? Искушаем мы все наши столетние грехи [sic! — К.К.], отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души. О, дитя мое родное, не умею я писать, мысли и слова скорее пера бегут. Прости все ошибки и вникни в мою душу. Хочу дать тебе эту внутреннюю радость и тишину, которой Бог наполняет мне душу, — разве это не чудо! Не ясна ли в этом близость Бога? Ведь *горе бесконечное — все, что люблю — страдает*, счета нет всей грязи и страданиям, а Господь не допускает унынья: Он охраняет от отчаянья, дает силу, уверенность в светлое будущее еще на этом свете».

2 апреля: «Много все пережили, но Господь Своей милостью не оставит Своих овец погибнуть. Он пришел в мир, чтобы Своих в одно стадо собрать, и Сам Всевышний охраняет их. Душевную связь между ними никто не отнимет, и свои своих везде узнают. Господь их направит, куда им нужно идти. Промысел Божий недостижим человеческому уму. Да осенит нас Премудрость, да войдет и воцарится в душах наших, и да научимся через нее понимать, хотя говорим на разных языках, но одним Духом. Дух свободен. Господь ему Хозяин; душа так полна, так живо трепещет от близости Бога, Который невидимо окру-

жает Своим Присутствием. Как будто все святые угодники Божии особенно близки и незримо готовят душу к встрече Спасителя мира. Жених грядет, приготовимся Его встречать: отбросим грязные одежды и мирскую пыль, очистим тело и душу. Подальше от суеты, — все суета в мире. Откроем двери души для принятия Жениха. Попросим помощи у Св. Угодников, не в силах мы одни вымыть наши одежды. Поторопимся Ему навстречу! Он за нас, грешных, страдает, принесем Ему нашу любовь, веру, надежду, души наши. Упадем ниц перед Его пречистым образом; поклонимся Ему и попросим за нас и за весь мир прощение, за тех, кто забывает молиться, и за всех. Да услышит и помилует. И да согреем мы Его нашей любовью и доверием. Облекшись в белые ризы, побежим Ему навстречу, радостно откроем наши души. Грядет Он, Царь славы, поклоняемся Его кресту и понесем с Ним тяжесть креста. Не чувствуешь ли Его помощь, поддержки несения твоего креста? Невидимо Его рука поддерживает твой крест, на все у Него силы хватит; наши кресты только тень его креста. <...> Торжествует Господь, умудряет сердца: увидят все языцы “яко с нами Бог”. Слышишь ли мой голос? Расстояния ничего не значат — дух свободен и летит к тебе, и вместе полетим к Богу, преклонимся пред Его престолом. Я спокойна, все это в душе происходит»³²².

Что мы видим в письмах Государыни: терпение и упование на волю Божию, страдания за ближних. Ее послания довольно эмоциональны. Рассуждая, Императрица начинает увлекаться мыслью, парить, восхищаться...

Сравним это с ранними думами Царицы. Например, еще до замужества в 1894 году Принцесса Аликс писала Ники: «Обратись ко Господу, Он всегда милосерд и благ, и утешит нас, когда не помогают утешения земные. Я уверена, что эти годы терзаний и неопределенности были нам во благо

и приблизили нас к Нему — разве Он не милосерд в конце концов? Пути Его неисповедимы и часто нас даже пугает, что Он, ведя нас по жизни, попускает каждому свои искушения, но и полностью прощает, если мы осознаем и каемся в своих грехах, попускает нам скорби и учит, как преодолевать их. Он вознаграждает нас, благословляет и никогда не покидает нас... Но что на меня сегодня нашло — я пишу проповедь. Прости меня дорогой...»³²⁹.

И в следующем письме: «На каждом кресте своя надпись». Я думаю, что наша — это терпение»³³⁰. Интересно, что и жених Ники в письмах невесте неоднократно замечал: «Да, я должен снова это повторять: терпенье — наш девиз... Моя любимая, наше маленькое разочарование — ничто в сравнении с тем, через что должны проходить другие»³³¹. («Маленькое разочарование» — это пятилетнее ожидание свадьбы...) И позднее, и после свадьбы, например, в письме 1899 года в полном расцвете сил, в 32 года, Император писал супруге: «Ничего не поделаешь, мы должны, как обычно, собрать свое мужество и терпеливо нести свой крест, как велит нам Иисус Христос»³³².

Обратим внимание, что в 1894 году, увлекаясь в религиозных рассуждениях Александра Федоровна, как бы одергивает себя: «Но что на меня сегодня нашло — я пишу проповедь. Прости меня дорогой». И то же мы видим в письме 1918 года. Сначала Царица восклицает: «Дух свободен и летит к тебе [Вырубовой], и вместе полетим к Богу!» и тут же спохватывается: «Я спокойна, все это в душе происходит». Многие видели (хотят видеть) в импульсивности духовных рассуждений Царицы некую болезненную религиозность экстатического характера, истерию и, следовательно, неадекватность. Это не так. Это просто эмоциональность, выраженная только в письмах к самым близким друзьям и мужу.

Мы пойдем это, вернувшись к дальнейшим событиям в Тобольске.

В апреле 1918 года Царская семья начала хлопоты о переселении на лето из губернаторского дома в какой-либо монастырь³³³. Но внезапно 25 апреля, в четверг, перед Страстной седмицей, прибывший из Москвы комиссар Василий Васильевич Яковлев (настоящее имя: Константин Алексеевич Мячин) объявил Царской семье, что уже этой ночью должен состояться их переезд на новое, неизвестное место. Цесаревич Алексей был сильно болен, но большевики настаивали на немедленном отъезде Государя. С ним разрешили, по желанию, поехать и другим членам Семьи, близким и прислуге. Императрица была поставлена перед тяжелейшим выбором: оставить Государя или тяжелобольного ребенка? «Какая ужасная пытка», — сказала она тогда³³⁴.

Чарльз Сидней Гиббс на следствии Соколова показал, что в апреле 1918 года: «Он [Цесаревич] был очень болен и страдал. Императрица обещала после завтрака [25 апреля] прийти к Нему. Он все ждал, ждал, а Она все не шла. Он все звал: “Мама, Мама”. Я вышел и посмотрел через дверь. У меня сохранилось впечатление, что среди зала стояли Государь, Императрица и Яковлев. Я не слышал, что они говорили. Я опять пришел к Алексею Николаевичу. Он стал плакать и все звал: “Где Мама?” Я опять вышел. Мне кто-то сказал, что Она встревожена, что Она поэтому не пришла, что встревожена; что увозят Государя»³³⁵.

Зачем и куда увозили Царя, комиссар не говорил. Императорская чета полагала, что в Москву, возможно, для подписания кабального для России договора с немцами. Царица решила, что, может быть, нужнее Царю, то есть России, которую он для нее олицетворял, и не оставила его. Как свидетельствовал тот же Чарльз Сидней Гиббс: «Больше всего Она [Царица] боялась потерять Россию»³³⁶.

В православном миропонимании это правильная иерархия: Бог (Церковь), Родина, семья (малая церковь). Такую лестницу ценностей верно увидел у Царской семьи протопресвитер Михаил Польской. Он отметил: «Любовь к семье у Царственной Четы не побеждала их любви к родине, и ради родины они готовы были жертвовать собою и семьею, что они доказали на деле. Однако любовь к родине и семье не побеждала их любви к Богу. Бог, родина, семья — вот три служения Императора, где сосредоточивалась его жизнь и вся любовь, но каждая ценность заняла подобающее ей место в его сердце»³³⁷.

Поэтому, служа России, Императрица все же оставила сына в то время, когда у него был очередной приступ болезни, и она могла больше не увидеть его живым. Государыня это понимала лучше кого бы то ни было, и уехала с мужем. Таким образом, очевидно, что никакой болезненной истеричности даже в отношении тяжелейшей болезни сына у нее не было. Уже один этот случай говорит, что она обладала железной волей и трезвым, расчетливым умом, что несовместимо с истеричностью.

Вместе с Императорской четой отправились в неизвестность Великая княжна Мария Николаевна, а также князь Василий Александрович Долгоруков и врач Евгений Сергеевич Боткин, из прислуги — Терентий Иванович Чемодуров, Иван Дмитриевич Седнев, Анна Степановна Демидова. Остальные члены Семьи и сопровождающие их лица должны были воссоединиться с Императорской четой после выздоровления Цесаревича. Пятницу и Лазареву субботу Венценосцы провели в дороге на дешевых тарантасах вместе с охраной.

Узники прибыли в Тюмень в ночь на Вербное воскресенье, и утром же на праздник Входа Господня в Иерусалим, перед Страстной седмицей, поезд из Тюмени двинулся в Екатеринбург.

Великие княжны Ольга, Татьяна, Анастасия, Цесаревич Алексей с приближенными и прислугой продолжали находиться в Тобольске с 26 апреля по 20 мая.

Как мы говорили выше, после отъезда Государя, начиная с Вербного воскресенья, в губернаторском доме вместо обедниц всегда служили литургии. Тогда Пьер Жильяр отметил в дневнике: «В большом зале поставили походную церковь, и священник будет иметь возможность служить обедню, так как есть антиминс»³³². Пропусков служб в воскресные и праздничные дни больше не было.

Об этом же пишет графиня Анастасия Гендрикова. Согласно ее дневнику, в походной церкви 28 апреля, в воскресенье, была отслужена литургия, а на Страстной седмице цикл великопостных служб. Причем 2 мая, в Великий четверг, Цесаревич Алексей, Великие княжны Анастасия, Татьяна, Ольга, а также Анастасия Гендрикова и некоторые другие лица свиты приобщались Святых Христовых Тайн³³⁹.

К Пасхе, по свидетельству Великой княжны Анастасии Николаевны, иконостас домово́й церкви был украшен елками (как это было принято в Сибири) и цветами³⁴⁰. Великие княжны поздравили домашних и прислугу, подарив им пасхальные яйца и маленькие иконки, как всегда делала Императрица.

На Пасху 5 мая служили заутреню (утреню) и обедню. В светлый понедельник служили литургию вновь. В светлый вторник Великая княжна Анастасия писала сестре в Екатеринбург: «Как тут приятно — все время благовестят почти во всех церквях, очень уютно получается... Когда мы поем между собой, то плохо выходит, т.к. нужен четвертый голос, а тебя нет, и по этому поводу мы острым ужасно...

<...> Постоянно молимся за Всех и думаем: помоги Господь! Христос с Вами, золотыми...»³⁴¹.

11–12 мая (субботу–воскресение) служили всенощную и литургию. За всенощной присутствовал 21-летний матрос Павел Данилович Хохряков, новоизбранный председатель Тобольского совдепа, в будущем убийца епископа Гермона (и, вероятно, Анастасии Гендриковой и Екатерины Шнейдер, с кем 11 мая был за богослужением)³⁴².

Перед отправкой Царских детей в Екатеринбург 17 мая отряд полковника Кобылинского был распущен и заменен красногвардейцами, в основном латышами, под командованием некоего Родионова³⁴³.

Что касается богослужений, то за короткое время присутствия красногвардейцев, по свидетельству полковника Кобылинского: «Была <...> всего-навсего одна, кажется, служба в доме. Латыши обыскивали священника; <...> перерывали все на престоле. Во время богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что, если бы она знала, что так будет, она и не стала бы просить о богослужении»³⁴⁴.

Александра Александровна Теглева, няня Царских детей показала: «Родионов был гад, злобный гад, которому, видимо, доставляло удовольствие мучить нас. Он это делал с удовольствием... Он держал себя грубо и нагло с детьми <...>. Он тщательно обыскивал монахинь, когда они приходили к нам петь при богослужении, и поставил своего красноармейца у престола следить за священником»³⁴⁵. Это подтверждала и помощница няни Царских детей Елизавета Николаевна Эрсберг³⁴⁶.

Вероятно, в субботу, 18 мая, служили всенощную, а в воскресенье, 19 мая, — день памяти праведного Иова

Многострадального, в 50-й день Рождения Государа Императора — литургию. Царские дети и некоторые приближенные в последний раз в земной жизни причастились Святых Христовых Тайн.

20 мая Царские дети, близкие и прислуга были размещены на пароходе «Русь» и отплыли в Тюмень.

- В ЕКАТЕРИНБУРГЕ -

Много тяжелого впереди, но Господь милостив, не отступит от любящих Его, не попустит больше, чем силы могут вынести³¹⁷

Поезд с Государем, Императрицей, Великой княжной Марией Николаевной и приближенными выехал из Тюмени в Вербное воскресенье, на праздник Входа Господня в Иерусалим 28 апреля 1918 года. Со страстного понедельника Императрица стала отмечать в своем дневнике чтение Государем вслух положенных по богослужебному уставу фрагментов из Евангелий (зачал) на соответствующий день, а Великой княжной Марией Николаевной — вслух различного «духовного чтения».

Во вторник Страстной седмицы, 30 апреля, узники прибыли в Екатеринбург. Так же, как в Тобольске, дом для проживания Царской семьи к их приезду не был полностью готов. В так называемом Ипатьевском доме не работали канализация и водопровод. Условия содержания Венценосцев по сравнению с Тобольском резко ухудшились. Семья стала находиться фактически в условиях тюремного ре-

жима, изолированной от внешнего мира высоким двойным забором. На четырех высотах по периметру вокруг дома были расставлены пулеметы. Из бывшего штата прислуги в 45 лиц разрешили остаться троим. Отменили титулования Семьи, охрана вела себя подчеркнуто издевательски. Письма к детям (когда они оставались в Тобольске) после проверки отправлялись не все. Через некоторое время после проживания Семьи в доме закрасили окна, а позднее на них поставили решетки, запрещалось открывать окна или выглядывать из форточек. До 18 июня кушанья поступали заключенным из советской столовой почти всегда с большим опозданием (после разрешили готовить повару Ивану Харитонову, прибывшему из Тобольска 23 мая).

Бывать на воздухе рядом с домом, несмотря на летнюю жару и духоту, не позволяли более часа в день и больному Цесаревичу. Государю не разрешали никаких физических работ во дворе (о чем он неоднократно просил).

Указав на характер заключения в целом, возвращаемся к приезду Государя. На следующий день по прибытии Великая княжна Мария Николаевна писала сестре Ольге: «Кругом деревянный забор, мы только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади»³⁴⁹. То же писал дочери и лейб-медик Евгений Боткин. Основываясь на письме отца, его дочь, Татьяна Боткина, в воспоминаниях отметила, что забор был так высок, что из-за него «от собора виднелся только золотой крест [в действительности, вероятно, кресты. — К.К.], но и видеть крест доставляло много удовольствия заключенным»³⁴⁹.

Ближайшим храмом к Ипатьевскому дому была Вознесенская церковь³⁵⁰, но могли быть видны и купола других городских церквей. Также буквально рядом с построенным вокруг дома забором находилась часовня, бывшая на месте старой деревянной Вознесенской церкви³⁵¹.

В Великий четверг Государь записал в своем дневнике: «При звуке колоколов грустно становится при мысли, что теперь Страстная [седмица] и мы лишены возможности быть на этих чудных службах и, кроме того, даже не можем поститься! <...> Вечером мы, все жильцы четырех комнат, собрались в зале, где Боткин и я прочли по очереди 12 Евангелий, после чего легли»³⁵².

В Страстной четверг и пяток Государь читал всем Евангелие и книгу Иова Многострадального. Вечером в Великую субботу (в 20-20) для богослужения в Ипатьевский дом позволили прийти священнослужителям Градо-Екатерининского собора³⁵³.

Это были священник Анатолий Григорьевич Меледин и диакон Василий Афанасьевич Буймиров³⁵⁴. Они отслужили заутреню (утреню), как отметил Государь, «скоро и хорошо»³⁵⁵. Пасхальной литургии не было, и Семья легла спать рано.

В воскресенье 5 мая Государь записал: «Утром похристосовались между собою и за чаем ели кулич и красные яйца, пасхи [блюда из творога, изюма, яиц и проч. — *К.К.*] не могли достать»³⁵⁶.

В Светлую седмицу и позднее Император продолжал читать Евангелие и Апостол вслух.

В день 50-летия Государя 19 мая (6-го по старому стилю) тем же духовенством (с 11-30) был отслужен Пасхальный молебен при усиленной охране Ипатьевского дома (в этот день Царские дети, остававшиеся в Тобольске, причастились Святых Христовых Тайн).

23 мая Царская семья воссоединилась. Из Тобольска прибыли Великие княжны Ольга, Татьяна, Анастасия и Цесаревич Алексей. Из приближенных и слуг в Ипатьевском доме разрешили остаться только лакею Алоизию (Алексею) Егоровичу Труппу, повару Ивану Михайловичу

Харитонову и помощнику повара 14-летнему Леониду Седневу³⁵⁷. В доме также оставались прибывшие ранее с Государем лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин и комнатная девушка Анна Степановна Демидова. То есть всего 12 лиц: 6 мужчин (из них два мальчика) и 6 женщин.

Заключенные просили приглашать священника на все воскресные и праздничные дни. Просьбы передавались коменданту дома через Евгения Боткина, но в большинстве случаев узники получали отказ.

В воскресенье 2 июня разрешили (в 11-20) отслужить обедню на праздник обретения мощей святителя Алексия, митрополита Московского, кому был тезоименит Цесаревич. В Ипатьевский дом был приведен новый священнослужитель — настоятель Градо-Екатерининского собора протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев³⁵⁸.

В период 8-10 октября 1918 года отец Сторожев дал следователю Ивану Александровичу Сергееву весьма подробные показания, где, в частности, о богослужении 2 июня сказал: «В воскресенье 20 мая (2 июня) я совершил очередную службу — раннюю литургию — в Екатерининском Соборе и только что, вернувшись домой около 10 часов утра, расположился пить чай, как в парадную дверь моей квартиры постучали. Я сам открыл дверь и увидел перед собой какого-то солдата невзрачной наружности с рябоватым лицом и маленькими бегающими глазами [это был разводящий охранник Анатолий Александрович Якимов. — *К.К.*]. Одет он был в ветхую телогрейку защитного цвета, на голове затаканная солдатская фуражка. Ни погон, ни кокарды, конечно, не было. Не видно было на нем и никакого вооружения. На мой вопрос, что ему надо, солдат ответил: “Вас требуют служить к Романову”. Не поняв, про кого идет речь, я спросил: “К какому Романову?” — “Ну, к бывшему Царю”, — пояснил пришедший.

Из последующих переговоров выяснилось, что Николай Александрович Романов просит совершить последование обедницы. “Он там написал, чтобы служили какую-то обедницу”, — заявил мне пришедший...³⁵⁹. Выразив готовность совершить просимое богослужение, я заметил, что мне необходимо взять с собой диакона. Солдат долго и настойчиво возражал против приглашения о. диакона, заявляя, что “комендант” приказал позвать одного священника, но я настоял, и мы вместе с этим солдатом поехали в Собор, где я, захватив все необходимое для богослужения, пригласил о. диакона Буймирова, с которым в сопровождении того же солдата поехали в дом Ипатьева. С тех пор, как здесь помещена была семья Романовых, дом этот обнесли двойным дощатым забором. Около первого верхнего деревянного забора извозчик остановился. Впереди прошел сопровождавший нас солдат, а за ним мы с о. диаконом. Наружный караул нас пропустил; задержавшись на короткий срок около запертой изнутри калитки, выходящей в сторону дома, принадлежавшего ранее Соломирскому, мы вошли внутрь второго забора, к самым воротам дома Ипатьева. Здесь было много вооруженных ружьями молодых людей, одетых в общегражданское платье, на поясах у них висели ручные бомбы. Эти вооруженные несли, видимо, караул. Провели нас через ворота во двор и отсюда через боковую дверь внутрь нижнего этажа дома Ипатьева. Поднявшись по лестнице, мы вошли наверх к внутренней парадной двери, а затем через прихожую в кабинет (налево), где помещался комендант. Везде, как на лестницах, так и на площадках, а равно и в передней были часовые — такие же вооруженные ружьями и ручными бомбами молодые люди в гражданском платье. В самом помещении коменданта мы нашли каких-то двоих людей, средних лет, помнится, одетых в гимнастерки. Один из них

лежал на постели и, видимо, спал, другой молча курил папирсы. Посреди комнаты стоял и стол, на нем — самовар, хлеб, масло. На стоявшем в комнате этой рояле лежали ружья, ручные бомбы и еще что-то. Было грязно, неряшливо, беспорядочно. В момент нашего прибытия коменданта в этой комнате не было. Вскоре явился какой-то молодой человек, одетый в гимнастерку, брюки защитного цвета, подпоясанный широким кожаным поясом, на котором в кобуре висел большого размера револьвер; вид этот человек имел среднего “сознательного рабочего”. Ничего яркого, ничего выдающегося, вызывающего или резкого ни в наружности этого человека, ни в последующем его поведении я не заметил. Я скорее догадался, чем понял, что этот господин и есть “комендант” дома особого назначения, как именовался у большевиков дом Ипатьева за время содержания в нем семьи Романовых. Комендант, не здороваясь и ничего не говоря, рассматривал меня (я его видел впервые и даже фамилии его не знал, а теперь запомнил) [в то время комендантом был слесарь Александр Дмитриевич Авдеев. — К.К.]. На мой вопрос, какую службу мы должны совершить, комендант ответил: “Они просят обедницу”. Никаких разговоров ни я, ни диакон с комендантом не вели, я лишь спросил, можно ли после богослужения передать Романову просфору, которую я показал ему. Комендант осмотрел бегло просфору и после короткого раздумья возвратил ее диакону, сказав: “Передать можете, но только я должен вас предупредить, чтобы никаких лишних разговоров не было”. Я не удержался и ответил, что я вообще разговоров вести не предполагаю. Ответ мой, видимо, несколько задел коменданта, и он довольно резко сказал: “Да, никаких, кроме богослужебных рамок”. Мы облачились с о. диаконом в комендантской, причем кадило с горящими углями в комендантскую

принес один из слуг Романовых (не Чемодуров — я его ни разу не видел в доме Ипатьева, а познакомился с ним позднее, после оставления Екатеринбурга большевиками). Слуга этот [лакей Алоизий Трупп. — *К.К.*] высокого роста, помнится, в сером с металлическими пуговицами costume.

Пользуюсь моментом, чтобы сделать общее замечание по поводу моих показаний. Исключительные условия, при которых мне приходилось воспринимать все в эти посещения дома Ипатьева, а с другой стороны, совершенно исключительные внутренние переживания за время нахождения там — естественно препятствовали мне быть только спокойным наблюдателем, со всею правильностью оценивающим и точно запоминающим все наблюдаемые явления и лица. Тем не менее, я употребляю все усилия к тому, чтобы показание мое было точно и оценка наблюдаемого объективна.

Итак, облаченные в священные ризы, взяв с собой все потребное для богослужения, мы вышли из комендантской в прихожую. Комендант сам открыл дверь, ведущую в зал, пропуская меня вперед, со мной шел диакон, а последним вошел комендант. Зал, в который мы вошли, через арку соединялся с меньшим по размерам помещением — гостиной, где ближе к переднему углу я заметил приготовленный для богослужения стол. Но от наблюдения обстановки залы и гостиной я был тогда отвлечен, так как, едва переступил порог залы, как заметил, что от окон отошли трое, — это были Николай Александрович, Татьяна Николаевна и другая старшая дочь, но которая именно, я не успел заметить.

В следующей комнате, отделенной от залы, как я уже объяснил, аркой, находилась Александра Федоровна, две младшие дочери и Алексей Николаевич. Последний лежал в походной (складной) постели и поразил меня своим видом: он был бледен до такой степени, что казался прозрачным,

худ и удивил меня своим большим ростом. В общем вид он имел до крайности болезненный, и только глаза у него были живые и ясные, с заметным интересом смотревшие на меня, нового человека. Одет он был в белую нижнюю рубашку и покрыт до пояса одеялом. Кровать его стояла у правой от входа стены, тотчас за аркой. Около кровати стояло кресло, на котором сидела Александра Федоровна, одетая в свободное платье, помнится, темно-сиреневатого цвета. Никаких драгоценных украшений на Александре Федоровне, а равно и на дочерях я не заметил. Обращал внимание высокий рост Александры Федоровны, манера держаться, манера, которую иначе нельзя назвать, как “величественной”. Она сидела в кресле, но вставала (бодро и твердо) каждый раз, когда мы входили, уходили, а равно и когда по ходу богослужения я преподавал “мир всем”, читал Евангелие, или мы пели наиболее важные молитвословия. Рядом с креслом Александры Федоровны, дальше по правой стене, стали обе младшие дочери, а затем сам Николай Александрович; старшие дочери стояли в арке, а отступя от них, уже за аркою, в зале, стояли: высокий пожилой господин и какая-то дама (мне потом объяснили, что это был доктор Боткин и состоящая при Александре Федоровне девушка [Анна Демидова. — К.К.]). Еще позади стояло двое служителей: тот, который принес нам кадило, и другой, внешнего вида которого я не рассмотрел и не запомнил.

Комендант стоял все время в углу залы около крайнего дальнего окна на весьма, таким образом, порядочном расстоянии от молящихся. Более решительно никого ни в зале, ни в комнате за аркой не было.

Николай Александрович был одет в гимнастерку защитного цвета, таких же брюках, при высоких сапогах. На груди был у него офицерский Георгиевский крест. Погон не было. Все четыре дочери были, помнится, в темных

юбках и простеньких беленьких кофточках. Волосы у всех у них были острижены сзади довольно коротко. Вид они имели бодрый, я бы даже сказал, почти веселый.

Николай Александрович произвел на меня впечатление своей твердой походкой, своим спокойствием и особенно своей манерой пристально и твердо смотреть в глаза. Никакой утомленности или следов душевного угнетения в нем я не приметил. Показалось мне, что у него в бороде едва заметны седые волосы. Борода, когда я был в первый раз [20 мая/2 июня], была длиннее и шире, чем 1/14 июля: тогда [1/14 июля] мне показалось, что Николай Александрович подстриг кругом бороду.

Что касается Александры Феодоровны, то у нее — из всех — вид был какой-то утомленный, скорее даже болезненный [имеется в виду: 20 мая/2 июня. — К.К.]. <...>

Богослужение — обедницу — мы совершали перед поставленным среди комнаты за аркой столом. Стол этот был покрыт шелковой скатертью с разводами в древнерусском стиле. На этом столе в стройном порядке и обычной для церкви симметрии стояло множество икон. Тут были небольшого, среднего и совсем малого размера складни, иконки в ризах — все это редкой красоты по своему выдержанному древнему стилю и по всей выделке. Были простые, без риз, иконы, из них я заметил икону Знамения Пресвятой Богородицы (Новгородскую), икону “Достойно есть”. Других не помню. Заметил я еще икону Богоматери, которая при служении 20 мая занимала центральное место. Икона эта, видимо, очень древняя. Боюсь утверждать, но мне думается, что изображение это то, которое именуется “Феодоровской”. Икона была в золотой ризе, без камней. <...>

Став на свое место перед столом с иконами, мы начали богослужение, причем диакон говорил прошения ектений,

а я пел. Мне подпевали два женских голоса (думается, Татьяна Николаевна и еще кто-то из них), порой подпевал низким басом и Николай Александрович (так он пел, например, “Отче наш” и др.). Богослужение прошло бодро и хорошо, молились они очень усердно. По окончании богослужения я сделал обычный “отпуст” со святым крестом и на минуту остановился в недоумении: подходить ли мне с крестом к молившимся, чтобы они приложились, или этого не полагается, и тогда бы своим неверным шагом я, может быть, создал в дальнейшем затруднения в разрешении семье Романовых удовлетворять богослужением свои духовные нужды. Я покосился на коменданта, что он делает и как относится к моему намерению подойти с крестом. Показалось мне, что и Николай Александрович бросил быстрый взгляд в сторону коменданта. Последний стоял на своем месте, в дальнем углу, и спокойно смотрел на нас. Тогда я сделал шаг вперед, и одновременно твердыми и прямыми шагами, не спуская с меня пристального взгляда, первым подошел к кресту и поцеловал его Николай Александрович, за ним подошла Александра Феодоровна и все четыре дочери, а к Алексею Николаевичу, лежавшему в кровати, я подошел сам. Он на меня смотрел такими живыми глазами, что я подумал: “Сейчас он непременно что-нибудь да скажет”, но Алексей Николаевич молча поцеловал крест. Ему и Александре Феодоровне отец диакон дал по просфоре, затем подошли ко кресту доктор Боткин и названные служащие — девушка и двое слуг. В комендантской мы разоблачились, сложили свои вещи и пошли домой, причем до калитки в заборе нас мимо постовых провожал какой-то солдат»³⁶⁰.

После данной службы (20 мая/2 июня) Императорская чета в дневниках отметила, что была надежда на приход священника в праздник Вознесения Господня в четверг 13 июня. Государь записал: «Утром долго, но напрасно

ожидали прихода священника»³⁶¹. Государыня более эмоционально: «Нам сказали, что священник не может прийти вовсе — в такой большой праздник!!»³⁶². Комендант Ипатьевского дома Александр Авдеев не пригласил пастыря, сообщив, что все священнослужители заняты по своим церквам. Полагаем, это была отговорка. По свидетельству охранников на передаваемые Авдееву просьбы Царской семьи он, как правило, отвечал: «А, ну их к черту!» В тот же день, праздник Вознесения Господня, на вопрос Государя, где находятся князь Василий Долгоруков и граф Илья Татищев, Авдеев ответил, что три дня назад они выехали в Тобольск. На самом деле Долгоруков и Татищев без суда и следствия уже были расстреляны в екатеринбургской тюрьме³⁶³.

Через несколько дней, в воскресенье 16 июня, в книге записей дежурств Отряда особого назначения была зафиксирована новая просьба узников: «Утром Боткин просил попа, но ввиду того, что тот поп, которого приводил он, занят, просьба была отклонена»³⁶⁴.

Следующее богослужение состоялось в День Святой Троицы — Пятидесятницу, иначе День сошествия Святого Духа — 23 июня. Это была единственная литургия (и великая вечерня) в Ипатьевском доме. Служили ее священник Анатолий Меледин и диакон Василий Буймиров. Императрица записала в дневнике: «1 ½ [часов]. Получила огромное блаженство от настоящей обедни и вечерни, первая служба за 3 месяца — просто на столе со всеми нашими образами и множеством березовых веток»³⁶⁵. Общее время богослужения, согласно записи в книге дежурств Отряда особого назначения, не превысило 1 час 15 минут³⁶⁶. Отметим, что по богослужебному уставу в этот день после литургии полагается совершать 9-й час и великую вечерню с чтением коленопреклоненных молитв. Литургия без

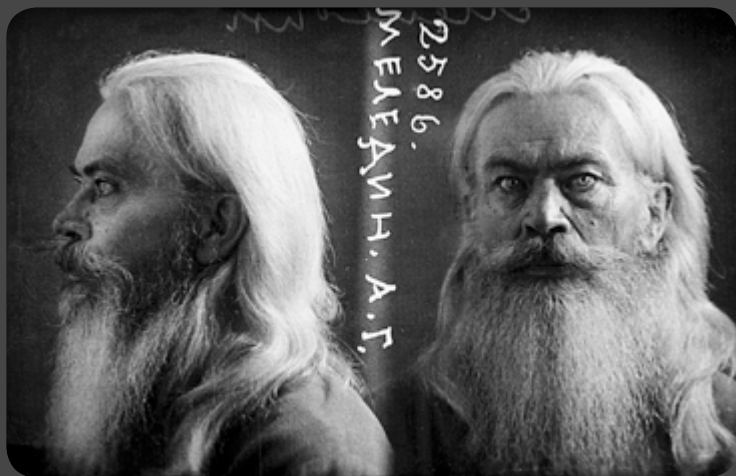
ЕКАТЕРИНБУРГЪ - Видъ на городъ отъ Вознесенской церкви.

Вид Екатеринбурга
с Вознесенской церкви.
Крайний слева — дом Ипатьева.
Почтовая карточка. До 1917

Дом Ипатьева с часовней
на месте алтаря деревянной
Вознесенской церкви, частично
находившейся (по 1808 год)
на месте будущего дома.
Фото 1916

Отец Анатолий Меледин,
служивший в Ипатьевском
доме. Фото из следствен-
ного дела. 1932

Иоанн Сторожев,
последний священник
служивший Царской
семье. 1920-е гг.

причастников совершается за 1 час 15 минут, 9-й час — за 15 минут, великая вечерня — за 45 минут, то есть всего эти службы, проведенные по уставу и с хором, заняли бы не менее 2 часов. Если все молитвы вычитать без хора и максимально скоро, как раз получится 1 час 15 минут. Но, согласно показаниям протоиерея Иоанна Сторожева, кроме последней службы, Венценосцы всегда подпевали диакону. Значит, весьма вероятно, в данном случае служба была сокращена; не ясно, по чьей инициативе.

Исповеди и Причастия не было. Антиминс для совершения литургии был, по всей видимости, принесен священнослужителями из Екатерининского собора; нет сведений о том, испрашивалось ли благословение местного епископа Григория (Яцковского).

Вскоре, с 4 июля, комендантом Ипатьевского дома стал чекист Яков Михайлович Юровский (Янкель Хаимович Юровских). Был смнен весь внутренний караул, и режим содержания заключенных еще более ужесточился. Семья была окружена чекистами. Началась подготовка к убийству.

Обитатели дома это чувствовали. В дневнике Государя с 8 июня по 16 июля многочисленные пропуски — нет записей за 21 день, чего раньше никогда не случалось. В том числе нет записей за последние три дня земной жизни. Последняя отметка Государя в дневнике от 13 июля: «Вестей извне никаких не имеем»³⁶⁷.

В дневнике Государыни за 9 июля имеется неясная запись: «мышьяк»³⁶⁸. Возможно, это отголосок помысла об отравлении³⁶⁹. В тот же день, 9 июля, доктор Евгений Боткин начал писать прощальное письмо, адресованное, вероятно, своему брату. В письме лейб-медик, в частности, говорил: «Дорогой мой, добрый друг Саша, делаю последнюю попытку писания настоящего письма, — по крайней мере, отсюда, — хотя эта оговорка, по-моему, совершенно

излишняя: не думаю, чтобы мне суждено было когда-нибудь откуда-нибудь еще писать, — мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен. <...> Надеждой себя не балую, иллюзиями не убаюкиваюсь и неприкрашенной действительности смотрю прямо в глаза. Пока, однако, я здоров и толст по-прежнему, так, что мне даже противно иной раз увидеть себя в зеркале»³⁷⁰.

За три дня до убийства — 14 июля состоялось последнее богослужение в земной жизни Царской семьи. В тот день Императрица записала в дневнике: «Имела радость от слушания обедницы»³⁷¹. Обратим на эту службу особое внимание. Для совершения ее были вызваны протоиерей Иоанн Сторожев и диакон Василий Буймиров.

Отец Сторожев оставил о том дне следующие показания следствию: «1/14 июля <...> явился опять тот же солдат [Якимов. — К.К.], который и первый раз приезжал звать меня служить в доме Ипатьева. На мой вопрос: “Что угодно?”, солдат ответил, что комендант меня “требует” в дом Ипатьева, чтобы служить обедницу. <...>

В сопровождении отца диакона Буймирова, в 10 час. утра был уже около дома Ипатьева. Наружный часовой, видимо, был предупрежден, так как при нашем приближении сказал через окошко внутрь ограды: “Священник пришел”. Я обратил внимание на совершенно необычное для уст красных наименование “священник” и, всмотревшись в говорившего, заметил, что как он, так и вообще постовые на этот раз как-то выглядят интеллигентнее того состава, который я видел 20 мая [2 июня нового стиля]. Мне даже показалось, что среди них были ученики Горного училища, но кто именно — не знаю. По-прежнему внутри

за забором, на площадках лестницы и в доме было много вооруженных молодых людей, несших караул.

Едва мы переступили через калитку, как я заметил, что из окна комендантской на нас выглянул Юровский. (Юровского я не знал, видел его лишь как-то раньше ораторствовавшим на площади.) Я успел заметить две особенности, которых не было 20 мая, — это: 1) очень много проволочных проводов, идущих через окно комендантской комнаты в дом Ипатьева, и 2) автомобиль — легковой — стоящий наготове у самого подъезда дома Ипатьева. Шофера на автомобиле не было. На этот раз нас провели в дом прямо через парадную дверь, а не через двор.

Когда мы вошли в комендантскую комнату, то нашли здесь такой же беспорядок, пыль и запустение, как и раньше. Юровский сидел за столом, пил чай и ел хлеб с маслом. Какой-то другой человек спал, одетый, на кровати. Войдя в комнату, я сказал Юровскому: “Сюда приглашали духовенство, мы явились. Что мы должны делать?” Юровский, не здороваясь и в упор рассматривая меня, сказал: “Обождите здесь, а потом будете служить обедницу”. Я переспросил: “Обедню или обедницу?” — “Он написал: обедницу”, — сказал Юровский. <...>

[Вскоре] диакон, обращаясь ко мне, начал почему-то настаивать, что надо служить обедню, а не обедницу. Я заметил, что Юровского это раздражает и он начинает “метать” на диакона свои взоры. Я поспешил прекратить это, сказав диакону, что и везде надо исполнять ту требу, о которой просят, а здесь, в этом доме, надо делать то, о чем говорят. Юровский, видимо, удовлетворился.

Заметив, что я зябко потираю руки (я пришел без верхней рясы, а день был холодный), Юровский спросил с оттенком насмешки, что такое со мной. Я ответил, что недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась

болезнь. Юровский начал высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита и сообщил, что у него самого был процесс в легком. Обменялись мы и еще какими-то фразами, причем Юровский держал себя безо всякого вызова и вообще был корректен с нами. Одет он был в темную рубаху и пиджак. Оружия на нем я не заметил. Когда мы облачились, и было принесено кадило с горящими углями (принес какой-то солдат), Юровский пригласил нас в зал для служения. Вперед в зал прошел я, затем диакон и Юровский. Одновременно из двери, ведущей во внутренние комнаты, вышел Николай Александрович с двумя дочерьми, но которыми именно, я не успел рассмотреть. Мне показалось, что Юровский спросил Николая Александровича: “Что, у вас все собрались?” (Поручиться, что именно так он выразился, я не могу.) Николай Александрович ответил твердо: “Да — все”.

Впереди, за аркой, уже находилась Александра Федоровна с двумя дочерьми и Алексеем Николаевичем, который сидел в кресле-каталке, одетый в куртку, как мне показалось, с матросским воротником. Он был бледен, но уже не так, как при первом моем служении, вообще выглядел бодрее. Более бодрый вид имела и Александра Федоровна, одетая в то же платье, как и 20 мая. Что касается Николая Александровича, то на нем был такой же костюм, как и в первый раз. Только я не могу ясно себе представить, был ли на этот раз на груди его Георгиевский крест. Татьяна Николаевна, Ольга Николаевна, Анастасия Николаевна и Мария Николаевна были одеты в черные юбки и белые кофточки. Волосы у них на голове (помнится, у всех одинаково) подросли, и теперь доходили сзади до уровня плеч.

Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу,

в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных. Члены семьи Романовых и на этот раз разместились во время богослужения так же, как и 20 мая. Только теперь кресло Александры Феодоровны стояло рядом с креслом Алексея Николаевича — дальше от арки, несколько позади его. Позади Алексея Николаевича встали Татьяна Николаевна (она потом подкатила его кресло, когда после службы они прикладывались ко кресту), Ольга Николаевна и, кажется (я не запомнил, которая именно), Мария Николаевна. Анастасия Николаевна стояла около Николая Александровича, занявшего обычное место у правой от арки стены. За аркой, в зале, стояли доктор Боткин, девушка и трое слуг: один высокого роста, другой — низенький, полный (мне показалось, что он крестился, складывая руку, как принято в католической церкви), [возможно, это повар Иван Харитонов, но католиком он не был. — *К.К.*] и третий — молодой мальчик [Леонид Седнев. — *К.К.*]. В зале, у того же дальнего угольного окна, стоял Юровский. Больше за богослужением в этих комнатах никого не было.

Стол с иконами, обычно расположенными, стоял на своем месте: в комнате за аркой. Впереди стола, ближе к переднему углу, поставлен был большой цветок, и мне казалось, что среди ветвей его помещена икона, именуемая «Нерукотворный Спас», обычного письма, без ризы. Я не могу утверждать, но я почти убежден, что это была одна из тех двух одинакового размера икон «Нерукотворного Спаса», которые Вы мне предъявляете [следователь показывал отцу Иоанну иконы, обнаруженные в Ипатьевском доме и рядом с ним после гибели Царской семьи. — *К.К.*].

По-прежнему на столе находились те же образки-складни, иконы «Знамения Пресвятой Богородицы», «Достойно есть», и справа, больших в сравнении с другими размеров,

писанная масляными красками, без ризы, икона святителя Иоанна Тобольского. <...>

Став на свое место, мы с диаконом начали последование обедницы. По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитвословие “Со святыми упокой”. Почему-то на этот день диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но, едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади нас члены семьи Романовых опустили на колени, и здесь вдруг ясно ощутил я то высокое духовное утешение, которое дает разделенная молитва.

Еще в большей степени дано было пережить это, когда в конце богослужения я прочел молитву к Богоматери, где в высокопоэтических, трогательных словах выражается мольба страждущего человека поддержать его среди скорбей, дать ему силы достойно нести ниспосланный от Бога крест.

После богослужения все приложились к св. кресту, причем Николаю Александровичу и Александре Феодоровне отец диакон вручил по просфоре. (Согласие Юровского было заблаговременно дано.) Когда я выходил и шел очень близко от бывших Великих Княжон, мне послышались едва уловимые слова: “Благодарю”. Не думаю, чтобы это мне только показалось. Войдя в комендантскую, я, незаметно для себя, глубоко вздохнул. И вдруг слышу насмешливый вопрос: “Чего Вы это так тяжело вздыхаете?” — говорил Юровский. Я не мог и не хотел открывать ему мною переживаемого и спокойно ответил: “Досадную, что так мало послужил, а весь взмок от слабости, выйду теперь и опять простужусь”. Внимательно посмотрев на меня, Юровский сказал: “Тогда надо окно закрыть, чтобы не продуло”. Я поблагодарил, сказав, что все равно

сейчас пойду на улицу. “Можете переждать”, — заметил Юровский, и затем, совершенно другим тоном, промолвил: “Ну вот, помолились, и от сердца отлегло” (или “на сердце легче стало” — точно не упомню). Сказаны были эти слова с такой, мне показалось, серьезностью, что я как-то растерялся от неожиданности и ответил: “Знаете, кто верит в Бога, тот действительно получает в молитве укрепление сил”. Юровский, продолжая быть серьезным, сказал мне: “Я никогда не отрицал влияния религии и говорю это совершенно откровенно”. Тогда и я, поддавшись той искренности, которая послышалась мне в его словах, сказал: “Я вам тоже откровенно отвечу — я очень рад, что вы здесь разрешаете молиться”. Юровский на это довольно резко спросил: “А где же мы это запрещаем?” — “Совершенно верно, — уклонился я от дальнейшей откровенности, — вы не запрещаете молиться, но ведь здесь, в Доме особого назначения, могут быть и особые требования”. — “Нет, почему же...” — “Ну вот, это я и приветствую”, — закончил я, на прощание Юровский подал мне руку, и мы расстались.

Молча дошли мы с отцом диаконом до здания Художественной школы, и здесь вдруг отец диакон сказал мне: “Знаете, отец протоиерей, — у них там чего-то случилось”. Так как в этих словах отца диакона было некоторое подтверждение вынесенного и мною впечатления, то я даже остановился и спросил, почему он так думает. “Да так. Они все какие-то другие точно, да и не поет никто”. А надо сказать, что действительно за богослужением 1/14 июля впервые (отец диакон присутствовал при всех пяти служениях, совершенных в доме Ипатьева) никто из семьи Романовых не пел вместе с нами. Через два дня, 4/17 июля, екатеринбургцам было объявлено о том, что “бывший Государь Император Николай Александрович расстрелян» [это не-

точность; о расстреле Государя было объявлено только 21 июля. — *К.К.*³⁷².

Обратим внимание на несколько моментов в показаниях отца Сторожева. Когда охранник Якимов по приказу Юровского вызывал священника, то сказал: «Комендант <...> “требует” в дом Ипатьева, чтобы служить *обедницу*». Когда Сторожев пришел в Ипатьевский дом, Юровский вновь сказал ему: «Будете служить обедницу». Тем не менее, как говорит священник: «Я [Сторожев] переспросил: “Обедню или обедницу?”» «Обедницу», — сказал Юровский в третий раз. Но и после этого уже диакон «начал *почему-то настаивать*, что надо служить обедню, а не обедницу» (что вызвало неудовольствие Юровского). Чем вызвано такое желание священнослужителей служить литургию, а не обедницу?

Мы полагаем, общим ощущением надвигающейся катастрофы. Слухи о скорой расправе с заключенными витали среди охраны, о чем ее представители позднее говорили следствию. Очевидно, чувствовали конец и узники (это видно из вышеприведенного прощального письма Боткина).

Надвигающуюся развязку трагедии ощутило и духовенство. И, если можно так выразиться, инстинктивно или на уровне подсознания *хотело служить литургию* — совершить бескровное жертвоприношение. («У них там чего-то случилось», — сказал диакон после службы и подтвердил аналогичные впечатления отца Сторожева.)

Спонтанно вырвавшимся наружу чувством трагедии, тихим криком стало внезапное пение диаконом молитвы: «Со святыми упокой, Христе души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни въздыхание, но жизнь бесконечная», и тогда «члены семьи Романовых опустили на колени».

Напомним, что при молитвословии «Со святыми упокой» вставание на колени не является положенным по чину действием. При этом в воскресный день, а 14 июля 1918 года было воскресенье, по чинопоследованию обедницы вообще не полагается ни петь, ни читать молитвы «Со святыми упокой».

Историк Евгений Евлампиевич Алферьев (в 1920-е годы духовный сын протоиерея Сторожева) считает, что это пение — «знаменательное событие, глубокий и таинственный смысл которого стал понятным только тогда, когда оно отошло в прошлое»³⁷³.

Современный исследователь Юрий Григорьев рассуждает: «В том, что дьякон отступил от правил и в воскресный день включил в богослужение молитву “Со святыми упокой”, да при этом еще и пропел ее, — в этом Романовы, несомненно, увидели знак. Увидели в отступлении от канона предупреждение о том, что их земной путь близок к завершению. Всегда покорные воле Всевышнего, они приняли это уведомление о предначертанном им испытании с истинно христианским смирением. Их предположение о том, что их убьют, получило самое надежное подтверждение. Бог уведомил их о своей воле, избрав для этого совершенно бесспорный для верующего и абсолютно непонятный для тюремщиков способ. Присутствующий на богослужении Юровский ничего не понял, да и не мог понять. А они все поняли»³⁷⁴.

Похоже, что это так. Царская семья неоднократно слышала чин обедницы в Тобольске и в будние, и в воскресные дни. В воскресные дни названная молитва опускалась, в будни читалась, но не пелась никогда. Молитва «Со святыми упокой» поется на отпевании. Можно сказать, узники были отпеты заживо, и это в той или иной степени чувствовали на этой службе все.

Далее отметим несколько общих аспектов религиозной жизни Царской семьи в Екатеринбурге.

Из показаний охранников видно, что Семья соблюдала утреннее и вечернее правило, иногда читая его совместно. О рисовании открыток на церковно-славянском языке, в чем упражнялась Императрица в Тобольске, данных нет. Возможно, потому, что их некому было посылать: переписка Семьи была значительно ограничена, а нелегальная переписка вообще отсутствовала. И, возможно, из-за болезни глаз: Императрица в дневниках жаловалась на зрение³⁷⁵.

Как и в Тобольске, Государыня старалась преподавать детям Закон Божий, с Великими княжнами Татьяной и Марией изучала книги Ветхого Завета, отмечая номера прочитанных глав и стихов в дневнике. В Екатеринбурге они закончили чтение книги пророка Даниила (начатое в Тобольске), проработали книги пророков Осии, Иоиля, Амоса и Авдии, продолжили чтения Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова.

Далее сделаем некоторое отступление от основного рассказа и посмотрим, какие книги Ветхого Завета успела изучить Императрица с княжнами в заключении. Всего, с апреля 1917 по июль 1918 года они рассмотрели Притчи Соломона, Книги Экклезиаста, премудрости Иисуса, сына Сирахова, пророков Исайи, Иеремии, Варуха, Иезекииля, Даниила, Осии, Иоиля, Амоса и Авдии. Это небольшая часть Библии. Казалось бы, за такое время можно было бы прочесть больший объем, но надо иметь в виду, что Императрица занималась с каждым из детей (кроме старшей Великой княжны Ольги) отдельно, и по разным предметам (в том числе иностранными языками, истори-

ей). Перерывы в занятиях были обусловлены переездами и болезнями детей.

Почему именно эти книги Императрица выбрала для чтения? Ведь обычно начинают изучать Библию с первой книги Бытия, повествующей о сотворении мира. По характеру содержания ветхозаветных книг их принято делить на законоположительные (Пятикнижие Моисеево), исторические, учительные и пророческие. Нам кажется важным, что для чтения Государыня, прежде всего, выбрала именно группу пророческих книг, то есть книг, обращенных в будущее, эсхатологических. Туда, в горний мир она направляла свой взор и взор детей..

Любила она и учительные (назидательные) книги мудрости (Притчи Соломона, Книги Экклезиаста и премудрости Иисуса, сына Сирахова).

Также в Екатеринбурге Царская семья практически каждый день читала различную духовную литературу или книги религиозной тематики, что отмечалось в их дневниках. Например, на Пасхальной седмице Венценосцы читали православного публициста Сергея Александровича Нилуса «Великое в малом и антихрист как близкая политическая возможность»³⁷⁶, а в период перед кончиной по последний земной день: «Полный годичный круг кратких поучений, составленный на каждый день года священником Григорием Дьяченко»³⁷⁷.

Достаточно полно можно составить представление о духовном делании Императорской семьи по книгам, обнаруженным следствием после ее гибели³⁷⁸. Из книг Государя был найден его личный молитвослов с надписью «6 мая 1883 г.». Царь не расставался с ним 35 лет — всю зрелую жизнь. Из книг Государыни Императрицы обнаружены Библия, молитвослов, Лествица — классическая книга VI века, показывающая ступени духовного развития, а также издания:

- «О терпении скорбей, учение святых отцов» — сборник святоотеческих творений, собранных епископом Игнатием (Брянчаниновым);
- «Великое в малом» Сергея Нилуса, в последнее ее издание перед революцией входили известные «Протоколы сионских мудрецов» — планы сионизма о разрушении России и мировом господстве.

Из книг Великой княжны Ольги Николаевны сохранился сборник церковных песнопений «*And Mary Sings Magnificat*», вероятно, составленный викарием Англиканской церкви Ричардом Р. Чопом — подарок матери.

Из книг, принадлежавших Великой княжне Татьяне Николаевне:

- «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» графа П. А. Валуева (о его содержании см. на с. 90);
- «Беседы о страданиях Господа нашего Иисуса Христа, говоренные Филаретом [Гумилевским; 1805–1866], архиепископом Харьковским и Ахтырским»;
- «Канон Великий Андрея Критского»;
- «Сборник служб, молитв, песнопений».

Следующие издания были подарены Великой княжне Татьяне матерью и имели соответствующие подписи:

- в 1905 году: «Двенадцать Евангелий», читаемых за богослужением в Великий Четверг (в этом году Татьяне Николаевне исполнилось 8 лет);
- в 1912 году: «Правило молитвенное готовящимся ко Святому Причастию»;
- в 1913 году: «Акафист Пресвятой Богородице»;
- в 1915 году: «Моя жизнь во Христе» протоиерея Иоанна Кронштадтского;
- в 1917 году в Царском Селе: «Письма о христианской жизни» Феофана Затворника — переписка, которую

вел святитель с разными корреспондентами по вопросам духовной жизни;

- в 1917 году в Тобольске: «Часослов» — богослужебная книга, содержащая службы полуночницы, повечерия, часов, изобразительных и др.;
- в 1917 году: «Утешение в смерти близких к сердцу» протоиерея Константина Петровича Добронравина (позднее епископа Таврического Гермогена; 1820–1893), книга исследует вопрос, как правильно перенести скорбь потери близких;
- в 1917 году: «О терпении скорбей, учение святых отцов» — такое же издание принадлежало Императрице;
- в 1918 году 12 января: «Благодеяния Богоматери роду христианскому через ее святые иконы», — издание, приобретенное в тобольском складе (о нем мы говорили на с. 182);
- в 1918 году: «Житие преподобного отца нашего Серафима Саровского» и «Житие и чудеса святого праведного Симеона Верхотурского».

Были найдены книги Великой княжны Татьяны Николаевны на английском языке: «Leaves for Quiet Hours» Джоржа Мэтисона (George Matheson) слепого шотландского богослова, философа, преподавателя, проповедника, пастора церкви святого Бернарда в Энинбурге и члена Королевского общества Эдинбурга (Шотландской национальной Академия наук и словесности), а также работы американского пресвитерианского пастора Джеймса Рассела Миллера (James Russell Miller) «The wider Life», «The beauty of self-control», «Life's open door» — ясные, легко читаемые христианские поучения.

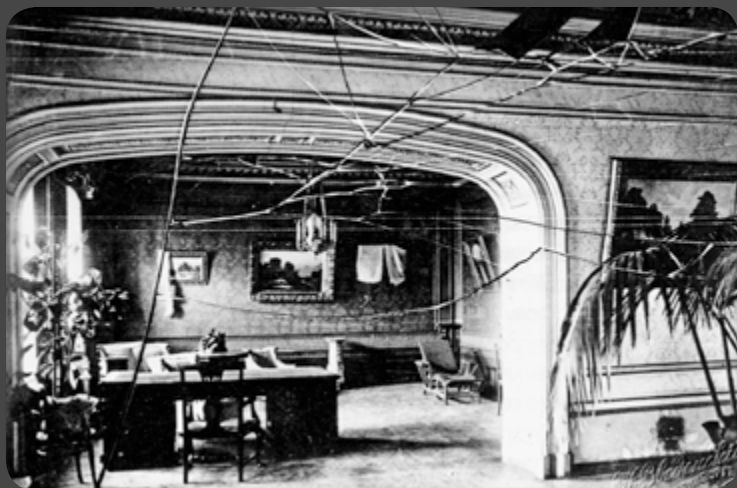
В описи обнаруженных предметов зафиксированы также неизвестно кому принадлежавшие брошюрки:

«О воздержании» и «О познании себя», издательства «Посредник», специализировавшегося на выпуске дешевых массовых изданий.

Можно отметить, что в целом книги, обнаруженные в Екатеринбурге, рассчитаны на более подготовленного читателя, чем издания, приобретенные в иконно-книжном складе Тобольского епархиального братства (см. с. 180). Но все вышеназванные работы также неоднократно переиздавались и до революции, и в наше время. Таким образом, можно констатировать, что Венценовая семья училась духовному деланию на общедоступной православной и общехристианской литературе.

Правда, интересно отметить, что в «Лествице» (принадлежавшей Императрице), популярной, но весьма непростой книге, предназначенной прежде всего для монашеского делания, были обнаружены закладки с обозначением страниц и номеров поучений святого Иоанна Лествичника (P[age]. 184, № 53; P. 187, № 66; P. 206, № 163; P. 231, № 83). Мы нашли соответствие страниц и номеров поучений в стереотипном издании 1908/1909 года. Приведем эти поучения:

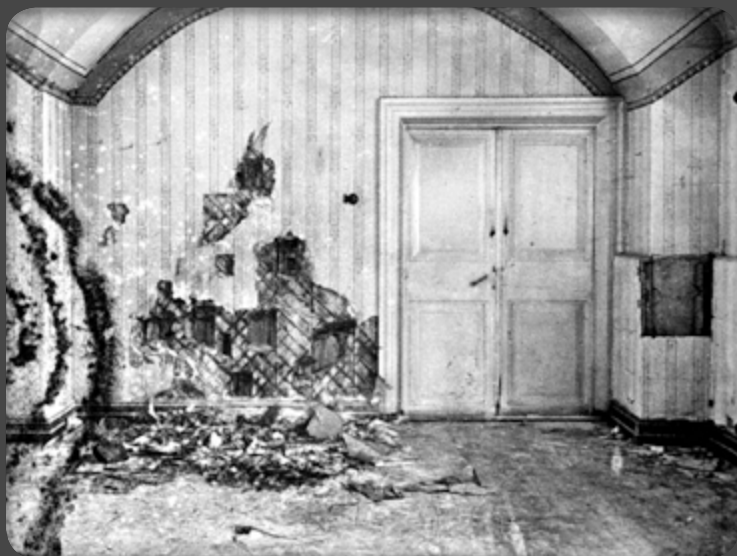
- «№ 53. Когда кого-нибудь из наших воинов о Христе увидим в телесном страдании и недуге; то не будем лукаво объяснять себе причину его болезни, но лучше примем его с простою и немыслящею зла любовию, и постараемся урочевать, как собственный член, и как воина, уязвленного на брани»;
- «№ 66. Знаю еще и пятое бесстрашие, которое бывает в душе **от многой простоты и похвального незлобия**. По справедливости посылается таковым помощь от Бога, спасающего правяя сердцем (Пс. 7; п), и неприметно для них самих избавляющего от страстей, как и младенцы, когда с них снимают одежду, почти не примечают наготы своей»;

Зал и гостиная,
перегороженная
аркой. На этом
столе совершалась
обедница. Фото
сделано вскоре после
убийства Царской
семьи

Лестница в подвал
Ипатьевского дома

Место казни. Фото сделано после изъятия
следствием части обоев и отделки стены
вместе с пулями. Мусор на полу образовался
из-за работы следствия

- «№ 163. Правда, что Бог во всем взирает на намерение наше; но в том, что соразмерно нашим силам, Он человеколюбиво требует от нас и деятельности. Велик тот, кто не оставляет никакого доброго дела, силам его соразмерного; а еще более тот, кто со смирением покушается и на дела, превышающие его силы»;
- «№ 83. Предлагай приходящим, что для них нужно по душе и по телу. Если они превосходят нас премудростию, то покажем наше любомудрие молчанием; если же они, по духовному возрасту, братия равные с нами, то можем умеренно отверзать дверь нашего слова. Однако лучше думать, что все превосходнее нас»³⁷⁹.

Выделение таких тонких духовных аспектов может говорить о серьезных этических запросах персоны, делавшей пометки в «Лествице (по всей видимости, Императрицы), и степень духовного развития Венценосцев, вероятно, значительно глубже, чем может показаться кому-то на первый взгляд.

Это подтверждает и анализ строк, подчеркнутых в сборнике творений «О терпении скорбей, учение святых отцов». Частично приведем эти места:

«Желающий быть подражателем Христу <...> прежде всего, должен переносить благодушно и терпеливо все случающиеся с ним скорби, как то: телесные болезни, обиды и поругание от человеков и наветы от невидимых врагов: потому что по Промыслу Божию, распоряжающемуся всем премудро и со всеблагою целью, такая испытания различными напастьми попускаются душам³⁸⁰, чтобы обнаружилось явственно, которые из них любят Бога искренно... зная, что без Бога ничего не случается с нами. И потому душе, желающей благоугодить Богу, прежде всего, должно вооружиться терпением и надеждою. <...>

Не следует христианам приходить в недоумение при напастях: подвергаться преследованию — неотъемлемая принадлежность истины. <...> Чем многочисленнее и тягостнее были их [мучеников] страдания, тем большие получали они славу от Бога и дерзновение к Богу. <...>

Нам заповедано взять крест наш и последовать Христу, что значит — быть постоянно готовым к смерти. <...>

Господь... повелел искать ПРАВДЫ БОЖИЕЙ: эта правда — мать любви. Невозможно спастись иначе, как через ближнего. ОТПУЩАЙТЕ — заповедал Господь — И ОТПУСТИТСЯ ВАМ. В этом заключается духовный закон... Итак, исполнение закона заключается в прощении обид... Исполняющие закон духовно и, по мере исполнения, делающиеся причастниками благодати, любили не только благодетельствовавших, но и поношающих их и гонящих, ожидая получить любовь в воздаяние добродетели. Добродетель их состояла не только в том, что они простили нанесенные им обиды, но и в благотворение душам обидчиков, молясь за них Богу, как за те орудия, при посредстве которых они получают блаженство, по свидетельству Писания: БЛАЖЕННИ ЕСТЕ, ЕГДА ПОНОСЯТ вас и ИЖДЕНУТ вас. <...>

Изследывай свои грехи, а не грехи ближнего, и не будет ограден твой духовный подвиг... Вематривайся в окончательное последствие всякой скорби и найдешь, что оно заключается в истреблении греха. <...>

Обретаем благоприятный случай к получению прощения в наших согрешениях, прощая ближнему. В этом заключается РАЗУМ ИСТИНЫ. <...>

Понуждай себя ко всему доброму и отсекай свою волю...: благодатию Христовою и собственным подвигом придешь в навык отсечения воли и уже будешь отсекаать ее без принуждения и скорби, так что все случающееся будет случаться как бы по твоей воле и по твоему желанию. <...>

Будем <...> усиленно бороться против всепагубной страсти памятозлобия. <...>

Не питай вражды ни к какому человеку. Иначе Бог не будет принимать молитвы твоей. Имей мир со всеми и будешь иметь дерзновение в молитве. <...>

Каждый раз, как ни вспомнишь об оскорбивших тебя, не поропщи о них: помолись о них искренно, от души, как о благодетелях, исходатайствовавших тебе великия приобретения»^{3^{д1}}.

Все эти наставления Императорская семья в полном составе и единении старалась реализовывать на практике.

В одной из книг Великой княжны Татьяны Николаевны были подчеркнуты слова: «Верующие в Господа Иисуса Христа шли на смерть, как на праздник... становясь перед неизбежною смертью, сохраняли то же самое дивное спокойствие духа, которое не оставляло их ни на минуту... Они шли спокойно навстречу смерти потому, что надеялись вступить в иную, духовную жизнь, открывающуюся для человека за гробом»^{3^{д2}}.

Сложно сказать, насколько может человек идти «спокойно навстречу смерти», но поступить подобным образом было нравственным ориентиром Царской семьи.

Интересными нам кажутся наблюдения современно-го английского исследователя Хелен Рапппорт: «Еще в марте 1918 в письмах из Тобольска, [Царица] Александра замечала, как всю семью охватывает единое, все возрастающее чувство примирения со всем и вся. “Мы живем здесь на земле, но мы уже одной ногой стоим в ином мире”, говорила она [в письме к Анне Вырубовой. — К.К.]. Александра задолго до этого уже возвращивала в себе мистическое отречение в пользу сострадания и растворения себя в этой необъятной русскости, <...> мистике православия. <...>

Мысль об искупительной силе смирения и страдания Романовы-родители постоянно внушали и своим детям. Александра знала, что страдание семьи в этом мире было подготовкой к миру грядущему, и это оставило свой след в душах ее детей. Все это было похоже на то, что в свои последние месяцы она словно бы призывала мученичество, а ее муж уже и так давно смирился с этим. Семья Романовых как единое целое вместе стремились превзойти силы неверия, которые разрушали Россию. Бог вымещал свой гнев на греховной стране и наказывал его детей. Возможно, Романовы чувствовали в эти последние дни, что их жертва была необходимой частью всего этого. Возможно также, что Государь за все эти 16 месяцев смиренного христианского принятия своей судьбы, в некотором роде искупил грехи своей монархии...»³²³.

В последние дни земной жизни Императрица читала 14 июля: книги пророка Осии (гл. 4–14) и Иоила (полностью), 15 июля: книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова (гл. 26–31), 16 июля: книги пророков Амоса и Авдия (полностью)³²⁴. Изучение именно этих произведений и глав из них объясняется довольно просто: они шли по очереди занятий с Великими княжнами Татьяной и Марией. Но думаю, будет не лишним вкратце сказать о содержании книг, оказавшихся для Венценосцев последним чтением из Священного Писания.

Действие книги пророка Осии происходит во времена отступничества израильтян от веры в Бога к язычеству. Тогда в политическом отношении в Израиле царила анархия, престол переходил от одного узурпатора к другому, было время, когда не было «ни истины, ни милосердия, ни Богопознания на земле. Клятва и обман, убийство и воровство и прелюбодейство крайне распространилось, и кровопролитие следует за кровопролитием» (гл. 4; ст. 1–2).

Но тем не менее, лейтмотив книги пророка Осии — верность Бога своему завету с творением и необходимость верности творения своему Творцу. Книга учит вере в справедливость Бога при неисповедимости Его путей, вере в конечное воздаяние, милости Господней к правым и наказании грешных. Осия сочувствует творению, погрязшему в грехах, но верит, что любовь Божия покроем множество из них, а творение и Творец соединятся в любви.

Весть пророка Амоса имеет несколько иной настрой. Эта книга — грозное обличение грехов и неизбежности Суда над ними, она возвещает о сохранении только малого остатка, наследующего Царство милости Господней.

О Страшном суде (как нашествии саранчи) повествует и пророк Иоиль. Пророк Авдий противопоставляет грех и праведность (Эдом и Сион), говорит о всепроникающем и пагубном действии греха, засилье зла, но непременно его уничтожении. Вероятно, Императрица завершила земное чтение Священного Писания заключительной строкой книги Авдия: «И будет Царство Господа».

Последний священник, служивший Царской семье в Ипатьевском доме Иоанн Сторожев оставил в своем Служебнике запись (она публикуется сейчас впервые): «Совершен чин обедницы с присовокуплением молитвы Пр. Богородицы Иконы Ея “Неопалимая Купина”, при диаконе Вас. Аф. Буймирове в г. Екатеринбурге 1918 года 1/14 июля Воскресенье». Делая надпись, отец Иоанн уже понимал духовную и мемориальную ценность этого Служебника, но важно другое: это единственное свидетельство, что при последней службе в Ипатьевском доме была

прочитана молитва Божией Матери к ее образу «Неопалимая Купина». Почему именно к этому образу была обращена последняя молитва? (День памяти иконы «Неопалимая Купина» приходится на сентябрь.) Полагаем, что священник прочел молитву по наитию, прообразуя огненное погребение Императорской семьи на третий день (17 июля).

Семья, как древие купина, горела, но не сгорала, — навеки осталась Царственной. И, как чрез купину Господь обетовал Моисею вывести народ Божий из плена, так и почитание Царской семьи может знаменовать выход российского народа из плена безбожия в век грядущий.

ЦАРЬ И ПРОРОЧЕСТВА О НЕМ

Вот, иду, как <...> написано обо Мне...³⁶⁵

Бытует мнение о существовании пророчеств касательно судьбы Императора Николая II, с которыми Государь был ознакомлен. Были ли они, и насколько повлияли на мировоззрение Государя?

Сначала разберем источники, откуда мы знаем о пророчествах. В качестве прорицателей называют монаха Авеля («сына Васильева»; 1757–1831 или 1841), преподобного Серафима Саровского (1754 или 1759–1833), преподобного Варнаву Гефсиманского (1831–1906), блаженную Пашу (Параскеву) Дивеевскую (1795?–1915).

Историю о пророчестве монаха Авеля, переданному Императору Павлу I для Государя, кто будет править через 100 лет, живописно поведал нам публицист Сергей Александрович Нилус. Он пишет, что пророчество хранилось

в ларце на пьедестале в одной из комнат Гатчинского дворца. Императорская чета, согласно завещанию Павла I в марте 1901 года якобы посетила дворец, вскрыла ларец на пьедестале и, прочитав послание, весьма расстроилась. После этого «при случае Государь стал поминать о 1918 годе, как о роковом годе и для него лично, и для Династии»³²⁶.

Визит Венценосцев в Гатчину в марте 1901 года не подтверждается ни дневниковыми записями Царя, ни камерфурьерскими журналами, содержащими поденные и почасовые сведения о перемещениях Императорской четы. Нет сведений о ларце на пьедестале ни в различных описях имущества Гатчинского дворца за XIX век, ни в подробнейшей описи вещей Императора Павла I в Гатчинском дворце, составленной в 1872 году³²⁷. (О содержании этих описей и тем более дневниковых записей Царя и камерфурьерских журналов Сергей Нилус знать не мог.)

В другой раз этот же публицист, описывая реальное происшествие, случившееся на крещенское водосвятие, домысливает картину в нужном для себя направлении. В январе 1905 года, во время выхода на Иордань в присутствии Государя, различных чинов и сонма духовенства при погружении столичным митрополитом креста в воду, со стороны Петропавловской крепости раздался традиционный залп из орудий. По небрежности (как это показало следствие) в одну из пушек был вложен не холостой заряд, а шрапнель. К счастью, практически никто из присутствующих не пострадал, что можно назвать чудом. Был ранен городской. Сергей Нилус называет фамилию пострадавшего: Романов (подтверждения этого где-либо мы не нашли) и пишет: «Спокойствие, с которым Государь отнесся к происшествию, грозившему ему смертью, было <...> поразительно. <...> Он, как говорится, бровью не повел. <...>

Государя спросили, [кто? — К.К.] как подействовало на него происшествие. Он ответил: До 18-го года я ничего не боюсь»³⁸².

Есть мнение, что Царь встречался со старцем Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры преподобным Варнавой (Меркуловым). В «Православной энциклопедии» отмечено, что «по преданию, около 1905 года Варнаву посетил император Николай II, которого старец благословил на принятие мученичества»³⁸⁹, появилась современная иконография этого сюжета. Но в скрупулезных дневниках Государя, записей, подтверждающих его визит к старцу Варнаве, нет.

Предсказания преподобного Серафима Саровского известны нам из записей его современника Николая Александровича Мотовилова. Эти бумаги хранились в архиве Департамента полиции (ныне в Государственном архиве Российской Федерации) в деле «О пророчествах Серафима Саровского». Действительно, Государь знакомился с этими бумагами, в октябре 1905 года заказав копии некоторых листов³⁹⁰. Однако в записях Мотовилова не указано никаких конкретных дат. В записках, в частности, говорится: «Очень трудно будет Земле русской и... поднимут... всеобщий бунт... и много прольется неповинной крови, реки ее потекут по Земле русской, много и вашей братии дворян и духовенства, и купечества расположенных убьют»³⁹¹, а «вторая половина правления будет светлая, и жизнь Государя — долговременная»³⁹².

Теперь, с высоты нашего времени, эти слова можно относить к царствованию Императора Николая II с тем толкованием, что после мученической кончины у Государя светлая и долговременная жизнь «на небесах». В 1900-е годы, однако, это пророчество вряд ли читалось именно так.

20 июля 1903 года Государь вместе с супругой посетил Свято-Дивеевский женский монастырь и встречался с юривой Прасковьей (Параскевой) Ивановной (Пашей Дивеевской). Об этом в дневнике Царя есть запись: «Любопытное было свидание с нею. Затем мы оба поели, а Мама с другими посетили ее»³⁹³. И все на эту тему³⁹⁴.

Протоиерей Русской Православной церкви Заграницей Стефан Ляшевский (1899–1986), автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря, 1903–1927», составленной в 1978 году в США, поведал о беседе блаженной Паши с Царем: «Когда его [Царский] экипаж подъехал к келье блаженной Паши, оттуда вынесли все стулья, на полу был расстелен ковер. Их Величества, князя и митрополиты едва смогли войти в келью [в дневнике Царя зафиксировано, что супруги пришли в келью одни, и не сразу после приезда в Дивеево. — *К.К.*]. Параскева Ивановна сидела на кровати³⁹⁵. Посмотрев на Государя, она сказала: “Пусть только Царь с Царицей останутся”. Государь извиняюще посмотрел на остальных, попросил оставить его и Государыню одних, видимо, предстоял серьезный разговор.

Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода Их Величеств. Матушка игуменья выходила из кельи последняя, но послушница осталась. [Зачем, когда Царь сказал всем выйти? А если бы послушница ушла, как автор сказания передал бы нам нижеследующие диалоги? — *К.К.*] Вдруг игуменья слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к Царям, сказала: “Садитесь”. Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, — смутился, а Блаженная свое: “Садитесь на пол”. Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно! [нам видится странной связь между полом и железнодорожной станцией “Дно”. — *К.К.*] В великом смирении Государь и Государыня опустили на ковер, иначе бы не устояли от ужаса, который им преподнес-

ла Параскева Ивановна. Она им сказала все, что потом исполнилось: гибель России, Династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась долго, Их Величества ужасались, Государыня была близка к обмороку. Наконец она сказала: “Я вам не верю, этого не может быть!” Происходила встреча за год до рождения Наследника, которого так хотела Царская Чета. Параскева Ивановна достала с кровати кусок красной материи и говорит Государыне: “Это твоему сынишке на штанишки. Когда он родится — поверишь тому, о чем я говорила”. С того момента Государь начал считать себя обреченным на крестные муки, и позже говорил не раз: “Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию”»³⁹⁶.

Существует и другое описание беседы Царской четы с блаженной. Сохранились воспоминания монахини Серафимы (Софьи Александровны Булгаковой; 1903–1991), постриженной в иночество в 1924 году, незадолго до закрытия Серафимо-Дивеевского монастыря, и увидевшей восстановление монастыря в 1989–1991 годах. Разумеется, уважаемая матушка не могла лично быть при визите Императорской четы в обитель и передавала предание (как и выше протоиерей Стефан Ляшевский).

Серафима (Булгакова) сообщает, что во время визита Венценосцев в келью блаженной «стелили ковер, убирали стол [то есть стол все же был. — К.К.], сразу принесли горячий самовар. Все вышли, оставив их одних [то есть келейницы или еще кого-либо не было при беседе. — К.К.], но они **не могли понять, что говорит Блаженная**, и вскоре Государь вышел и сказал: “Старшая при ней, войдите”. <...> Стали прощаться. <...> Прасковья Ивановна открыла комод. Вынула новую скатерть, расстелила на столе, стала класть гостинцы: холст льняной своей работы (она сама пряла нитки), нецелую головку сахара,

крашенных яиц, еще сахара кусками. Все это она завязала в узел <...> и дала Государю в руки. <...> Прощались, целовались рука в руку»³⁹⁷.

То есть никакой беседы не было³⁹⁸.

Но монахиня Серафима (Булгакова) как-то должна была сообщить дивеевское предание о пророчествах касательно судьбы Государя, поэтому в рассказ вводится новая история. Монахиня Серафима повествует, что Императорская чета посетила вдову Мотовилова — Елену Ивановну Мотовилову и передала Супругам письмо от самого преподающего Серафима Саровского, хранившееся у нее много лет. И «когда Государь прочитал письмо, <...> он горько заплакал. Придворные утешали его, <...> но Государь плакал безутешно»³⁹⁹. О содержании письма ничего не сообщается, но монахиня Серафима писала свои воспоминания, вероятно в 1920-е годы, и читателю становилось понятно, о чем мог плакать Царь. В дневниках Государя об этом визите и письме ничего не сказано.

При анализе двух вышеприведенных рассказов, очевидно: это апокрифы, имеющие под собой определенную фактическую основу⁴⁰⁰.

Можно отметить, что подобная мысль: Государь ждал предначертанного, фигурирует и в некоторых воспоминаниях. Например, бывший французский посланник в России Морис Палеолог приводит слова, якобы сказанные Царем Петру Аркадьевичу Столыпину: «У меня более чем предчувствие, что я обречен на страшные испытания и что я не буду за них вознагражден на этом свете»⁴⁰¹. В другой раз, согласно Палеологу, Царь говорил: «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия»⁴⁰². Морис Палеолог в свое время активно собирал слухи в светских салонах и сам их распространял в интересах своих и либеральной

оппозиции⁴⁰³, но, возможно, представленные фразы содержат отголоски реальных умонастроений Императора.

Достоверными сведениями о подобных беседах мы не располагаем и научно-исторических подтверждений пророчеств не имеем. Но нам представляется важным, что уже на протяжении 100 лет в определенной части церковного сообщества существует устойчивое представление: Императорская чета знала предназначавшую ей роль и без трепета шла к развязке. И это должно определенным образом отражать реальность.

Важно и то, что пророчества о мученичестве Царской семьи, имеющие под собой фактическую основу, связаны с именем или местами пребывания преподобного Серафима Саровского. Вспомним, это был святой, едва ли не самый почитаемый Императорской четой, канонизированный по ее настоянию. Преподобного прославили 19 июля 1903 года, а 30 июля 1904 года родился долгожданный Наследник престола. Царская семья связывала рождение Цесаревича с молитвами к святому Серафиму. 18 июля 1903 года, накануне прославления преподобного Серафима Царская семья причастилась — приняла в себя Христа, а 17 июля (нового стиля) 1918 года Венценосцы приняли мученичество. Всё рядом. Мы полагаем, народно-церковное предание не зря связало их воедино. *Святой должен был предсказать Царю его миссию.* Но как? Мы не знаем.

Однако важно иметь в виду, что доброе намерение некоторых сказателей представить подвиг Царя предназначавшим и изначальное знание Государя о своей роли имеет один серьезный изъян.

Православной богословской системе чуждо понятие предопределения, а духовному деланию — фатальное восприятие действительности. Знание о своей судьбе невозможно.

Анализ эпистолярного наследия Царской семьи, а также физиогномический анализ нескольких тысяч любительских, личных фотографий Царской семьи, не предназначенных для публикации, говорит о том, что у Императора **не было фатального мироощущения.**

При том, что Царь действительно не мог не чувствовать угрозу и возможность трагического завершения своего служения. Терроризм и революционные выступления давали достаточно поводов к подобному беспокойству и безмистици. В начале XX века, особенно в 1916 году, многие чувствовали приближение социального катаклизма. Этот процесс казался необратимым и, вероятно, был таковым.

Но именно Император верил в лучший исход! В то, что буря может миновать. Анализ политических действий Царя позволяет утверждать: до последних дней своей власти он делал все возможное, чтобы предотвратить пагубное развитие событий.

Вероятно, Государь даже если и как-либо получил некое пророчество, то доверял Богу больше, чем предсказаниям, от кого бы они ни исходили. С точки зрения православного делания — это верная позиция. Мы полагаем, что Государь не жил неотвратимым ощущением своей жертвенной миссии. Он выполнял каждодневный труд Отца Отечества и Семьи, действуя просто и логично: в государстве — добивался победы на войне, в быту — хорошо воспитывал детей, в духе — ходил в церковь, молился по мере сил.

А тучи действительно сгущались. В Петрограде царил «заряженная нервическая атмосфера»¹⁰⁴. Показательно, что даже иностранная медсестра (Дороти Сеймур), получив приглашение на аудиенцию с Царицей, 1 декабря 1916 года писала матери: «Будет ужасно досадно, если прежде чем я побываю у нее, начнется революция»¹⁰⁵.

Поэт Максимилиан Александрович Волошин, говоря о провокации «кровавого воскресенья» в 1905 году, пророчески писал:

«Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте — всезрячий, как сова, —
Чертит круги, и строит пентаграммы,
И шепчет вещи заклятья и слова»¹⁰⁶.

Отметим, что в Петрограде никогда раньше не выпивали такое количество шампанского, как за 1916 год, стараясь «запить, что будет после»¹⁰⁷. Чувствуя приближение катастрофы, «город веселился, как никогда»¹⁰⁸. А прямо накануне революции многие современники тех событий позднее вспоминали «мертвую тишину»¹⁰⁹, мороз — 37,2 °С, «пустоту и темь... как будто душа покинула еще живое тело»¹¹⁰.

Конечно, Императорская семья предполагала возможность государственного переворота. И чем дальше развивались события, тем более в их сознании утверждалось, что 6 мая — день рождения Государя не просто совпал с днем памяти святого Иова Многострадального, а возможно, дал им предзнаменование.

Понимали это и Царские дети. Флигель-адъютант Государя Анатолий Александрович Мордвинов отметил, что после смерти Григория Распутина дети «почувствовали, что с его убийством что-то страшное и незаслуженное началось для их матери, отца и них и что оно неуклонно приближается к ним»¹¹¹.

Но и под арестом в Царском Селе Венценосцы старались надеяться на лучшее: на Ливадию вместо Тобольска!

Позднее и Тобольск приглянулся Императорской семье. Как свидетельствовал последний духовник Царской семьи, протоиерей Владимир Хлынов, они были готовы остаться в Тобольске на постоянное местожительство¹¹².

Приход к власти большевиков мог дать волю самым мрачным предчувствиям. «Атмосфера электрическая кругом. Чувствуется гроза», — писала Императрица Анне Вырубовой в апреле 1918 года¹³.

Вскоре, 23 апреля стало известно, что Царскую семью разлучают: Государя, Императрицу, Великую княжну Марию Николаевну с несколькими сопровождающими лицами увозят в неизвестном направлении.

25 апреля вечером в губернаторском доме состоялось последнее чаепитие Семьи с приближенными. Чарльз Сидней Гиббс, бывший за этой трапезой, утверждал: «Они [Царская семья] знали, что это был конец»¹⁴.

Историк Хелен Раппапорт этой фразой Гиббса назвала одну из глав своей работы и, на наш взгляд, верно отметила: у Царской семьи «было невысказанное, но четкое представление о том, что может ждать их впереди»¹⁵. Это же чувствовало и все окружение Царской семьи.

Пьер Жильяр, также бывший на том, последнем чаепитии в Тобольске, вспоминал: «Царское семейство провело все послеобеденное время около кровати Алексея Николаевича. В 10½ часов вечера мы отправляемся пить чай. Императрица сидит на диване в окружении двух своих дочерей, они так плакали, что лица их припухли. Каждый из нас скрывает свои страдания и старается быть спокойным. Мы чувствуем, что если один из нас поддастся, то увлечет за собой всех других. Император и Императрица серьезны и сдержаны. Видно, что они готовы на все жертвы, в том числе и жизнью, если Господь в своих путях неисповедимых потребует этого для спасения страны. Никогда они не выказывали нам большей доброты и заботы. Это громадное спокойствие и эта удивительная вера, которая была у них, передалась и нам»¹⁶.

Но и при таком жертвенном, мужественном настроении перед отправкой в неизвестность, нам трудно представи-

мом, женская половина Царской семьи прятала в корсетах брильянты. Семья надеялась на спасение и, чтобы было на что жить и жить на соответствующем уровне, скрывали личные драгоценности, предусмотрительно вывезенные ими из Царского Села.

Было разумно постараться сохранить материальную стабильность Семьи.

Подведем итоги.

«Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу ради Меня, тот обретет ее»⁴⁷, — говорит Господь. Царская семья приняла это загадочное и трагедийное поучение как руководство к действию: «потерять душу» — жизнь ради Христа. Но покорность воле Божией вовсе не подразумевает фатализма, не знает предопределения, бездействия, не требует пророчеств (хотя, разумеется, и не отвергает таковых). Самоотдача рождается в борении.

Ведь перед крестной жертвой молился «до кровавого пота» и сам Господь: Тогда «начал Он *ужасаться и крушиться*. Тогда говорит <...> прискорбна есть душа Моя до смерти. <...> И пройдя немного вперед, пал на лицо Свое, молился и говорил: Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша эта; впрочем, не как Я хочу, но как Ты. <...> И снова, во второй раз, Он пошел и молился такими словами: Отче Мой, если не может эта чаша миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. <...> Он снова отошел и помолился в третий раз, и снова сказал тоже слово»⁴⁸.

Сын выполнил волю Отца: выпил чашу. И Царская семья приняла волю Божию, сокрушаясь, прося пронести чашу мимо, но *добровольно* прейдя к трагической развязке, согласовав свою волю с волей Божией.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

- ЛИТУРГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЦАРЯ -

Канонический статус Царя в богословской системе Русской Православной Церкви однозначно законодательно не определен. Однако этот статус совершенно особый: в церковной иерархии Царь не обычный мирянин.

В день Священного коронования монарха Церковь совершала особое молитвенное чинопоследование, предназначенное только для Государя, — Венчание на Царство, в процессе которого Государь помазывался святым миром, что свидетельствовало о принятии им особых даров на свое служение. Основные моменты этого чинопоследования вкратце таковы.

После всенародного исповедания Императором Символа веры все присутствующие должны были молиться: «О еже благословится Царскому Его венчанию благословением

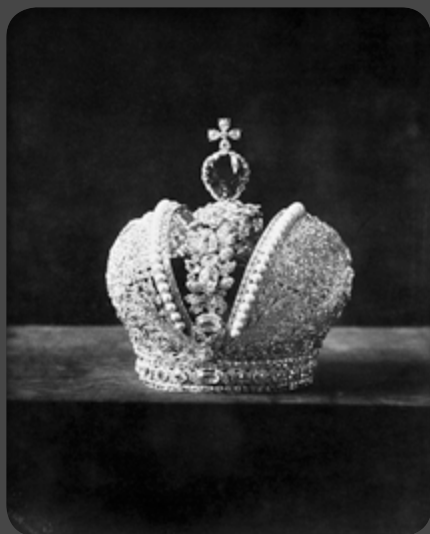

Кремль, иллюминированный в честь
Священной коронации. Фото И. С. Аксакова.
Май 1896

Вид центральной части Успенского собора Московского Кремля, подготовленного к торжеству Священной коронации.
Фото К. А. Фишер. Май 1896

Большая Императорская корона, возложенная на себя Государем Императором Николаем II в день Священной коронации. Работа придворного ювелира Жереми Позье (1716–1779). Фото мастерской К. Е. фон Ган. 1896

Слева: атрибут Императорской власти — держава. Справа: малая корона, возложенная Государем на Императрицу. Фото К. А. Фишер. 1896

Священное миропомазание
Императора Николая Алек-
сандровича 14 мая 1896 года.
Худ. В. А. Серов. 1897

Причастие Императора Николая II
под двумя видами (отдельно Тела
и Крови Христовой) у престола
Успенского собора Московско-
го Кремля в день Священного
Коронования 14 мая 1896 года.
Худ. К. В. Лебедев

Царя царствующих и Господа господствующих; о еже укреплену быти скипетру Его десницею Вышняго; о еже помазанием всесвятаго мира прияти Ему с небесе, к правлению и правосудию, силу и премудрость; о еже получитьи Ему благоспешное во всем и долгоденственное царствование; яко да услышит Его Господь в день печали и защитит Его имя Бога Иаковля; яко да пошлет Ему помощь от Святаго, и от Сиона заступит Его; яко да подаст Господь по сердцу Его и весь совет Его исполнит; яко да подчиненные суды Его не мздоимны и нелицеприятны сохранит; яко Господь сил всегда укрепляет оружие Его; о покорите под нозе Его всякого врага и супостата», а также молились: «О еже благословитися Царскому Его венчанию и Супруги Его Благочестивейшей Государыни благословением Его же Царя царствующих и Господа господствующих»⁴¹⁹.

После этого первенствующий митрополит крестообразно возлагал руки на главу Государя и всенародно просил, чтобы Господь удостоил Царя воспринять помазание «елеем радования» и «одел Его силою с высоты, наложил на главу Его венец от камене честного, даровал Ему долготу дней, дал в десницу Его скипетр спасения, посадил Его на престоле правды, сохранил Его под Своим покровом и укрепил Его Царство»⁴²⁰.

После этого Царь *сам* возлагал на себя Корону (Венец) при вознесении первенствующим митрополитом молитвы: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Супругу короновал также сам Государь малой короной.

Далее во время литургии над Царем совершалось таинство миропомазания. Первенствующий митрополит помазывал Императора святым миром на челе, очах, ноздрях, устах, ушах, на груди, на руках с обеих сторон, на ногах, говоря при каждом помазании: «Печать Дара Духа Святого». Это действие полностью повторяет порядок таинства миро-

помазания при святом крещении. Таким образом, российский Император был единственный в мире, над которым таинство миропомазания фактически совершалось дважды. Посредством второго миропомазания ему и сообщались особые благодатные дары Святого Духа для несения Царского креста. Именно из этого вытекал его особый статус в Церкви и государстве, а вовсе не из светского законодательства или временных политических реалий.

После миропомазания митрополит вводил Императора в алтарь через Царские врата, как входят *священнослужители*, где у престола Государь приобщался Святых Тайн опять же по чину *священнослужителей*: отдельно Телом Христовым и отдельно из чаши Кровью Христовой, принимаемых от митрополита, «как Помазанник Божий и Верховный покровитель Христианской Церкви»¹²¹. Подобный способ причащения подразумевал за Царем особый *иерархический* статус.

После Коронации Государь получал именование Помазанник Божий.

Далее скажем об управленческом статусе Царя. Равноапостольный святой Император Константин Великий участие Государя в управлении делами Церкви определил как «внешнее епископство»¹²².

В акте о престолонаследии, утвержденном Императором Павлом I в день своей Священной коронации 5 апреля 1797 года (в контексте того, что Государем в России может быть только православный Царь), сказано, «что Государи Российские [являются] суть Главою Церкви»¹²³. Этот документ хранился на престоле Успенского собора Московского Кремля.

Согласно действовавшему к 1917 году Своду основных законов Российской Империи: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его не только за страх, но и за совесть,

Сам Бог повелевает. <...> Особа Государя Императора священна и неприкосновенна. <...> Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правотверия и всякого в Церкви святой благочиния. <...> В сем смысле Император, в акте о наследии Престола 1797 Апр. 5 именуется *Главою Церкви*» (курсив источника)¹²⁴.

Суть Царского служения отражает, на наш взгляд, меткое определение, данное в житии святых Зосимы и Савватия, а также на одной из соловецких гравюр: «Государь Православия»¹²⁵.

В XVIII — начале XX века формулировки постановлений Святейшего Синода начинались словами: «По указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод <...> повелел/приказали...». Такая формула вызывала определенные нарекания со стороны критиков Церкви и впоследствии дала повод говорить о «неканоническом» устройстве Русской Православной Церкви после упразднения патриаршества. Насколько эта критика верна, зависит в том числе от правильного понимания роли Царя в Православной Церкви.

Не имея здесь возможности проводить глубокий богословский разбор особого статуса Царя в Церкви, для лучшего уяснения некоторых аспектов нашей работы из вышесказанного достаточно констатировать, что этот статус был и носил как *литургический*, так и *управленческий* характер, кардинально отличающий православного Царя от православного мирянина¹²⁶.

До 1918 года, в неделю «Торжества Православия», Церковь в особом чине провозглашала многолетие Императору (девять раз) и трижды анафематствование: «Помышляющим, яко православнии Государя возводятся на престолы не по особливому о них Божию благоволению, и при

помазании дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания в них не изливаются, и тако дерзающим противу их на бунт и измену, анафема»¹²⁷.

- ОТРЕЧЕНИЕ ИЛИ СМИРЕННОМУДРИЕ? -

До сих пор падение Российской Империи, последовавшее за отречением Государя Николая II, болезненно воспринимается российским обществом. Кому личность Государя симпатична, говорят об отречении с сожалением и разочарованием, а кто-то злорадствует.

Многие обвиняют Царя в отречении, *зная, что случилось потом.*

Мы полагаем, что краткий период 1–8 марта, связанный с так называемым отречением, — самый важный этап личной религиозной жизни Царя, и мы рассмотрим его именно с этой точки зрения.

Сначала разберем формальную сторону вопроса: было ли это отречение зафиксировано юридически?

4 марта практически все газеты Империи опубликовали Высочайший Манифест об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского за себя и за сына своего Наследника Цесаревича Алексея Николаевича в пользу брата своего Великого князя Михаила Александровича с подзаголовком: «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочее и прочее. Объявляем всем Нашим верным поданным...». Дата отречения: 2 марта 15 часов.

Начальнику Штаба

Въ дни великой борьбы съ нашими врагами, стоявшими вонче три года покровить нашу родину, Господу Богу угодно было исполнить Роготъ своею тучною испытаніе. Начавшіеся «натураліи» изводили возможности тоскать, бізвременно отпасться на дальнѣйшихъ, возгнати вѣщюю войну. Судьба Россіи, честь гетерской нашей атаки, блага народа, все будущее дотолаго нашего Отечества, достижетъ доведеніе войны во что бы то ни стало до побѣднаго, князь. Настоящій врагъ напрягаетъ послѣдніе силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совместно со славленіи водами совѣскими «вонотъ» окончательно сложитъ врага. Въ эти вѣщюю для въ жизни Россіи, вонче не достоянъ совѣсти обличитъ народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственнымъ Духомъ, признали МЫ на благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не могла разстаться съ любимымъ Околице ЛАНКОМЪ. МЫ передаемъ наследіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благопожелавши Его на возушеніе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ помощь и невмѣшательствіи еденіи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началъ, какъ будутъ МЫ установлены, признаю въ томъ нечуждую присягу. Во имя горячо любимой родины признаемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества на исполненіи своего святого долга передъ Богомъ повѣрившимъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанийъ и помочь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, повести Государство Россійское на путь побѣды, благополучія и славы. Да помогутъ Господь Богъ Россіи.

Г. Николая,
21 Марта 1917 г. мск.
Императоръ Николай Александровичъ Царь.
Великий Князь Николай Александровичъ

Facsimile of the original Act of Abdication of Nicholas.

сложитъ съ СЕБЯ Верховную власть.

Публикация документа под заглавием: «Ставка Начальнику Штаба» в США в 1919 году в англоязычном издании: Lomonosoff G. V. Memoirs of the Russian revolution. New York, 1919. P. 54. Качество воспроизведения документа низкое.

Время отречения: 15 часов.
В переводе отречения на английский язык указано время: 15 часов 5 минут

Пример плохого воспроизведения документа. Написано «СЕЕВ» вместо СЕБЯ»

(Translation of the Act of Abdication.)

General Headquarters.

To the Chief of Staff.

In the days of the great struggle against the foreign enemy who, for the last three years, has been trying to enslave the land of our birth, it has pleased Almighty God to lay a new heavy burden upon Russia. The internal and popular disturbances which have started, threaten to react badly upon the further continuation of stubborn war. The fate of Russia, the honor of our heroic army, the welfare of the people and the entire future of our dear Fatherland demand the continuation of the war by all means to a victorious termination. The merciless enemy is straining his last powers and the hour is near when our heroic army, together with our honorable Allies, shall finally and completely break the enemy. In these decisive days in the life of Russia, WE have determined, as a duty of conscience, to help OUR people to undivided unity and the concentration of all the strength of the people for the swift attainment of victory, and, with the approval of the Duma, WE have decided, for the sake of general welfare, to abdicate from the throne of the Russian Empire and to remove from OURSELF the supreme power. Not wishing to be separated from OUR beloved son, WE give over OUR inheritance to OUR brother, Grand Duke MICHAEL ALEXANDROVITCH and give HIM OUR blessing upon his ascent to the throne of the Russian Empire. WE instruct OUR brother to conduct the affairs of the State in complete and inseparable unity with the representatives of the people in the legislative institutions, on a basis which will be established by them. Having given an inviolable oath in the name of our dearly beloved country, WE call upon all true sons of the Fatherland to fulfill their holy duties toward HIM, to submit to the Tzar in this hard moment, all the hardships of the people, and to help HIM, together with the representatives of the people, to lead the Russian Empire on the path of victory, prosperity and honor. Almighty God, help Russia.

NICHOLAS.

City of Pskov.

March 24, 15 hours, 5 minutes. 1917. *

Minister of the Imperial House,
Adjutant-General Count Fredericks.

* 2.05 P. M.

55

City of Pskov.

March 24, 15 hours, 5 minutes. 1917. *

Minister of the Imperial House,
Adjutant-General Count Fredericks.

* 2.05 P. M.

55

Перевод документа на английский язык. «2-го марта»
понято, как «24 марта»

В апреле 1917 года мимоходом опубликовали фотокопию этого документа¹²⁸. На вид Высочайший Манифест оказался малопрезентабельной немного грязноватой бумагой с заглавием: «Ставка Начальнику Штаба». Внизу этого четвертого листа (ранее сложенного вчетверо) мы видим подпись Государя и заверительную подпись министра Императорского двора, графа Владимира Борисовича Фредерикса. Даже при поверхностном взгляде видно, что в указанном времени отречения в разделе минуты стерта цифра.

Подлинник этой бумаги впервые появляется на свет спустя 12 лет — в 1929 году.

Он был случайно обнаружен среди массы прочих документов некими сотрудниками Академии наук СССР, которые сообщили об этом Комиссии по проверке (по «чистке») аппарата Академии под руководством Якова Исаковича Фигатнера. Об обнаружении документа был составлен акт за подписями Фигатнера и членов комиссии: Сергея Федоровича Ольденбурга, Александра Евгеньевича Ферсмана и других (всего 14 персон), где, в частности, говорилось, что «изображенная подпись ФРЕДЕРИКСА написана по подчищенному месту»¹²⁹. Отметим, что было сказано не «подпись», а «изображенная подпись».

Вероятно, контрастирующая подпись графа Фредерикса была нанесена чернилами поверх остатков карандаша. Подпись самого Государя проставлена карандашом (заметьте, странно, что у Императора не было пера или никто не поделился с ним чернилами). Необычно и то, что обе подписи находятся очень близко к краю листа. Комиссия, сличив подпись Государя с несомненно подлинными, пришла к выводу об их идентичности, подпись графа Фредерикса не исследовалась.

На документе проставлено время отречения: 15 часов. На месте, где должны быть обозначены минуты, — под-

чистки. Стертая цифра читается, скорее всего, как «з» или «5». Сам факт наличия стертой цифры очевиден (см. илл.). Комиссия 1929 года пришла к мнению, что на месте минут «явно проглядывается написанная от руки цифра з»⁴³⁰. После изучения документа при большом увеличении к этому заключению пришел и автор данной книги. Ныне эта бумага хранится в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в фонде № 601 в деле № 2100-а (копия с нее в деле № 2101-а).

Отметим, что цифра «з» в разделе минуты фигурирует также в деле ГА РФ, где «Акт об отречении» представлен в машинописном виде без каких-либо подписей. В нем указано время: «15 часов 3 мин.» (см. илл.)⁴³¹. Также хорошо осведомленный приближенный Царской семьи Пьер Жильяр в своих воспоминаниях (опубликованных в 1921 году) приводит «манифест» полностью со временем отречения 15 часов 3 минуты⁴³².

Несколько иной документ с заглавием «Ставка Начальнику Штаба» был опубликован в воспоминаниях февральского заговорщика Юрия Владимировича Ломоносова в 1919 году в англоязычном издании в США⁴³³. (После захвата Министерства путей сообщения 28 февраля 1917 года Ломоносов получили контроль над железными дорогами, благодаря чему поезд Государя был задержан. В первые годы советской власти Ломоносов стал особо доверенным лицом Ленина в крупнейших финансовых операциях за границей. При его посредничестве из России был вывезен огромный капитал, после чего Ломоносов с семьей обосновался в США⁴³⁴.)

В издании Ломоносова представлена фотокопия акта отречения весьма низкого качества. Часть воспроизведенного текста прорисована. Лица, дорисовывавшие нечеткие буквы, не знали русского языка. Например, фраза:

В Академии Наук обнаружены важные политические документы

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СОВНАРКОМА СССР НЕПРЕМЕННОМУ СЕКРЕТАРЬ АКАДЕМИИ НАУК С. Ф. ОЛЬДЕНБУРГ ОТСТРАНЕН ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ

19 октября в комиссии НК РКМ СССР по проверке аппарата Академии Наук СССР поступили заявления от ряда сотрудников Академии о том, что в некоторых ее учреждениях, как библиотека, Пушкинский дом, археографическая комиссия и др. находятся документы большого политического значения.

Предварительное расследование этих материалов подтвердило названную в них фактическую сторону дела, при чем выяснилось, что обнаруженные документы не только находились в этих учреждениях вопреки действующим законам, но частично использовались лицами, не имеющими на то право, например, Дзукновским, бывш. товарищем министра внутренних дел и шефом корпуса жандармов.

Некоторые из этих документов имеют настолько актуальное значение, что могли бы в руках советской власти сыграть большую роль в борьбе с врагами Октябрьской революции как внутри страны, так и за границей.

В числе этих документов обнаружены материалы департамента полиции, корпуса жандармов, царской охранки, контрразведки, ЦК партии социалдемократов-революционеров, ЦК партии кадетов, повольного съезда меньшевиков от 1918 г., списки охранников и провокаторов с относящимися к ним данными (размер вознаграждения, биография), объявления отречения от престола Николая II и Михаила и т. д.

Кроме того, найдены архив большевистской организации Харькова за 1905—1906 гг., петербургской организации большевиков с участием В. И. Ленина, протоколами социал-демократической фракции IV Государственной Думы и др.

В связи с изложенными обстоятельствами, по решению СНК СССР, непреходящий секретарь Академии Наук акад. С. Ф. Ольденбург, который, по занимаемой им должности, обязан был своевре-

менно принять необходимые меры к возмущению обнаруженных фактов, отстранен от исполнения обязанностей.

По решению общего собрания сессии Академии Наук, временное исполнение обязанностей непреходящего секретаря Академии возложено на акад. В. А. Комарова.

Сессия Академии Наук, заслушав по этому делу информацию, приняла решение, в котором отмечается недопустимость хранения в Академии Наук подобных указанных выше материалов, неправомерность действий президиума, неправомерность необходимых мер к прекращению хранения в Академии Наук подобных материалов, и предлагается президиуму принять решительные меры к искоренению подобных явлений на будущее время, оказать положительное содействие выяснению всего дела в настоящем.

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК

В связи с обнаружением в Академии Наук СССР ряда незаконно хранящихся в ней политических документов, общее собрание сессии Академии от 20 октября единогласно приняло следующую резолюцию:

Общее собрание признает совершенно недопустимым хранение в учреждениях Академии Наук документов, имеющих актуальное политическое значение, без доведения о них до сведения правительства, и отмечает ошибку президиума, который, как он сам отмечает в своем обращении к правительству, одновременно не учел наличие этих материалов и потому не мог сообщить о них управлению делами Совнаркома.

Общее собрание предлагает президиуму принять решительные меры к устранению подобных явлений и к возмущению всего обстоятельства дела и обратиться серьезное внимание на аппарат Академии, связанная с хранением документов, который по своему составу должен гарантировать невозможность повторения подобных случаев.

Вырезка из газеты «Красная звезда»

от 6 ноября 1929 года, повествующая о небрежном хранении документов в разных подразделениях Академии наук СССР и об обнаружении в одном из подразделений оригинала отречения Императора Николая II. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101-а. Л. 1

5

Ставка

Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы съ злѣйшимъ врагомъ, стремимся почти три года победить нашу волю, Господу Богу угодно было испослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіеся внутреннія народныя волненія грозятъ обществу отпасть на дальнѣйшемъ веденіи упорнои войны. Судьба Россіи, честь героической нашей арміи, благо народа, все будущее допорого нашего Отечества требуютъ доведенія войны до того бы то ни стало до побѣднаго конца. Настойчивъ врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша совместно со славными нашими соотечественниками сможетъ скоротечно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почти МН должно съединить и сплотивъ всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственнымъ Думомъ, призвали МН въ благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ, МН передаю наследіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на такъ начавшихъ, или будутъ ими установлены, принесъ въ томъ ненарушную присягу. Во имя горячо любимой родины призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, провозвѣстимъ Царю въ тѣсную минуту всенародныхъ испытанийъ и помощь ЕМУ, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г. Псковъ.

22 Марта 15 час. мн. 1917 г.

Николай Александрович Зверев
Генералъ-Адъютантъ Императорскаго Двора

Александр

Случайно обнаруженный документ «Ставка Начальнику Штаба», известный как оригинал отречения Государя Николая II от престола. Чернильная подпись графа Фредерикса, по всей видимости, написана сверх карандаша. Подпись Государя сделана карандашом.

Оба росчерка касаются самого края листа. Время отречения: 15 час. На месте, где должны обозначаться минуты, явные подчистки. Стерта цифра, вероятно, 3 или 5. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 5

«сложить с СЕБЯ верховную власть» представлена как: «сложить с СЕЕВ верховную власть». В слове «Псковъ» вместо твердого знака на конце стоит знак, не существующий в русском алфавите. При воспроизведении был перепутан и рукописный текст. Подпись Государя подрисована, а росчерк обрезан из-за плохого качества фотоконии (см. илл.). Надпись «2-го» определили, как «24», поэтому в переводе на английский язык поставлена дата отречения: «24 марта». В английском переводе время отречения: «15 hours, 5 minutes», а в воспроизведенной фотоконии: «15 час.». Цифра пять оказалось не пропечатанной, опять же из-за низкого качества фотоконии. Однако из английского перевода очевидно, что на исходной бумаге было проставлено время: «15 час. 5 мин.»⁴³⁵.

В другой раз текст отречения без его иллюстрации приводится в сборнике документов «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев», опубликованном в 1927 году под редакцией историка Павла Елисеевича Щеголева. Указано время отречения: 15 часов 5 минут. Щеголев сообщает, что текст печатался «с фотографической копии подлинника отречения, хранящейся в Ленинградском музее Революции»⁴³⁶ (ныне это Музей политической истории России в Санкт-Петербурге).

Вероятно, именно этот документ, известный как факсимиле отречения, поступил на хранение в будущий ГА РФ в 1950 году⁴³⁷. Ныне факсимиле находится фонде № 601, в деле № 2101 (копия с него же в деле № 2101-6).

В данном документе в поставленном от руки времени отречения (15 час. 5 мин.) цифра «15» написана одним почерком, а «5» — другим (см. илл.).

Отметим, что в записях камер-фурьерского журнала (журнала, содержащего поденные и почасовые росписи каждого дня Государя) за 1917 год в «Акте об отречении»

Императора от престола также зафиксировано время: «15 час. 5 мин.»¹³².

Итак, мы знаем несколько разновидностей документа с заголовком «Ставка Начальнику Штаба», известных как «Высочайший Манифест» или «Акт об отречении»: копию, опубликованную в 1917 году, оригинал которой был обнаружен в 1929 году; факсимиле, опубликованное в 1919 году в США, ссылка на которое появляется в 1927 году.

Их сравнительный анализ говорит: это один и тот же документ, несмотря на разное время отречения, обозначенное в названных вариантах. Это видно по расположению подписей графа Фредерикса и Государя относительно печатного текста. К тому же, если подписи графа Фредерикса скопировать и наложить друг на друга: семь слов в две строки, последнее слово с росчерком — они полностью совпадают (включая расстояния между слов и между строк). Подписать так на разных листах невозможно. (Подпись Государя в публикации Ломоносова значительно отличается от двух других, потому что, как мы говорили выше, обрезана и подправлена из-за плохой копии, которая была в распоряжении публикаторов.)

Как же может быть, что на одном и том же документе мы видим разные цифры в разделе минуты?

Вероятней всего, на исходной бумаге (оригинале) первой была вписана цифра «3». Вскоре цифру «3» стерли и вписали «5», которую мы и видим на факсимиле (фотокопии) документа. Потом цифру минут вновь затерли.

А как объяснить, что в разных, но одного уровня авторитета источниках мы встречаем свидетельства о времени отречения: то 15 часов 3 минуты, то 15 часов 5 минут, а в печатном виде манифеста указывается 15 часов ровно? Только какой-то совершенной чехардой с названной бумагой.

Факсимиле акта отречения Николая II.

7

Ставка

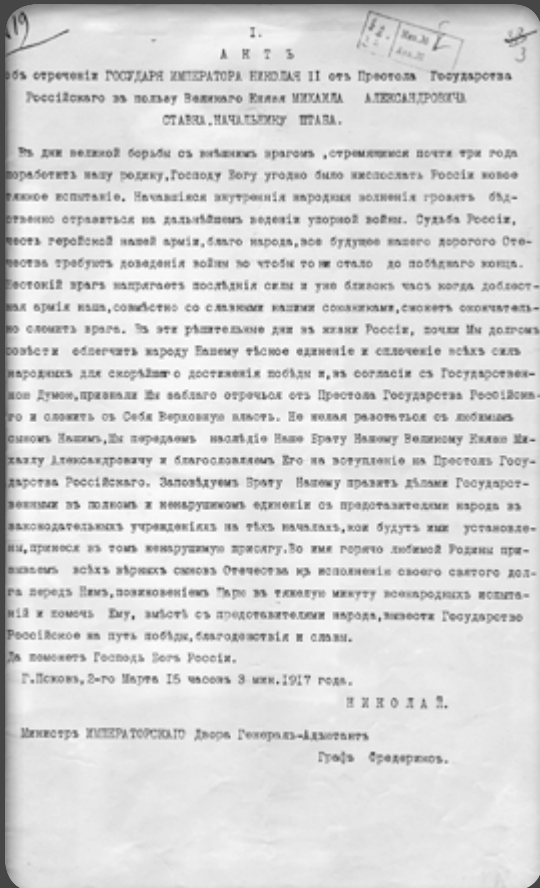
Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы со злыми врагами, стремящимися почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренняя народная война грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь германской нашей армии, благо народа, все будущее дотолего нашего Отечества требуют доведения войны до того, что бы не стало до победного конца. Восточный враг напугает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти роковые дни в жизни России, когда мы должны вместе облегчить народу НАШЕМУ тяжкое одиночество и оплощение войной силой народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственным Думом, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя СВЯТЫЙ Бермоаную власть. Не желая расстаться с любимым Отцом НАШИМ, мы передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в подомое и неразрывном единении с представителями народа во законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут установлены, внося в том неразрывную преемственность. Во имя горячо любимой родины правившим войну верным сыновьям Отечества из исполнением своего святого долга перед Ними, возмозвением Царя в тяжелую минуту всенародных испытаний и помощь ЕМУ, вместе с представителями народа, ввести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Всем Россиям.

Россиа
25 мая 15 час. 5 мин. 1917 г.
Император Николай Александрович Романов
Царевич Михаил Александрович
Великий князь Кирилл Александрович

Николай II

Документ «Ставка Начальнику Штаба», озаглавленный «Факсимиле акта отречения Николая II». Слева снизу небольшое чернильное загрязнение поверх факсимиле. Время отречения: 15 час. 5 мин. Цифра «15» написана одним подчерком, «5» — другим.
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101. Л. 1

2-го Марта 15 часовъ 3 мин. 1917 года.
Н И К О Л А Й.

«АКТ об отречении ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II от Престола...». Машинописный текст, вверху позднейший архивный штамп, подписей нет. Время отречения: 15 часов 3 мин.

Никаких других документов, имеющих наименование «Акт об отречении» или «Манифест об отречении», в архивохранилищах нет. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100. Л. 3

Имеет ли такой предмет безусловное значение юридического документа? Мы полагаем, что нет. Чтобы утверждать законность бумаги, имеющей такой вид, надо иметь очень большое желание. Но дело, конечно, не в ней.

Дело в том, что заговорщикам сразу после объявления в печати информации об отречении с заголовком «БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Император Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, объявляем всем Нашим верным подданным...» подложный, или подправленный, или даже подлинный документ был уже не нужен. События конца февраля — начала марта 1917 года развивались, выражаясь современным языком, совсем не в правовой плоскости.

Поэтому вопрос, была ли легитимна передача власти, просто не корректен.

Уже в июне 1917 года заверивший отречение граф Фредерикс в официальных показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства утверждал, что не помнит, как и где произошло отречение Императора⁴³⁹. То есть отказался от своего участия⁴⁴⁰.

А что же сам главный свидетель?

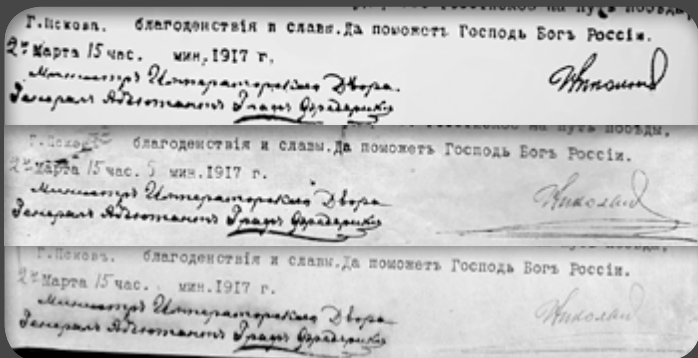
Общезвестно, что до 2 марта Император никак не планировал уход от Царского служения или перемены в государственном устройстве страны по ходу войны. Что же могло его заставить вдруг изменить свое мнение? Ведь объективных причин менять политическое устройство именно 2 марта не было. В конце концов Государь, как самодержец, при желании мог внести изменения в Основные государственные законы Российской Империи (которые не предусматривали возможности отречения от Престола) и спокойно законодательно «ратифицировать» свое отречение, назначив или рекомендовав определенный орган для управления державой. Выступить с соответствующей

речью к народу «с амвона», расставив все точки над «i» для современников и потомков. Любой, более или менее знакомый с педантичным характером Государя, вникавшим в любые мелочи, согласится, что это было бы вполне в его стиле. Обратное же противоречило всей его предыдущей деятельности. Поэтому мы полагаем, что Царь не отрекался от Престола в той форме и содержании, как нам преподносится — это противоречило его нравственным принципам и государственным правилам управления.

Мы полагаем, что и получив 2 марта телеграммы с просьбой оставить Престол от некоторых генералов, Главнокомандующего Кавказской армией Великого князя Николая Николаевича (ими апеллировали заговорщики)⁴¹, имея конфликт с родственниками и жесткое противодействие со стороны Государственной думы, Государь боролся и продолжал отстаивать монархию. Это было весьма разумно, по крайней мере, до окончания войны, конец которой, как представлялось, был не за горами и сулил России огромный экономический выигрыш: проливы Босфор и Дарданеллы. Нельзя было кардинально менять государственное устройство по ходу войны.

Тем не менее случилось то, что случилось... При этом с 3 по 8 марта Государь находился в Ставке в Могилеве (с 4 по 8 вместе с матерью, вдовствующей Императрицей Марией Федоровной). 8 марта Государь прощался с чинами Штаба и управлений, офицерами и казаками Собственного Его Величества Конвоя и Собственного Сводного пехотного полка. Есть свидетельства очевидцев этой душераздирающей сцены...⁴². Теоретически он мог заявить о своем пленении, о силой вырванном отречении...

Он этого не сделал. Получается, что главным свидетелем своего отречения (а если отречение — зло), свидетелем против себя самого, является Царь. Что же случилось

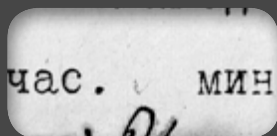
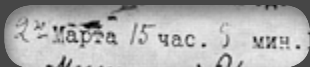
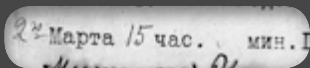

Сравнение фрагментов трех документов под заглавием: «Ставка Начальнику Штаба». Место расположения подписи графа Фредерикса и Государя относительно печатного текста показывает, что это один и тот же документ.

В первой его публикации (на верхнем фрагменте) подпись Государя обрзана и подправлена, а нечеткие буквы на носителе, бывшем в распоряжении публикаторов, ими дописаны

Сравнение фрагментов документов отречения из дела № 2101 (вверху) и № 2100-а (снизу).

- 1) Судя по расположению печатного и рукописного текста друг относительно друга — это один и тот же документ.
- 2) На верхнем фрагменте цифры: «2-го» и «15» написаны одной рукой, а «5» — другой.
- 3) На нижнем документе цифра, где обозначено время минут, стерта

Фрагмент «оригинала отречения». Явно просматривается подчищенное место: скорее всего, стерта цифра «3» или «5». Особо хорошо виден нижний завиток подтертой цифры прямо над чернильной завитушкой

Вверху на фото солдаты, вышедшие на демонстрацию в первые дни февральской революции. Литейный проспект Петрограда. На заднем плане видна вывеска ювелирного магазина «Часы. Золото и серебро». Что написано на флаге, прочесть невозможно.

Внизу появившийся в том же году вариант этой же фотографии, но вместо вывески ювелирного магазина плакат: «В борьбе обрешь ты право свое», а флаг стал белым, и на нем четко видна надпись: «Долой монархию! Да здравствует республика!» Как видим, фальсификация истории февральских событий началась уже в 1917 году

в дни изоляции Государя 28 февраля — 2 марта и в последующие дни пребывания его в Ставке по 8 марта? Почему, если отречение или какое-то иное политическое решение по вопросу государственного устройства, вскоре выданное заговорщиками за отречение, было вырвано обманом, Царь не заявил об этом? Не стал бороться за Россию? За свои права монарха?

На наш взгляд, логично предположить, что судьбоносное решение Государь окончательно принял, воочию увидев и почувствовав реакцию массы людей на отречение, ярко вспыхнувшую уже 3 марта. Сложно править без верноподданных. Государь понял, что есть Божия воля отступить: общество явно не понимало, что творит, и бороться с ним, доказывать что-то было бесполезно.

Интеллигенция, аристократия, духовное сословие, городские обыватели с радостью приняли известие об отречении Императора Николая II и отказ Великого князя Михаила Александровича от принятия Престола вплоть до решения Учредительного собрания о форме государственного устройства России.

Очевидно, что на Царя и Великого князя Михаила Александровича было оказано значительное давление. Но никого не смущали вопросы о легитимности передачи власти от Императора к Великому князю, состоявшему в морганатическом браке, о передачи власти, минуя прямого Наследника престола, о том, что Михаил Александрович делегировал вопрос об установлении формы правления в России несуществующему Учредительному собранию (его созывали только большевики в ноябре 1917 года). Не смущало, что Высочайший Манифест имеет форму телеграммы и в нем очевидна подчистка, что опубликованный в виде фотокопии в апреле 1917 года «Манифест Великого князя...» написан на чистом листе бумаге

без заголовка и адресата. Из формы этой, казалось бы, важной бумаги, никак не видно, что это: частная записка, черновик, письмо, манифест для публикации; при желании можно было бы дать совершенно разное объяснение происхождения и назначению данной записки.

Эти вопросы практически никого не беспокоили, из власть имущих вступиться за монархию, по сути никто не захотел.

И массы людей ликовали именно в марте, а не в октябре 1917 года (как учили в школе). Это легко увидеть: достаточно взглянуть в любые газеты того времени. В оцененной молчало крестьянство и армия. Но тон общественной жизни задавали не они.

Что мог сделать Царь?

Находившаяся вместе с Венценосцами в Царском Селе княгиня Елизавета Алексеевна Нарышкина в дневнике за апрель 1917 года записала: «Понятия о чести у нас не существует»⁴³. В эмиграции об этом писал Иван Лукьянович Солоневич: «СОВЕСТЬ есть то, на чем строится государство. Без СОВЕСТИ не помогут никакие законы и никакие уставы. СОВЕСТИ не оказалось. <...> Государь-Император для данного [правлящего. — К.К.] слоя был слишком большим джентльменом. Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги, или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят его. <...> Не отстояли даже его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали»⁴⁴.

Уже с 3 марта до соответствующего распоряжения Святейшего Синода во многих церквях Императорская Фамилия перестала поминаться за богослужением. 5 марта на воскресной литургии в Ставке в присутствии Государя и Императрицы-матери Царь, Наследник, династия также

не поминались за богослужением (которое, вероятно, вел протопресвитер Георгий Шавельский). Из богомольцев никто не возражал.

Чтобы увидеть, насколько к 1917 году изменилось сознание некогда верноподданных, вспомним торжества прославления святого Серафима Саровского в 1903 году. Тогда в день причастия Государя, 18 июля, литургию вел архимандрит Андрей (князь Ухтомский), а подносил Государю записку и просфору отец Философ Николаевич Орнатский, настоятель Казанского собора Санкт-Петербурга⁴⁵. Архимандрит Андрей (Ухтомский) рассуждал: «Власть Царская — тяжкое бремя для Царя, но облегчение жизненного бремени для всего русского народа. Царь несет это бремя, а его народ свободен от этого бремени, спокоен за себя, снявши с себя всякое искушение власти, “спасается” — заботится только о душе своей. Поэтому Царь в глазах народа — это воплощение всего лучшего, это символ смиренного служения Богу и служения людям, символ любви; любовь к Царю своему и Помазаннику Божию — это чувство совершенно неотъемлемое, неизгладимое из русского сердца.

Жизнь без постоянного представления о Царе — прямо не мыслима для русского человека; он не может себе представить ничего выше душевного спасения, а жить без постоянной памяти о своем Царе — значит заботиться не о спасении, а о себе и о всей своей жизни; он тогда совершенно растеряется, “да как же, — скажет, — я теперь жить буду, где моя опора?” Вот это в Сарове чувствовалось до полной осязательности во время всех торжеств. Вся любовь к Царю, все беззаветное преклонение пред бременем и служением Царским, одним словом, вся русская душа в Сарове высказалась в полной мере. Русь Православная — это нераздельно Царь и народ; и душа народная, душа народа русского не мыслима без смирения и без

любви к Богу и Царю. Совершенно немислима! — Душа, не думающая о спасении, и душа гордая — это явление не русское...»⁴⁴⁶.

В 1917 году 12 марта Андрей (Ухтомский), тогда уже епископ Уфимский и Мензелинский, в Казанском соборе Петрограда, где настоятельством тот же, что был в Сарове, протоиерей Философ Орнатский, *проповедовал*: «Кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа. <...> Наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья. <...> Самодержец погиб и погиб безвозвратно»⁴⁴⁷.

Еще до отречения Государя, не позднее 14 февраля 1917 года, епископ Андрей (Ухтомский) писал Михаилу Родзянко: «Не могу удержаться, чтобы не выразить вам пожелания полной победы над лукавыми властолюбцами»⁴⁴⁸. Какая слепота. Ведь Родзянко и был первым «лукавым властолюбцем»!

Не забыл владыка похвалить и благословить других предателей Царя, как он выразился, «необыкновенного человека»⁴⁴⁹ Александра Керенского и генерала Николая Рузского. Епископ Андрей вещал с амвона: «Самодержавие пало, и пало безвозвратно. Царя в России больше нет. <...> Солдаты и народ! Прошу Вас верить доблестному генералу Рузскому, он русский человек, родине не изменит»⁴⁵⁰.

Уже через год был изрублен на куски генерал Рузский и расстрелян отец Философ Орнатский, а владыка Андрей (Ухтомский) еще много лет скитался по тюрьмам и лагерям⁴⁵¹...

На нашем экскурсе видна *типичная* ситуация переменны и радикализации сознания не самых худших деятелей к 1917 году.

Духовная слепота поразила русский народ, как чума. Очень многие перестали понимать Государя, даже члены

Императорской Фамилии. К февралю 1917 года Императорская чета практически не общалась ни с кем из своих родственников, поддерживая только официальные отношения. Член Государственной думы Василий Алексеевич Маклаков вспоминал, что после убийства Распутина, ставшего предтечей падения Династии, «больше всех ликовала родовая аристократия, в том числе почти все члены императорской фамилии. <...> Как это ни парадоксально, именно в тех слоях общества, которые должны были бы Ахеронта¹⁵² особенно опасаться, убийство вызвало наибольшие надежды и *ликование*»¹⁵³.

После низложения Императора Великий князь Николай Николаевич, замененный Государем на посту Главнокомандующего, радостно вернулся в Ставку с надеждой на старый пост... И вновь поразительная слепота. После 2 марта не прошло и недели, как все Романовы стали не нужны...

Один из очевидцев переворота, будущий архимандрит Константин (Зайцев), отмечал, что «Россия восприняла это отталкивающее бесчинство в *ликовании* праздничном, как весну, как освобождение от злой неволи, как зарю новой светлой жизни! И это вся Россия в целом, весь русский народ во всех общественных группах!»¹⁵⁴.

Что здесь мог сделать Государь? Каждый знает, что иногда наступает такая грань, когда доказывать что-то оппоненту, пусть самому близкому и родному, при явной своей правоте, все же становится бесполезно. Действовать же силой через армию, умирняя свой народ войсками, провоцировать возможную гражданскую войну Царь не захотел.

Точную оценку мартовской ситуации дал в эмиграции протопресвитер Михаил Польской: «**Единственным человеком, у которого не помутилось в дни революции**

национальное сознание, был Государь. Его духовное здоровье не было задето моментом. Он продолжал смотреть на вещи просто и трезво. Он отрекся после того, как все ему изменили. Он остался в России и мученически невинно за нее погиб, его преемники у власти сами изменили всем и дезертировали, сами бежали, спасая свою жизнь. Они нарушили присягу и предали своего Царя и с ним свою родину, хотя должны были сделать все, не жалея живота, победить или умереть, как это делают простые солдаты на полях сражения. Но среди своих высших военачальников-сотрудников только один Император положил жизнь свою за Россию. Сотрудники же его, восстав на него и подрубив ветвь, на которой сидели, или погибли от рук бунтарей, с которыми вошли в союз, получив должное, или постыдно бежали»¹⁵⁵.

Фактически отрекся не Царь, а народ, Государь лишь констатировал этот факт. По такому же принципу канонизируются святые или возглашается анафема. Подвижник становится святым *до* канонизации, а еретик таковым *до* провозглашения анафемы. Церковь в лице Святейшего Синода или Патриарха лишь констатирует эти факты, в частности, закрепляя их юридически в рамках профанного времени. Собственно, это мало касается самого святого или богоотступника и имеет значение, прежде всего, для массы верующих как ориентир для спасения души или опасности на этом пути.

Далее, для более глубокого ответа на вопрос: «Что случилось?», попробуем до некоторой степени «окунуться» в мировосприятие Царя.

Еще при взрослении юный Наследник Николай Александрович постепенно понимал и принимал необходимость и обязанность Царского служения как свой крест, от которого нельзя было уйти или *отказаться*, служе-

ния уникального. Понимая, что он имеет практически неограниченную самодержавную власть от Бога, именно от Бога, а не от людей, Государь понимал и то, что и ответ ему придется держать одному. И ответ перед Богом. Этот огромный груз *личной* ответственности, принципиальную невозможность возложить бремя ответа на других, Император Николай II хорошо чувствовал.

Отречение от Престола — это не сдача должности. Это отречение от самого себя. В духовном аспекте — это отречение от своего креста, что можно оценить, как тяжкий грех. Ведь Господь Иисус Христос сказал: «Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее»¹⁵⁶.

Государь это отлично понимал. Изучение документов позволяет нам сделать вывод: никакие угрозы трусливых думцев, требовавших отречения, не могли бы сломить Царя. Даже, полагаем, потенциальным шантажом жизнью его Семьи. Слишком разный был у них «удельный вес». Они пеклись о земном, а Царь о небесном, они думали, как делить власть и деньги, а он — как отвечать перед Богом. Изучив по возможности и силам жизнь последнего Императора, полагаем, что решение об отречении, если оно и было принято в той или иной форме, скорее *de facto*, чем *de jure*, не было политическим решением или только им, а основывалось на религиозных взглядах Царя.

Повторимся. Как показала последующая история, из всех политиков России к 1917 году самым трезвым взглядом обладал Император. Его оппоненты не понимали последствий своих действий, и объяснить им это было уже невозможно. Тогда во мраке предательства и «затуманенных мозгов» даже своего ближайшего окружения он увидел Божию волю.

В связи с этим, нам кажется примечательной запись в дневнике Государя по поводу окончания Русско-японской войны. Она сделана 18 августа 1905 года: «Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что *так должно было быть!*» После принятия на себя Верховного главнокомандования в письме к Императрице 25 августа 1915 года Государь, в частности, отметил: «Слава Богу ! <...> Я здесь [в Ставке. — К.К.] с новой тяжелой ответственностью на своих плечах! *Но воля Господа должна быть исполнена.* Я чувствую такое спокойствие, какое испытываешь после Святого Причастия»¹⁵⁷.

Государь не сдался, а принял Божию волю, как приняли ее первые русские стратотерпцы князя Бориса и Глеба. Возможно, ключ к пониманию действий Царя — это христоподражательный поступок князей Бориса и Глеба. Они добровольно, без сопротивления, дали себя убить, и наследство их власти принял другой — князь Святополк, по позднему прозвищу «Окаянный», то есть нераскаянный. С определенной точки зрения в их поступке нет ничего героического: князья не сражались, а умоляли о пощаде, их не пощадили и убили.

В житии святых говорится, что Глеб, завидев посланных убийц, «воззрел на них скорбным взором, слезами лицо свое орошая, с сокрушенным сердцем, смиренным разумом и частым воздыханием, весь слезами обливаясь, а телом ослабевая, испустил жалостный голос свой: “Не обижайте меня, братья мои милые и дорогие! Не обижайте меня, ведь никакого зла я вам не причинил! Не трогайте, братья и господа, не трогайте! Какую обиду сотворил я вам и брату своему [Святополку], братья и господа мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему, а брату моему и господину. Пощади-

те юность мою, пощадите, господа мои! Вы мне будете господами, а я вашим рабом. Не пожните меня в жизни еще не созревшего, но млеко безлюбия налитого. Не срежьте лозу, еще не до конца выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и на вашу милость отдаюсь. Побойтесь сказавшего устами апостольскими: «Не будьте детьми умом, а на дело злое будьте как младенцы, умом же совершеннолетними будьте». Я же, братья, и безлобием и возрастом еще младенец. Это не убийство, но сырорезание! [то есть живодерство. — К.К.] Какое зло я сотворил, скажите мне, и тогда я не буду жаловаться. Если же крови моей насытитесь хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя”. И не единое слово не устыдило их, но словно звери свирепые схватили его. <...> И начал Глеб, преклонив колена, молиться так: “Прещедрый и премилостивый Господь! Слез моих не отвергай, но умилися на мое уныние. Узри сокрушение сердца моего: вот я убиваем, не знаю чего ради и за какую обиду не ведаю, Ты один ведаешь, Господи, Господи мой! Знаю слова Твои, сказанные апостолам: «За имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата передаст на смерть, и умертвят вас имени Моего ради». И еще: «В терпении вашем стяжаете души ваши». Узри, Господи, и суди: готова душа моя предстать перед Тобою, Господи”»^{45р}.

Вспомним, ведь не сопротивлялся и Христос. Когда Его пришли арестовывать, один из учеников Господа бросился на защиту и отсек ухо раба первосвященника: «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место. <...> Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как же сбудутся Писания, что так должно быть?»^{45р}.

Древняя Русь душой как-то прочувствовала этот тонкий момент связи князей-страстотерпцев со Христом. Жития и сказания о святых Борисе и Глебе пользовались устойчивой популярностью (сохранилось множество их списков)¹⁶⁰. Церковь закрепила это почитание: Борис и Глеб стали *первыми* святыми, канонизированными Русской Церковью. Россия XIX — начала XX века эту связь поступка князей со Христом, вероятно, уже бы не уловила.

Князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон, убийца Григория Распутина, в эмиграции писал о слабости Царя: «Весь жизненный путь Императора Николая II отмечен неумолимым роком. И не только на внешних событиях жизни и царствования Государя, но и на его душе как бы лежала печать обреченности. Могла ли у человека, смиренно покорившегося своей судьбе, развиться твердая воля и непреклонная решимость, не знающая колебаний и отступлений?»¹⁶¹.

Ответим: могла. Более того, **только так и могла**: в православном мирозерцании, где нет юсуповского «судьба», а есть «Бог». Согласие с волей Божией о себе требует огромного усилия личной воли. Вера в Бога — акт воли. Она доступна, по сути, лишь сильным и бесстрашным людям. А в добровольном, искреннем подчинении себя воле Божией и состоит весь труд подвижника для стяжания славы — богоподобного состояния, в православной терминологии — обожения.

Итак, на наш взгляд, отречение Царя следует или, по крайней мере, **можно рассматривать** в аспекте православного духовно-мистического делания для спасения души.

2 марта и позднее в Ставке, еще имея возможность «выторговать» себе у временщиков весьма многое, Государь не попросил буквально ничего. Простился с армией и уехал в свой дом. Охрана Александровского дворца сто-

яла напрасно, никто и не думал бежать (о желании Царя бежать нет ни малейших данных, в том числе со стороны Временного правительства и большевиков). Ничего Государь не просил и потом. Не требовал, не кричал, не высказывал обиды, не озлобился, не ответил ни на одно из тысяч прямых и косвенных оскорблений¹⁶². Выдержка его была фантастической (что отмечали многие, в том числе и враги Царя). Полагаем, что такое напряжение было невозможно без так называемого в православии «внутреннего делания», то есть культивирования мысли о смирении, принятии о себе воли Божией и молитвы о ниспослании сил на это испытание.

Во всех действиях Царя в предреволюционную эпоху и в дни изоляции, 28 февраля — 2 марта 1917 года, видна логика действий сильного, твердого и верующего человека, лишенного даже малейших намеков на какую-либо аффектацию или истерию. Уже на следующий день после отречения — 3 марта — в дневнике Государь отметил: «Спал долго и крепко», и 4 марта: «Спал хорошо»¹⁶³.

Можно задать вопрос: а как же Царь оставил на произвол судьбы верных себе людей? Ведь были и такие. А что же служивые: полицейские, городовые и многие из бывшей царской администрации, уже в марте пострадавшие из-за отречения, и многие до смерти? Не подумал о них Царь?

Царь подумал — он был с ними, разделил их участь.

Конечно, позднее Государь жалел об отречении от Престола, боль о жертвах разрывала его сердце, что так или иначе отражено в его дневниках, письмах, свидетельствах, общавшихся с ним лиц. Видя, что происходило с народом уже при Временном правительстве, а особенно при большевиках, трудно было этого не делать. И если бы знал, никогда не отрекся бы. Конечно, он предполагал другое

развитие событий, как собственно и **все остальные** действующие лица в истории с отречением. Если бы участники заговора против Царя знали свою скорую печальную судьбу, то стали бы его первыми защитниками.

Видя вокруг себя полное непонимание своих действий, Государь решил послужить России в другой ипостаси, не Царя, а «мирянина-праведника». По меткому выражению святого Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Царь стяжал, и не спасаются ли вокруг него тысячи сейчас? Царская семья для многих и осталась Царской, во многом образцом для подражания, и с ней соизмеряет свою жизнь немало людей. И ныне Царь является вождем своего народа, его небесным заступником.

Только народ этот сузился до «малого стада», Святая Русь ушла в Китеж-град...

– ЗДОРОВЬЕ ИМПЕРАТРИЦЫ –

Сила Божия в немощи совершается...¹⁶⁴

С начала XX века и вплоть до настоящего времени здоровье Императрицы Александры Федоровны нередко служит темой многочисленных спекуляций, и именно в связи здоровья Царицы с ее религиозностью. Поэтому полагаем нелишним рассмотреть этот вопрос особо. (В целом тема религиозности Императрицы рассмотрена нами выше в главах «Духовное становление Венценосцев» и «В заключении».)

Государыню *упрекают в том, что она болела*. Во время пребывания Императорской четы под арестом в Царском Селе, охрану «особенно раздражали ее [инвалидное] кресло и ее печальное выражение лица, и они громко ругали ее за то, что ее не *заставили ходить*»¹⁶⁵. В Тобольске подтрунивал над инвалидным креслом Государыни комиссар Временного правительства Василий Панкратов¹⁶⁶.

Но в болезненности упрекали Царицу не только революционные солдаты и «старые» большевики. Точнее, не они первыми стали это делать. Как акцентирует внимание коллектив авторов исследования «Медицина и Императорская власть в России»: «Слухи о физическом и психическом нездоровье императрицы целенаправленно использовались либеральными кругами для дискредитации императорской семьи. Начало [им] <...> было положено в *аристократических гостиных* еще накануне <...> 1905 г. <...>

С весны 1915 г. <...> начинает все активнее муссироваться в обществе тема психического нездоровья царицы. <...> Вбрасывая компромат в общественное сознание, <...> в эту <...> точку <...> либеральная оппозиция без устали была на протяжении почти двух лет. *Слухи из великосветских гостиных плавно перетекали в думские кулуары*, а уже затем, как абсолютная истина, распространялись по всей стране, подрывая престиж императорской семьи. <...> Принимать репрессивные меры или опровергать слухи царская семья считала ниже своего достоинства. Поэтому она, как ни странно, оказалась беззащитна перед ними»¹⁶⁷.

В массовом сознании известная набожность Царицы (что в другой раз было бы «в ее пользу») превращалась в *результат психического отклонения* и становилась поводом для критики. Это отметил еще генерал Дитерихс: «Почвой для особого распространения лжи о Царской Се-

мье была избрана именно ее религиозность. Здесь в этой области ложь была доведена до чудовищных размеров и совершенно непостижимо воспринята громадной массой <...> русского <...> общества»¹⁶².

Отказывают Императрице «в праве» на болезнь и многие современные историки, полагая, что она была «запрограммирована на страдание», то есть сама их провоцировала, следовательно, сама и виновата¹⁶³.

Что же было на самом деле?

Прежде чем ответить на этот вопрос, кажется необходимым сказать несколько слов о православном понимании болезни.

Болезнь — бич рода человеческого, в православной онтологии — следствие греха, как человечества в целом, так и в некоторых случаях, греха конкретных личностей, получивших это несчастье.

В идеале болезнь должна приниматься, как воля Божия, данная промыслительно для смирения и повода к покаянию, что на практике исполнить бывает крайне сложно.

Однако иногда болезнь или иные испытания посылаются подвижнику, как награда, которую он готов воспринять смиренно и обратиться к духовному самосовершенствованию. Так широко известно изречение святого XX столетия, врача, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого): «Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу»¹⁷⁰.

Более того, некоторые святые просили у Бога болезнь плоти или провоцировали ее, имея в виду ту же цель духовного роста. «Киево-Печерский патерик», приводит пример святого Иоанна Затворника, который, борясь с похотливыми мыслями, на длительное время зарыл себя по шею в сырую землю в пещере. (Вряд ли это способствовало оздоровлению организма отшельника, если брать во внимание сугубо физиологический аспект.)

Венценосная чета на горе Ай-Петри
(святой Петр) в Крыму. 1910

На даче в Петергофе. 1909

Так святой описывает свое борение: «И не знаю, чего только не делал я для своего спасения; по два, по три дня оставался без пищи, и так три года провел, часто и по целой неделе ничего не ел, и без сна проводил все ночи, и жаждою многою морил себя, и тяжкие вериги на себе носил, <...> которые с тех пор и доныне остаются на теле моем, и сушит меня холод и железо. Наконец прибег я к тому, в чем и нашел пользу. Вырыл я яму, глубиною до плеч, и, когда пришли дни святого поста, вошел я в яму и своими руками засыпал себя землей, так что свободны были только руки и голова, и так, под этим тяжким гнетом, пробыл я весь пост, не в силах шевельнуть ни одним суставом, но и тут не утихли желания плоти моей. К тому же враг-дьявол страхи разные наводил на меня, чтобы выгнать меня из пещеры, и ощутил я его злодейство. Ноги мои, засыпанные землей, начали снизу гореть, так что жилы скорчились и кости затрещали, потом пламень достиг до утробы, и загорелись члены мои, я же забыл лютую ту боль и порадовался душою, что она очистит меня от такой скверны, и желал лучше весь сгореть в огне том, **Господа ради**, нежели выйти из ямы той»⁴⁷¹.

Прошение болезни встречается и в наши дни. Так, близкая ученица известного реставратора и иконописца тайной монахини Иулиании (Марии Николаевны Соколовой; 1899–1981) свидетельствует, что Мария Николаевна «как-то поделилась <...> своим внутренним желанием, что ей хотелось бы перед смертью поболеть такой болезнью, чтобы особо себя приготовить к переходу в вечность, и жизнь показала, что Господь услышал ее молитвы и ее желание»⁴⁷². Монахиня действительно тяжело заболела, хотя до последних земных дней трудилась над образом Пресвятой Троицы, расположенным поверх входа в Святые ворота Троице-Сергиевой лавры.

И наконец, к теме приятия болезни (страдания, лишения) дозволительно отнести слово Господа: «Есть скопцы, которые из чрева матери родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит»¹⁷³. Термин «скопец» можно понимать, как персону, ограниченную в чем-либо, в частности, физически больную: от рождения, или от людей, или по собственной воле, ради достижения главной цели — спасения души.

Таким образом, даже если бы Императрица Александра Федоровна, имея в виду духовную цель, просила себе болезнь, чтобы научиться переносить страдание — в рамках православной аскетике, это был бы здравый поступок. Однако просить себе болезнь у Государыни, можно сказать, не было нужды, Бог сам послал ей достаточно испытаний еще до заключения под стражу.

Какими они были?

Во-первых, Императрица действительно была достаточно слабой в физическом отношении. У Царицы часто болело сердце, в разное время она страдала кардионеврозом, одышкой, неврастенией, лицевой невралгией, анемией, ушными болезнями (в 1903 году делали прокол барабанной перепонки), подагрой, болями в глазных яблоках, воспалением пояснично-крестцового нерва, дававшего болевые осложнения на спину и обе ноги, а также являвшегося причиной опухолевых образований в области таза. Поэтому с 18 лет она регулярно пользовалась инвалидной коляской, что не раз запечатлено на любительских фотографиях Царской семьи.

В 21 год Принцесса Алике в письме к жениху между строк замечала, что «одолела 38 ступенек, тяжело дыша», и далее: «Милый, сейчас я должна улетучиться, вернее

будет сказать про мои бедные хромые ноги, уползти»¹⁷⁴. Болевые ощущения не покидали ее всю жизнь. Например, в письме мужу в 1904 году Императрица отмечала: «Извини за то, что пишу карандашом, но я лежу на софе на спине, стараясь не двигаться. У меня были сильные боли, ночь прошла плохо, так как я просыпалась от каждого движения — удалось поспать один час на правом боку, потом утром, наконец, поспала побольше, лежа неподвижно на спине»¹⁷⁵. Любой, кто когда-либо защемлял себе нерв в районе копчика, прекрасно знает, насколько изнурительно ощущать эти боли постоянно и какой проблемой тогда может стать сон. В письме к детям в 1910 году Государыня вскользь пишет: «Скучно иметь маму-инвалида, но всех вас это учит быть любящими и мягкими»¹⁷⁶. Еще до замужества Аликс с определенным трудом становилась на колени в церкви и, в частности, беспокоилась, как выстаивать в России долгие службы. В письме к подруге юности в 1912 году Государыня вскользь замечает, что во время молитв подниматься с колен ей помогает семилетний Цесаревич¹⁷⁷.

Некоторые болезни Царицы имели невротическую основу, но говорить о ее психическом расстройстве нет фактических оснований. Подобные данные отсутствуют в архивах медицинской части Императорского двора (если бы таковые имелись, уже при советской власти их не пропустили бы опубликовать).

Конечно, едва ли не любая болезнь, помимо объективно-физиологического течения, имеет психосоматический характер: ведь в известном смысле все наши болезни вызваны состоянием ума, однако весьма трудно определить соотношение этих составляющих, как для сторонней персоны, так и для самого себя. Вероятно, в некоторых стрессовых ситуациях Государыня, нервничая, не была ис-

ключением и, как многие, «накручивала» себя. Проявляла нервозность, причем не на людях, а сдерживая свое состояние внутри.

Говорить о неврозах Императрицы может ее напряженное (или скажем так, страдальческое, серьезное) выражение лица, просматривающееся на некоторых любительских фотографиях. На официальных фотографиях Царица выглядела всегда безупречно, разве что не улыбалась (а вот на любительских улыбалась — и не раз).

Во-вторых, поводы нервничать у нее были. С детства и до последних дней Аликс (Александра Феодоровна) имела достаточно потерь и разочарований.

Посмотрим, как Царица переносила их, сделав ретроспективу событий.

Так сложилось, что мать Принцессы Аликс — Алиса вышла замуж вскоре после внезапной смерти отца, и радость свадьбы омрачилась¹⁷⁸. Позднее в Дармштадте мать Аликс много занималась благотворительностью, а во время войн организацией ухода за ранеными и подготовкой медсестер. В 1866 году Алиса в письме к матери, английской Королеве Виктории, четко сформулировала: «Жизнь дана нам для работы, а не для увеселений»¹⁷⁹, что стало жизненным кредо и для ее дочери Аликс.

Алиса, как впоследствии и Аликс, лично кормила детей грудью и активно занималась их повседневным воспитанием, что было совершенно не принято в аристократических семьях¹⁸⁰. Она родила семерых детей и много времени посвящала их религиозно-нравственному воспитанию. Учила с уважением относиться к страданиям бедных и больных, а также обязательной благодарностью за то, что делали для них другие. В английской прессе такой подход к воспитанию называли «неформальным»¹⁸¹. Все это воплотит в свою жизнь и Аликс.

В минуту отдыха... Петергоф. 1909

На яхте «Штандарт». 1909

С раннего детства Алике видела горе. Ее брат Фритти в возрасте трех лет умер от неизлечимого тогда заболевания — гемофилии. Через пять лет в 1878 году от дифтерии умерла любимая сестра Мей.

Менее чем через месяц в возрасте 35 лет скончалась мать Алике (будущей Императрице было тогда шесть лет). В 1892 году внезапно, в возрасте 54 лет, умер отец Алике Людвиг. Принцесса выходила замуж сиротой.

Выше мы говорили, что юная Алике опасалась: не станет ли перемена веры (необходимая при замужестве за Наследника Российского Престола) изменой Богу, и старалась досконально разобраться в богословии лютеранства и православия. Но еще она боялась так называемого проклятия Гессенского дома — гена гемофилии, передающегося через женскую линию в мужском потомстве. Алике, искренне любя Николая, не хотела становиться для него источником горя.

Но непростое решение было принято, и здесь они *вместе положились на волю Божию*.

Жених с невестой терпеливо переносили критику в свой адрес в течение пяти лет, отстаивая право на свою любовь.

Многие упрекали Царя, что он принял политически неверное решение: женился на болезненной особе из небольшого немецкого княжества, что давало мало выгод российской державе. Правильно ли поступил Царь в политическом отношении, мы не знаем, но Алике и Николай женились *по любви* (что, к слову сказать, было нонсенсом для членов Владетельных домов Европы). Но, полагаем, для духовной жизни, богоискательства жениться надо именно *по любви*.

После замужества Императрица *на протяжении 10 лет* выдерживала огромное психологическое давление

в связи с *обязанностью* родить именно мальчика — Наследника Престола. А рождались девочки. Сейчас для общества не существенно, кто родится в семье руководителя государства, но тогда Россия ждала Наследника, категорически требовала его.

Рождением девочек были разочарованы даже самые ближайшие родственники Царской четы с обеих сторон. Так, сестра Императрицы Великая княгиня Елизавета Федоровна писала Королеве Виктории: «Радость огромная и разочарование, что это девочка»¹⁶². Младшая сестра Государя Великая княжна Ксения Александровна в 1895 году (еще при рождении первого ребенка) отметила в своем дневнике: «Рождение дочери Ники и Аликс — большое счастье, хотя жалко, что не сын», а после рождения Великой княжны Анастасии записала: «Аликс чувствует себя отлично — но, боже мой! Какое разочарование!.. 4-я девочка»¹⁶³.

Когда одна за другой в Царской семье рождались особы женского пола, в обществе это суеверно воспринимали как «дурной знак». В нем расцветало «устойчивое настроенное разочарование»¹⁶⁴, а в аристократических кругах прямо злорадство (и «просчитывание» ситуации на переход Трона к другой ветке Великих князей).

Отметим, что роды Царицы проходили непросто. При первых родах Великой княжны Ольги схватки у Государыни продолжались почти сутки, были разрывы, младенца «тащили щипцами». При второй беременности врачи опасались выкидыша, поэтому по их рекомендации Императрица пролежала в постели, не вставая семь недель¹⁶⁵. После рождения четвертой девочки в Царской Семье случилось несчастье.

В конце 1901 года Государыня поняла, что ждет ребенка. В 1902 году начались соответствующие изменения в ее

В Александровском дворце. Царская спальня. Государыня за рисунком. На заднем плане: кровати, над ними иконы, Распятия, кресты разных форм, складни. 1910 или 1911

За шитьем и воспитательной беседой. Петергоф. 1909

В Итальянском дворике
Ливадийского дворца.
1910

В Ливадии. За балконом —
Крестовоздвиженская
церковь. 1909

фигуре. Государыня девять месяцев надеялась на рождение сына. Но только перед планируемыми родами Царица допустила осмотреть себя врачам, и стало очевидно, что «беременность прекратилась в ранней стадии развития плодового яйца» и оно «не более четырехнедельного развития»¹²⁶. Как установило врачебное расследование, в современной терминологии это была так называемая замершая (неразвитая) беременность — смерть плода или эмбриона при отсутствии выкидыша. (В такой ситуации весьма вероятен риск заражения матки и распространения инфекции, чего в случае с Государыней, слава Богу, не произошло.)

Случившееся тяжело отразилось на Императорской чете, а слухи о «непонятных родах» проникли в общество.

Переживания Государя видны из его дневников¹²⁷.

В 1903 году скоропостижно от брюшного тифа скончалась восьмилетняя племянница Царицы Елизавета Гессенская, что также дало повод к скорби.

В 1904 году, казалось, пришло великое утешение. Долгожданное рождение Цесаревича всколыхнуло страну. Даже за границей рождение Алексея «стало *самым обсуждаемым в столетии событием* в череде рождений в монарших семьях»¹²⁸.

Беременность прошла тяжело. И после разрешения от бремени Государыню постоянно посещали специалисты по женским болезням. Так, в период с 10 мая по 4 сентября 1905 года они приезжали в Царское Село и Петергоф более 90 раз, а всего за 1905 год помощь Царице была сопряжена со 125 визитами специалистов по акушерству и гинекологии¹²⁹.

Но не женские немощи стали для нее главным источником страданий. Мальчик родился больным гемофилией. Ее старшая сестра Ирэна ко времени рождения Цесаре-

вича Алексея уже родила двух детей, страдавших гемофилией, один из которых, четырехлетний Генрих скончался незадолго до рождения Наследника.

Представьте себе состояние женщины. Ее постоянно тревожит мысль: надо зачать мальчика, но именно мальчик, скорее всего, родится больным. Императрица знала, что может принести болезнь в свою семью *и годами молила Бога избавить ее от такой участи.*

Проведение рассудило по-своему. Долгожданный Наследник Престола Всероссийского родился неизлечимо больным.

Из-за возможного внутреннего кровоизлияния любая силовая игра, ссадина, синяк, ушиб могли быть для него смертельно опасными, не говоря уже о порезе. Ребенку было противопоказано любое хирургическое вмешательство. При этом родители старались, чтобы Наследник рос как обычный мальчик — бегал, прыгал, плавал. Можно предположить с каким трудом и волнением мать разрешала ребенку играть.

Длительное время тайну тщательно скрывали и от ближайших родственников, даже родной сестры и матери Царя⁴⁹⁰. Семья несла этот крест одна и нередко выходила на приемы, никак не выдавая своего расстройств, когда, порой, при острейших приступах болезни в соседствующей комнате, находясь между жизнью и смертью, лежал Цесаревич.

Наиболее известный случай, когда Наследник был при смерти, произошел 6–10 октября 1912 года в Спале (в Царстве Польском). Как писал Государь, «несчастный Маленький страдал ужасно, боли схватывали Его спазмами и повторялись каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днем, и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти

не мог, плакать тоже, только стонал и говорил: “Господи помилуй”»⁴⁹¹. Врачи полагали, что ребенок скончается. Сам мальчик ждал смерти как избавления, просил похоронить его в солнечный день и спрашивал: «Когда я умру, будет уже не больно, да ведь?»⁴⁹².

Тогда «даже физически крепкий Николай II не выдерживал страшного нервного напряжения, царившего в комнате умирающего наследника, и предпочитал уезжать на очередную охоту. А императрица постоянно находилась рядом с умирающим Алексеем [четыре ночи], и при этом ей необходимо было еще [днем] периодически появляться в обществе с улыбкой на лице. Чего ей это стоило, можно только догадываться. Император в письме к матери 20 октября 1912 года писал из Спалы: “*Она лучше меня выдерживала это испытание, пока Алексею было плохо, но зато теперь, когда, слава Богу, опасность миновала, она чувствует последствия пережитого и на бедном сердце это сказалось*”»⁴⁹³.

В критическое время болезни доктор Евгений Боткин писал своим детям: «Я не в силах передать Вам, что я переживаю... я ничего не в состоянии делать, кроме, как ходить около Него... ни о чем не в состоянии думать, кроме как о Нем, о его Родителях... Молитесь, мои детки... молитесь ежедневно, горячо за нашего драгоценного Наследника...»⁴⁹⁴. 9 октября для прессы были заготовлены объявления о критическом состоянии Цесаревича, готовились к его смерти.

10 октября чрез час после телеграммы Григория Ефимовича Распутина: «Бог воззрил на твои слезы. Не печалься. Твой сын будет жить. Пусть доктора его не мучают»⁴⁹⁵, боли Цесаревича прекратились, и он пошел на поправку. Это был не единственный случай, когда Наследник Престола умирал, а врачи теряли всякую надежду на лучший

исход. Тогда Цесаревича Алексея спасал сибирский странник Григорий Распутин (что было зафиксировано и разными свидетелями, и самими врачами)⁴⁹⁶. И вот в декабре 1916 года новый удар — единственный, кто мог спасти Ее сына, был убит.

После этого многие ожидали, что Царица чуть ли не сойдет с ума и уйдет с политической сцены. Но Царская семья просто и спокойно организовала скромные похороны, помолилась на панихиде и продолжила свой обычный жизненный распорядок. Для женской половины это была, прежде всего, работа в госпитале.

Можно отметить, что убийство Григория произошло в то время, когда Императрица говела в Рождественский пост. В день убийства, уже зная, что Распутин пропал и, вероятно, убит, она исповедовалась, а на следующий день, 18 декабря, причащалась.

Вскоре последовало отстранение Императора от Престола. Именно в то время, когда Государь в конце января 1917 года уехал в Ставку, а по пути откуда был задержан в Пскове, четверо детей в тяжелой форме заболели корью. У Великой княжны Татьяны корь, осложнялась отитом, у Великой княжны Ольги — отитом и плевритом. Был возможен летальный исход. Александровскому дворцу грозило нападение революционной черни. Местный гарнизон покинул Царское Село. Охрана и служащие дворца частью разбежались (остались только чины Собственного Конвоя, но они были малочисленны), связь с Императором отсутствовала, а до Царского Села доходили страшные слухи об отречении Царя. Было не ясно: жив ли ее муж и Государь?

Царица оказалась с детьми практически одна в огромном дворце без охраны. И в такой ситуации 2 марта Аликс писала Ники о болезни детей: «Бог послал ее, конечно, на благо»⁴⁹⁷.

Цесаревич и Великая княжна помогают убирать снег.
Царское Село. 1908 или 1909

Цесаревич. Царское Село.
Период 1909–1911

Свидетель происходившего, Княгиня Елена Петровна (урожденная Принцесса Сербская), отметила: «Мужество царицы было полно достоинства. Хотя у нее были мрачные предчувствия о судьбе ее царственного супруга и боязнь за своих детей, императрица поразила нас своим хладнокровием. Это спокойствие могло быть свойственно английской крови, которая текла в ее жилах. В эти трагические часы она ни разу не обнаружила слабости, и как мать и супруга она пережила в эти минуты все, что могла чувствовать мать и женщина. <...> Ее лицо останется навсегда выгравированным в моей памяти, т.к. в подобные часы человеческие существа показываются таковыми, каковы они есть...»⁴⁹⁸.

Потом были долгие месяцы заключения в Царском Селе, Тобольске.

Последнее испытание перед непосредственно мученичеством в Екатеринбурге, Императрица, как и вся Семья, перенесла в Тобольске. 25 апреля 1918 года приехавшим из Москвы комиссаром Яковлевым было объявлено, что увозят всю Царскую семью или Государя, с кем мог поехать кто-либо из членов Семьи⁴⁹⁹. Зачем и куда — не говорили. Это могло значить все, что угодно, вплоть до казни Царя. Незадолго до этого у Цесаревича случилось внутренне кровоизлияние в паху, отчего были повреждены почки. «Он ужасно страдал, плакал и кричал, все звал к себе мать», — свидетельствовал камердинер Царя Алексей Волков⁵⁰⁰. Ехать куда-либо Цесаревич не мог. Приступ гемофилии оказался тягчайшим, в любую минуту Наследник мог скончаться (Алексей не оправился от этого приступа и спустя несколько месяцев; в подвал Ипатьевского дома Государь нес его на руках).

Как мы писали в главе «В Тобольске», Императрица была поставлена перед выбором: оставить Государя или

больного ребенка? Тогда в своем дневнике она записала: «Ужасные страдания»⁵⁰¹. Камердинер Волков на следствии по убийству Царской семьи показал: «В то время она [Императрица] так убивалась, как она никогда не убивалась раньше. Я даже и сравнить не могу ее состояния при отречении Государя с этим ее состоянием в Тобольске, когда она решила оставить Алексея Николаевича и ехать с Государем. Там она была спокойна, а здесь она уже не могла сладить с собой и плакала, как она никогда не плакала раньше»⁵⁰².

Хотя решение Государыни поехать с Царем далось нелегко, оно было исключительно трезвым и духовно выверенным. В православной иерархии ценностей: прежде всего, служба Богу, затем — Родине, потом — семье. И Государыня, пожертвовав близостью к тяжелобольному ребенку, не оставила Царя, олицетворявшего Россию.

Итак, мы видим, что в непростых, переломных ситуациях Императрица никогда «не опускала руки», вела себя твердо, мужественно, а главное, вполне верно с точки зрения христианского мирозерцания. Весьма показательно, что когда Цесаревичу становилось хуже, визиты врачей к Государыне практически прекращались, ей становилось «не до себя». Начало Первой мировой войны и работа в госпитале также отвлекло Царицу «от проблем, связанных с состоянием ее здоровья. Большинство современников в один голос утверждали, что она стала гораздо более энергичной, внешний вид ее изменился в лучшую сторону»⁵⁰³.

Ее болезни, в том числе невротического характера, в итоге не превращались в истерику (ропот) или бездействие (уныние). Для духовного делания это весьма существенный аспект. Можно сказать, краеугольный.

Вполне определенным образом Императрицу характеризует воспитание детей. Поэтому дополнительно скажем

о нем еще несколько слов (мы касались этого вопроса на с. 86–97, 105–113). Няня Царских детей Александра Александровна Теглева при приеме на работу «была поражена простотой и даже строгостью воспитания девочек»⁵⁰⁴. Современный французский историк Даниэль Жирарден (в целом повторяя стереотипы советского восприятия Царской четы) все же особо отмечает: «Простодушие детей и строгость условий, в которых они жили, были удивительны»⁵⁰⁵. Простоту и невинность Великих княжон отмечали многие. Протоиерей Афанасий Беляев, исповедовавший их Великим постом 1917 года, в дневнике с некоторым удивлением записал: «Впечатление [от исповеди] получилось такое: Дай, Господи, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего Царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи — страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть им неведомых, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах»⁵⁰⁶. Также начальник охраны Царской семьи в Тобольске полковник Кобылинский отметил: «Все они [Великие княжны] были милые, простые, чистые, невинные девушки. Куда они были чище в своих помыслах очень многих из современных девиц-гимназисток даже младших классов»⁵⁰⁷.

В Царской семье одежда и обувь передавались от старших детей к младшим, спали сестры по двое в комнате на походных раскладных кроватях, обливались утром холодной водой, лично убирали свои комнаты, постоянно занимались рукоделием. Детей никогда не видели скучающими. Они оказывали искреннее и безусловное послушание отцу и матери.

Есть ли в таких плодах воспитания заслуга родителей, если учесть, что Государыня с младенчества занималась детьми лично? Очевидно, да. Может так воспитать детей «сумасбродная» мать? Очевидно, нет.

Дети были воспитаны идеально. Уже по одному этому обстоятельству о психопатии и неком нездоровом религиозном мистицизме Императрицы не может быть и речи, ведь *«по плодам их, узнаете их»*⁵⁰².

Александра Федоровна была прекрасной матерью. И прекрасной женой. Знакомясь с перепиской четы Романовых, Вы не встретите не только ни признаков психической неуравновешенности Царицы, но и *следа раздраженности супругов друг другом*, притом, что мнения их часто расходились, как в житейских, так и в политических вопросах⁵⁰⁹.

Однако Императрицу ее окружение в большинстве своем недолюбливало. В определенной степени — это стало почвой для появления, восприятия и распространения многочисленных слухов о ее психическом нездоровье; и «надо признать, что психологическое давление на императорскую чету было эффективным и принесло [определенным силам] политические дивиденды в феврале 1917 г.»⁵¹⁰.

Почему Российский двор как-то сразу не принял скромную, религиозно настроенную и несколько отстраненную немецкую Принцессу, не любившую балы, увеселения, публичность?

Невестка Государыни Великая княгиня Ольга Александровна вспоминала: «Даже в тот первый год [ее пребывания при дворе], я это хорошо помню, **стоило Алики улыбнуться — это называли насмешкой. Если же у нее был серьезный вид — говорили, что она сердита**»⁵¹¹. То есть происходило по слову Господа: «Кому уподоблю род сей? Он подобен детям, которые сидят на улице

и, обращаясь к своим товарищам, говорят: “мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам печальные песни, и вы не рыдали”»⁵¹².

Во время Первой мировой войны, Государыня, не смотря на свой статус Царицы, решила оказывать *личную непосредственную* помощь страждущим, как учил Христос, «не взирая на лица». Она с детьми трудилась рядовой сестрой милосердия по велению сердца. (Подробнее об этом см. на с. 104–113). Служба Царицы и Великих княжон не афишировалась, не носила пропагандистского характера, «освящаясь в печати крайне скупо»⁵¹³.

Казалось бы, благородное дело помощи раненым воинам могло найти положительный отклик в окружении Императрицы. Однако и это вызвало непонимание. Аристократии «пришлось не по нраву то, что женская часть царской семьи позволила себе сойти со своего пьедестала, утратила окутывающий их покров таинственности и недостижимости и, что еще хуже, что они соприкоснулись с нечистотой ран, увечьями и мужскими телами. Дамы приходили в ужас, узнав, что императрица даже стрижет ногти своим пациентам. Пренебрежительное отношение Александры к условиям светского этикета и церемониала, которое проявлялось в ее работе рядовой сестрой милосердия, было воспринято как “beau geste” — “дешевый способ снискать популярность”»⁵¹⁴.

Полагаем, что если бы Императрица не появлялась в госпиталях, ее объявили бы безразличной к судьбам раненых, больных, страждущих... судьбе России. Впрочем, и так объявили.

Почему же это случилось?

«Мирь» ее не принял.

Государыня стала «белой вороной», просто потому, что была, так сказать, практикующей верующей⁵¹⁵. Это раздра-

жало многих. Конечно, Царица вращалась в православной среде, но многие ли из нас главным в жизни полагают духовное делание? Многие ли занимаются им? А Государыня достигла в этом определенных результатов еще до мученического венца⁵⁶.

Каждая из сторон действовала по-своему последовательно и логично: мир искал свое, а Царица (при всех своих недостатках, какие, разумеется, были, но мы не можем здесь подробно разбирать ее биографию), пыталась как-то изменить свою душу в сторону исполнения Божиих заповедей. Как могла, училась духовному деланию, принимая страдания лекарством от самомнения, может быть не всегда в нужной дозировке.

Ее духовные искания и завершились логично.

В известной монографии, посвященной православному аскетизму, исследователь Сергей Михайлович Зарин, делает вывод: «Христианство, по самому своему существу <...> явилось торжеством <...> правды именно чрез победу, одержанную над <...> “правдою мира” путем терпеливого и самоотверженного перенесения страданий. “Мир” по своей непримиримой противоположности духу Христову, по своему решительному боговраждебному настроению и крайне эгоистическому, себялюбивому направлению, может относиться к его носителям не иначе, как только с решительною ненавистью и крайней враждебностью. Следствием такого именно отношения всего “мирского” ко Христу, Его делу и Его истинным последователям неизбежно явилось и являются страдания Христа и Его верных последователей. “Если мир вас ненавидит, говорит Христос своим ученикам, знайте, что Меня прежде Вас возненавидел; если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира..., потому ненавидит вас мир. <...> Если Меня гнали, будут гнать и Вас”⁵⁷. Стремление к усвоению

правды Христовой <...> неизбежно вызывает со стороны мира преследования, поношения и гонения. <...> В патристической письменности мученичество — в широком смысле — истолковывается, как принципиально-необходимое, общеобязательное христианское требование, всеобщий и всеобъемлющий подвиг христианского религиозно-нравственного совершенствования. <...> Пределом подвига, совершенного по любви ко Христу, должна быть смерть»⁵¹⁸.

С Государыней так и случилось.

С точки зрения православной мистики телесные немощи Царицы не помешали ей иметь здоровье духовное, и сделать свою жизнь примером здравого смысла.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Кровь невинно убиенных «вопиет от земли». Духовная катастрофа, случившаяся с Россией, персонифицированной в личности Царской семьи, пролегла «огненной чертой <...> через жизнь и сердце каждого из нас»⁵¹⁹.

Полагаем, что по восприятию убийства Царской семьи можно оценивать моральное состояние общества.

В 1920–1930-е годы убийство преподносилось как подвиг. В Ипатьевском доме устроили музей, где основным экспонатом была комната экзекуции Царской семьи. У расстрельной стены разрешалось сфотографироваться «на память». В музей в массовом порядке водили школьников. Фотографии Ипатьевского дома печатались во многих изданиях и на почтовых открытках. На последних подписи гласили: «Свердловск. б. дом Ипатьева, где был заключен

Венценовые сестры

Цесаревич

Государь с женой

и расстрелян Николай II и его семья. Ныне Музей Революции» или «Свердловск. Дом 6. Ипатьева, где была расстреляна семья Романовых», или особо глумливая: «Свердловск. Последний дворец последнего царя».

Недавно автор этой книги приобрел одну из таких открыток. На оборотной стороне письмо отца сынишке: «Миленький мой Женья, ты хочешь, чтобы я купил тебе живого Мишку, но, Женечка, живых Мишек в Свердловске не продают, я лучше привезу тебе хорошее ружье, будешь ты живых птичек стрелять. Твой папа». Эта открытка кажется символичной. Мальчики, воспитанные на посещении расстрельных комнат и стрельбе по живым птичкам уже в 1930-е годы могли попрактиковаться на соплеменниках.

Зло, закружив вихрем, разлилось вакханалией террора, кровавые волны которого катились по России до второй половины XX столетия. Плоды 1918 года мы пожинаем по сей день, и было бы странно думать, что преступления прошлых лет пройдут безнаказанно, без последствий для нас и грядущих поколений.

Царскую семью реабилитировали. Если жертвы реабилитированы, логично осудить убийц. Этого не наблюдается. Мы будем праздновать 100-летие мученичества Царской семьи и их слуг в государственной области, именованной в честь их убийцы, на улицах и станциях метро, названных в честь подельников преступления. Как это понять, и как это поймет современная молодежь, чему научится?

Ведь что мы имеем «в сухом остатке»? 17 июля 1918 года зверски, без суда и следствия в подвале Ипатьевского дома убили 11 персон: мужчину 50 лет, женщину-инвалида 46 лет, четырех девушек-девушечек, 17, 19 лет, 21 года, 22 лет, неизлечимо больного подростка-инвалида 13 лет, женщину 40 лет, мужчин 48, 53 и 62 лет.

Если мы в газете прочтем о подобном преступлении, совершенном в наши дни, разве у кого-то это может вызвать одобрение? А это была Царская семья со своими верноподданными.

Мы полагаем, надо осудить это убийство, отбросив *любые политические аспекты, «политические реалии»*, осудить убийство, как таковое — ясно и четко: с амвона церковного и государственным актом. Дай Бог России мужества признавать свои падения и не потерять покаяния. При всем том, что в годы революции и террора безвинно погибли сотни тысяч, миллионы лиц, Царская семья была не просто Семейей, она символизировала собой народ и страну. Поэтому почитание Царственных страстотерпцев, и шире новомучеников вообще, могло бы стать очистительной закваской для общества. Тем семенем, из которого может родиться смысл жизни, духовное обновление современной России.

Широко известно стихотворение Сергея Сергеевича Бехтеева «Молитва», отправленное автором Царской семье в Тобольск в октябре 1917 года. Это стихотворение, собственноручно переписанное Великой княжной Ольгой Николаевной, обнаружило следствие по убийству Царской семьи в одной из ее книг в Ипатьевском доме.

«Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство [Злодейства]⁵²⁰ ближнего прощать

По сообщению очевидца, графа Граббе, находясь в Ставке, Государь любил, размышляя, смотреть на церковь, расположенную на противоположной стороне реки Днепр. Храм едва различим по центру фотографии. 1916

СѢТЫЙ ЦРЬ

ЯЧ ННКОНІАН

И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья [униженья],
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный [смертный] час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов».

Государь попросил Великую княжну Ольгу Николаевну написать ответ и поблагодарить автора.

Сохранился фрагмент этого письма: «Отец просил передать всем тем, кто Ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за Него, так как он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь»⁵²¹. Сравните этот текст со строками Священного Писания: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне отмщение, Азъ воздам”. <..> Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»⁵²². Конечно, взойти на такую высоту восприятия мироздания, как Царь и его Семья, дано не многим. Так помолимся святым Царственным страстотерпцам, чтобы и нам, грешным, сподобиться достойного делания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступит. статья, прим. Л. Ф. Солощенко, Ю. С. Прокошина. М., 1991. С. 37.
- 2 Капков К. Г. Царский выбор: Духовный мир Императора Николая II и его Семьи. Последние священники при Царе. Вольная жертва. К 100-летию великомученического подвига Царственных страстотерпцев. Село Белянка; М.; Ташкент; Вятка: Летопись, Буквица, 2016. — 1300 экз.
- 3 Письма Царицы Александры Федоровны подруге юности Тони Беккер-Брахт / сост., предисл., комм. Л. Хоффманн-Кунт; пер. с нем. Е. А. Копыловой. СПб., 2013. С. 110.
- 4 Дневники Императора (полное наименование см. на с. 343). Т. 2. Ч. 2. С. 252.
- 5 Там же. Т. 1. С. 565.
- 6 РГИА. Ф. 516. Оп. 2. Д. 309. Л. 57 об., 61 об.; Оп. 1 доп. Д. 19. Л. 9, 11 об.
- 7 Раппапорт (полное наименование см. на с. 343). С. 129.
- 8 О литургическом статусе Царя говорится на с. 246–254.
- 9 Переписка (полное наименование см. на с. 343). С. 620.
- 10 Дневники Императора. Т. 1. 330.
- 11 Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 78.
- 12 Августейшие сестры милосердия (полное наименование см. на с. 343). С. 233.
- 13 Переписка. С. 325. См. также: Августейшие сестры милосердия. С. 40, 98, 108.
- 14 Переписка. С. 333. См. также: С. 431, 796.
- 15 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 268.
- 16 Учитель Цесаревича Алексея (полное наименование см. на с. 343). С. 49, 523.
- 17 Дивный свет (полное наименование см. на с. 343). С. 370.
- 18 Там же. С. 241, 384.
- 19 Здесь и далее фразы в цитатах полужирным или курсивом выделены автором, если это не оговорено особо.
- 20 Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России. Записки-дневники // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 3. С. 58. Цит. по изд.: Дневники (полное наименование см. на с. 343). Т. 1. С. 266.
- 21 ГА РФ. Ф. 10243. Оп. 8. Коробка 1. Папка 6. Л. 6.
- 22 Цит. по изд.: Дневники. Т. 2. С. 462.
- 23 Цит. по изд.: Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 349.
- 24 Kelly Marie Noele. Mirror to Russia. London, 1952. P. 178. Ссылка Хелен Раппапорт.
- 25 Раппапорт. С. 22–23, 25. Подробнее см. в изд.: Яковлев В. И. Александровский дворец–музей в Детском селе. Убранство. Л., 1928.
- 26 Беляев, Афанасий Иванович, протоиерей (1845–1921). О его роли в жизни Царской семьи и биографические сведения об отце Афанасии см. в изд.: Царский выбор (полное наименование см. на с. 343). С. 274–280, 557–560.
- 27 Дневник протоиерея (полное наименование см. на с. 343). С. 355.
- 28 ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 8. Д. 180. Л. 83.

- 29 Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005. С. 283, 285.
- 30 Там же. С. 284.
- 31 Дневники Императора. Т. 1. С. 255.
- 32 Там же. С. 272–273.
- 33 Переписка. С. 228, 230, 243; Августейшие сестры милосердия. С. 126.
- 34 Зимин И. В. Царская работа. XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 521–523. См. так же: ГА РФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- 35 Учитель Цесаревича Алексея. С. 522.
- 36 Дневник протоиерея. С. 351–359.
- 37 Завершая экскурс о посте, скажем: постная дисциплина для «суровых» монахов и мирян — прихожан сельских и городских храмов, по логике, конечно, должна быть разная. Однако здесь (как и в вопросе о приходском уставе) и до нашего времени священноначалием не выработано никаких правил. Получается, что все должны ориентироваться на древнейший монашеский устав, делая себе послабления с разрешения духовника или по собственному разумению. Особенно смущает верующих Петров пост, приходящийся на разгар лета и продолжающийся от двух недель до полутора месяцев (в зависимости от времени празднования Пасхи). До 1917 года он лежал тяжелой ношей на плечах, прежде всего, крестьян. Вопрос о его послаблении обсуждался на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1917–1918 годах, но решения принять не успели. В наше время за полную отмену Петрова поста для мирян выступал авторитетнейший иерарх — сербский патриарх Павел, предлагая обсудить этот вопрос на Вселенском православном соборе. Но пока Петров пост продолжает лежать неудобоваримой ношей на плечах большинства верующих. Ныне его соблюдает значительно меньшее число лиц, чем Великий или Успенский пост, а некоторые миряне соблюдают Петров пост частично. Важно сказать, что Петров пост первоначально предназначался только для тех, кто по какой-либо причине не смог соблюсти Великий пост. Таким лицам община разрешала причащаться на Пасху ради особой важности и святости праздника, но обязывала «отпоститься» после Вознесения Господня как бы «задним числом». Другим этот пост был не нужен. На наш взгляд, было бы разумно вернуться к ранней практике и теперь, оставив обязательным Петров пост только в монастырях в честь традиции. Заметим, что Государь не только не соблюдал этот пост (за редким, надо полагать, исключением, когда в 1915 году он постился неделю перед праздником святых апостолов Петра и Павла), но и как говорилось выше, не посещал церковь в данный праздник, кроме тех дней, когда он приходился на воскресенье.
- 38 Переписка. С. 227.
- 39 Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 426.
- 40 Дневники Императора. Т. 1. С. 656 и др.
- 41 Августейшие сестры милосердия. С. 126, 127.
- 42 Дневники Императора. Т. 1. С. 582.
- 43 Там же. С. 714.
- 44 Васильев, Александр Петрович, протоиерей (1868–1918), духовник Царя в предреволюционный период. О его роли в жизни Царской семьи и биографические сведения об отце Александре см. в изд.: Царский выбор. С. 253–266, 555–557.
- 45 Переписка. С. 564.
- 46 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 280.
- 47 Августейшие сестры милосердия. С. 169, 170.
- 48 Иеросхимонах Симеон (Стефан Лаврентьевич Толмачев) был родом из курских дворян, закончил 1-й Пажеский корпус. На 37-м году жизни в чине подполковника оставил военную службу и поступил в Саровскую обитель, что было по тем временам уникальным явлением. В 1903 году, узнав, что у него желает исповедоваться сам Царь, отец Симеон очень взволновался, но приступил

- к исповеди после благословения ответственного за проведение Саровских торжеств епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева). См.: Серафим Саровский и Дом Романовых // Календарь. 2004. № 8; Сергий (Тихомиров), архим. Письма из Сарова 13–22 июля 1903 г. СПб., 1903; Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 114.
- 49 Никон (Рождественский), епископ. Саровская «Пасха». Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1904. Цит. по изд.: Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 120.
- 50 Подробно об этих встречах и личности Григория Распутина см. в изд.: Царский выбор. С. 90–122, 202–204.
- 51 Старую русскую традицию в пасхальную ночь воздерживаться от причащения мирянам поддерживают и некоторые современные иерархи, например, митрополит Новосибирский и Бердский Тихон (Емельянов). Вообще в вопросах: как часто причащаться, причащаться ли в пасхальную ночь, поститься ли и сколько времени перед причастием на Светлой седмице и т.д., — нет единого мнения и единой практики. См.: Церковный вестник. 2006. № 9. Май. С. 12.
- 52 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 1. С. 670.
- 53 Цит. по изд.: Раппапорт. С. 260.
- 54 Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2005. С. 879.
- 55 Там же. С. 880.
- 56 Раппапорт. С. 25, 65.
- 57 Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX века. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 55.
- 58 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 1. С. 521, 527–528, 790.
- 59 Переписка. С. 699, 701, 703; Августейшие сестры милосердия. С. 203.
- 60 Переписка. С. 868.
- 61 Там же. С. 26–27.
- 62 РГАИ. Ф. 806. Оп. 1. Д. 1624. Л. 3.
- 63 Дневники Императора. Т. 1. 382.
- 64 Яковлев И. А. Александровский дворец-музей в Детском Селе. Убранство. Л., 1928. С. 146, 148. Ссылка дается по изд.: Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: Краткий исторический справочник. СПб., 2007. С. 86.
- 65 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 1. С. 704.
- 66 В 1912 году она была передана в Москву в музей войны 1812 года. Подробнее см.: Речменский А., свящ. Походная церковь Императора Александра I. М., 1912; Миловидов А. И. Виленская придворно-походная Александро-Невская церковь Императора Александра I. По архивным материалам. Вильна, 1912.
- 67 Речменский А., свящ. Походная церковь Императора Александра I. М., 1912. С. 9, 10.
- 68 Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: Краткий исторический справочник. СПб., 2007. С. 88.
- 69 Переписка. С. 21, 242, 303, 311, 317, 324, 325, 329, 393, 398, 406, 407, 465, 543, 550, 553, 583, 599, 688, 788, 832, 835, 870, 877, 878, 879.
- 70 Там же. С. 835.
- 71 Августейшие сестры милосердия. С. 46, 50, 104, 198.
- 72 Письма святых (полное наименование см. на с. 343). С. 143.
- 73 Русский городок Царского Села — Китеж XX века / сост. Н. Н. Королев, Ю. В. Шабаров. СПб.: Царское Село, 2011. С. 122.
- 74 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 14.
- 75 Илл. см. в изд.: Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Вып. I. [Другие выпуски не вышли из печати.] Пещерный храм во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца. М., 1915. С. 31, 36, 52.
- 76 Можно отметить, что близкий друг Царской семьи Анна Вырубова (в эмиграции — монахиня Мария) после перенесенной железнодорожной аварии на средства, выплаченные ей по страховке, организовала в Царском Селе лазарет-убежище и постройку

- при нем деревянной церкви в честь преподобного Серафима Саровского. Сразу же после Февральского переворота в марте 1917 года недостроенные лазарет и храм были разобраны местными жителями на дрова.
- 77 Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Вып I. [Другие выпуски не вышли из печати.] Пещерный храм во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца. М., 1915. С. 50.
- 78 Письма святых. С. 38.
- 79 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 268. Отметим, что чины Конвоя, с кем молился Государь, не оставили Императорскую семью в первых числах марта 1917 года, до тех пор пока объективно могли ее хоть как-то охранять в Александровском дворце, и ушли по просьбе Императрицы. Фактически предал Семейно начальник Конвоя граф Граббе, одним из первых приближенных покинув Императора. Есть сведения, что есаул Конвоя Принц Риза-Кули-Мирзе, азербайджанец, принявший православие, в 1918 году приезжал в Екатеринбург, пытаясь выяснить положение Царской семьи. Большевистская идеология оказалась органически чужда чинам Конвоя. В Гражданскую войну «конвойцы» боролись с красными в Вооруженных силах Юга России, а позднее эмигрировали на Балканы. В 1941–1945 годах чины Конвоя служили в 1-м Казачьем полку Русского корпуса в составе войск Вермахта, самоотверженно сражаясь с югославскими коммунистами. В массе своей «конвойцы» избежали участи насильственной репатриации в СССР. После 1945 года, сохраняя определенную воинскую организацию (под наименованием: Дивизион Собственного Его Императорского Величества конвоя) обосновались, главным образом, в США и Латинской Америке, сохраняя на чужбине очаги русской культуры и православия. Подробнее см.: Галушкин И. В. Собственный Его Императорского Величества конвой. Сан-Франциско, 1961. 2-е изд. М., 2004; Ключков Д. А. «Отличные храбростью...». Собственный Его Императорского Величества конвой, 1829–1917. История, обмундирование, вооружение, регалии. СПб., 2007; Волков С. В., Стрелянов (Калабухов) П. Н. Чины Русского корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009.
- 80 Мосолов А. А. При дворе последнего Императора. СПб., 1992. С. 105–106.
- 81 Письма святых. С. 262.
- 82 Кедринский, Николай Григорьевич, протоиерей (1853–1935), духовник Царя в предреволюционный период. О его роли в жизни Царской семьи и биографические сведения об отце Николае см. в изд.: Царский выбор. С. 243–253, 551–555.
- 83 Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Вып I. [Другие выпуски не вышли из печати.] Пещерный храм во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца. М., 1915. С. 95.
- 84 В здании госпиталя также располагалась верхняя церковь, освященная в 1852 году в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости».
- 85 Августейшие сестры милосердия. С. 336.
- 86 Вестник Царкосельского района: Журнал, посвященный вопросам лечения, эвакуации и призерия раненых воинов. 1916. № 9. С. 8–9.
- 87 Августейшие сестры милосердия. С. 129.
- 88 Там же. С. 162–163.
- 89 Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: Краткий исторический справочник. СПб., 2007. С. 86. С. 253.
- 90 Дневники Императора. Т. 1. С. 690.
- 91 Там же. Т. 2. Ч. 2. С. 51.
- 92 Там же. Т. 1. С. 292.
- 93 Если же женщина короновалась не в статусе жены монарха, а как абсолютный монарх, соблюдались правила Священной Коронации мужчины. Так, на своей Коронации Императрица Екатерина II не только входила в алтарь, но и причащалась, как священнослужитель: раздельно Кровью и Телом Христовыми. Сохранилась гравюра, изображающая этот акт. См., например, изд.: Думин С. В. История коронаций. М., 2013. С. 275.
- 94 Дневники Императора. Т. 1. С. 527.

- 95 Там же. С. 297, 547, 609, 792; Т. 2. Ч. 1. С. 473; Т. 2. Ч. 2. С. 9, 75; Августейшие сестры милосердия. С. 179.
- 96 Русские храмы и обители в Европе / авт.-сост. В. В. Антонов, А. В. Кобак. СПб., 2005. С. 80–83; Митрофанова А. Храм, который строили святые. История русской церкви в Дармштадте, на родине двух православных святых // Фома. 2013. № 4. С. 94–96.
- 97 Из письма Принцессы Гессен-Дармштадтской Аликс своему жениху Цесаревичу Николаю Александровичу. См.: Дивный свет. С. 102.
- 98 Дивный свет. С. 57.
- 99 Там же. С. 105, 111.
- 100 Там же. С. 75.
- 101 Там же. С. 79.
- 102 Там же. С. 86, 153, 157, 160.
- 103 Там же. С. 177, 178.
- 104 Письма Царицы Александры Федоровны подруге юности Тони Беккер-Брахт / сост., предисл., комм. Л. Хоффманн-Кунт; пер. с нем. Е. А. Копыловой. СПб., 2013. С. 95.
- 105 Переписка. С. 569.
- 106 Ин. Гл. 6. Ст. 54, 56–58.
- 107 Пс. 68. Ст. 10.
- 108 Учитель Цесаревича Алексея. С. 76. См. также с. 472, 522.
- 109 Мосолов А. А. При дворе последнего Императора. СПб., 1992. С. 105–106.
- 110 Дневники Императора. Т. 1. С. 521.
- 111 Предварительное следствие (полное наименование см. на с. 343). С. 134.
- 112 Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. С. 431–433. Курсив М. К. Дитерихса.
- 113 Дивный свет. С. 16.
- 114 Заметим, что в конце XIX – начале XX века между инициативной группой англиканских духовных лиц и представителями Русской Православной Церкви велись переговоры богословского и церковно-юридического характера о вхождении Англиканской Церкви (разумеется, с переменной определенных догматических положений последней) в юрисдикцию Русской Православной Церкви. Ныне, после введения в англиканстве женского епископата (нетрадиционной ориентации) этот вопрос совершенно потерял актуальность.
- 115 Дивный свет. С. 617, 624, 631, 637, 638, 647, 649.
- 116 ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 320. Л. 9.
- 117 Дивный свет. С. 358.
- 118 Там же. С. 365.
- 119 Там же. С. 369.
- 120 Там же. С. 385.
- 121 Всего в Государственном архиве Российской Федерации сохранились три довольно объемные тетради с записями религиозного содержания, принадлежавшие Великой княжне Ольге Николаевне, одна объемная тетрадь Великой княжны Татьяны Николаевны (в архивной описи она ошибочно описана как «Дневник за 1917 год») и одна маленькая брошюра Великой княжны Марии Николаевны (в описи ошибочно обозначена как «Изречения из Закона Божия»). Заметки Великой княжны Анастасии Николаевны не сохранились.
- 122 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 21. Л. 2–3.
- 123 См., например, изд.: Макарий (Миролюбов), архиеп. Слова и речи. 2-е изд., СПб., 1891.
- 124 См., например, изд.: Анатолий (Мартыновский), архиеп. Слова и беседы на праздничные, воскресные дни и по разным случаям. В 5 ч. СПб., 1853–1866; Он же. Покаянные воздыхания. 2-е изд., Кишинев, 1861; Он же. Вера, надежда и любовь. 5-е изд. М., 1867.
- 125 См., например, изд.: Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи. В 5 т. М., 1873–1885.
- 126 См., например, изд.: Евсевий (Орлинский), архиеп. Беседы о христианской свободе. СПб., 1864; Он же. Утешение в скорби и болезни. 3-е изд. М., 1879.
- 127 Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года / [соч.] гр. П. А. Валуева. СПб., 1884.
- 128 Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 303; Т. 2. М., 1957. С. 63.

- 129 О подражании Христу / пер. с лат. К. П. Победоносцева. СПб., 1870.
- 130 A Journey Through Christian Theology by William P. Anderson and Richard L. Diesslin, 2000. P. 98. Ссылка дается по URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 10.04.2013).
- 131 ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 320. Л. 1, 35 об.
- 132 Там же. Л. 5 об., 7 об., 9 об.
- 133 ГА РФ. Ф. 685. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
- 134 Цит. по изд.: Дивный свет. С. 365.
- 135 Письма святых. С. 235, 238.
- 136 Там же. С. 261.
- 137 Там же. С. 272.
- 138 Там же. С. 284.
- 139 Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени // О себе и жизни своей. М., 1990. С. 579.
- 140 Августейшие сестры милосердия. С. 166, 167, 174.
- 141 Там же. С. 446.
- 142 Предварительное следствие. С. 117.
- 143 Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. С. 431.
- 144 Августейшие сестры милосердия. С. 122.
- 145 Там же. С. 40, 48, 124 и др.
- 146 Там же. С. 122.
- 147 Предварительное следствие. С. 148.
- 148 Росс Г. Н. Гибель (полное наименование см. на с. 343). С. 310.
- 149 Предварительное следствие. С. 116–117, 118.
- 150 Дивный свет. С. 400–401.
- 151 Медицина и Императорская власть (полное наименование см. на с. 343). С. 224; Мейнулас А., Мироненко С. Николай и Александра. М., 1998. С. 371.
- 152 Дивный свет. С. 255; Августейшие сестры милосердия. С. 259.
- 153 Августейшие сестры милосердия. С. 86.
- 154 Там же. С. 46–47, 73, 74, 117, 118, 119, 122, 207, 228.
- 155 Там же. С. 67, 111, 176–177.
- 156 ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 309. Л. 64. В публикации этой телеграммы Олегом Платоновым есть ошибка (и отсюда она перекочевала в интернет). Конец телеграммы приведен так: «враги играют». (См.: Платонов О. А. Жизнь за царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1999. С. 540). К сожалению, это одна из многих неточностей в опубликованных текстах Распутина.
- 157 Августейшие сестры милосердия. С. 76.
- 158 Там же. С. 47, 155.
- 159 Там же. С. 61.
- 160 Там же. С. 42, 53.
- 161 Там же. С. 91.
- 162 Там же. С. 146.
- 163 Дивный свет. С. 269.
- 164 Письма святых. С. 38.
- 165 Цит. по изд.: Раппапорт. С. 471, 472.
- 166 Подробнее см.: Предварительное следствие. С. 397, 398, 405–408.
- 167 Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. Берлин, 1925. С. 206.
- 168 Светильник. 1914. № 9. С. 29–34. Ссылка дается по изд.: Августейшие сестры милосердия. С. 460.
- 169 Дивный свет. С. 171.
- 170 Переписка. С. 426.
- 171 Письма святых. С. 32.
- 172 Там же. С. 214.
- 173 Там же. С. 162.
- 174 Там же. С. 178.
- 175 Там же. С. 174.
- 176 Дивный свет. С. 549.
- 177 Августейшие сестры милосердия. С. 165, 223.
- 178 Юровский Я. М. Слишком все было ясно для народа. Исповедь палача // Источник. 1993. Цит. по изд.: Дневники. Т. 2. С. 513.
- 179 Предварительное следствие. С. 427.
- 180 О терпении скорбей. Учение святых отцов, собранное епископом Игнатием Брянчаниновым. СПб., 1893.
- 181 Письма святых. С. 407.
- 182 Платонов О. А. Жизнь за царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1999. С. 510.
- 183 Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. Берлин, 1925. С. 267.

- 184 Царскосельская икона Божией Матери «Знамение» наряду с иконами «Казанская» и «Федоровская» была особо почитаема у династии Романовых. Этот образ доставили из Константинополя в середине XVII века в дар Царю Алексею Михайловичу, а Императором Петром I он был перенесен из Москвы в Санкт-Петербург. Государыней Елизаветой Петровной чудотворная икона была украшена окладом в 11 кг чистого золота, а позднее и другими драгоценностями, пожертвованными членами Императорского дома. В 1922–1923 годах оклад был разорен большевиками, а в период 1934–1941 годов из храма изъяли и саму святыню. Ее местонахождение до сих пор не известно. Подробнее см.: Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: Краткий исторический справочник. СПб., 2007. С. 524–536.
- 185 Сперанский, Иоанн Федорович (25.05.1850–1920?). В 1873–1884 годах — священник 13-го Уланского Владимирского полка, в 1884–1891 годах — священник Лейб-гвардии 2-го Стрелкового батальона, в 1891–1913 годах — священник Лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, в 1913–1920 годах — настоятель церкви Императорского Царскосельского Дворца. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов находился на театре военных действий и, исполняя пастырские обязанности, «был в перестрелках под огнем неприятеля». Подробнее см.: РГИА. Ф. 805. Оп. 1. Д. 2986. Л. 363 об. — 371 об.
- 186 Правда, при отъезде Государя из Царского Села в Тобольск 30 июля 1917 года отец Сперанский пришел во дворец, сопровождая ту же чудотворную икону «Знамение». См.: Дневник протоиерея. С. 349, 374.
- 187 Сохранились записки отца Беляева, несколько раз публиковавшиеся в 1990–2000 годах под заглавием: «Дневник протоиерея А. И. Беляева». Заметки эти действительно построены в форме дневника, но сопоставление их содержания и данных о службе священника говорит о том, что некоторые записки были сделаны отцом Беляевым несколько позднее описываемых им событий. По всей видимости, текст, что мы имеем, был составлен на основе прежних записей по скорым следам кем-либо из детей или близких протоиерея под редакцией отца Афанасия. Впрочем, это никак не влияет на ценность их содержания. Благодаря воспоминаниям отца Беляева и дневниковым записям самих Венценовцев, мы имеем довольно цельную картину богослужений во время пребывания Царской семьи в Александровском дворце. Оригинал записок хранится в Государственном архиве Российской Федерации: Ф. 601. Оп. 1. Д. 2077. Л. 1–28 об.
- 188 Подробнее об этом см. в изд: Царский выбор. С. 264–265.
- 189 В частности, в предвоенные и военные годы отец Беляев освящал храмы, устроенные в Царском Селе попечением Императорской семьи: в здании Дворцового госпиталя, в Царскосельском Доме для призрения увечных воинов и в Царскосельской общине сестер милосердия Общества Красного Креста. Церковь на Братском кладбище отец Афанасий освящал в сослужении с духовником Императорской семьи отцом Васильевым, с кем также служил при закладке церкви Серафимовского лазарета-убежища Анны Александровны Вырубовой. См.: Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: Краткий исторический справочник. СПб., 2007. С. 176, 187, 195, 236, 242.
- 190 Дневник протоиерея. С. 349, 350.
- 191 Дневники. Т. 1. С. 350, 352.
- 192 Дневник протоиерея. С. 366.
- 193 Письма святых. С. 50–52.
- 194 Нагорный Климентий Григорьевич, украинец, святой мученик Климент (род. в 1887 году в селе Пустоваровка Киевской губернии), матрос Гвардейского экипажа, плавал на Императорской яхте «Штандарт». Добровольно последовал с Царской семьей в Тобольск и Екатеринбург. 28 мая 1918 года был взят из Ипатьевского дома в тюрьму и вместе с матросом Иваном Дмитриевичем Седневым

- расстрелян 1 июля того же года в окрестностях Екатеринбурга. Канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 году.
- 195 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 298.
- 196 Там же. С. 300–302.
- 197 Первый том этой работы вышел в 1913 году, а последующие два тома уже после революции.
- 198 Дневники. Т. 1. С. 572.
- 199 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 131.
- 200 Софья Буксгевден в своих воспоминаниях ошибается, что первая служба состоялась в Вербное воскресенье 8 апреля (нового стиля). См.: Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 295.
- 201 Подробнее о нем см. в изд: Царский выбор. С. 424, 569–571.
- 202 Дневник протоиерея. С. 353.
- 203 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 295.
- 204 Письма Императрицы Александры Федоровны к графине Анастасии Васильевне Гендриковой за 1912–1918 гг. М., 2001. С. 35.
- 205 Письма святых. С. 70.
- 206 Дневник протоиерея. С. 351.
- 207 Там же. С. 364.
- 208 Там же. С. 366–367.
- 209 Чеботарева В. В дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 — 5 января 1918 г. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1991. Кн. 182. С. 221, 224. Цит. по изд.: Дневники. Т. 1. С. 452, 475.
- 210 Письма святых. С. 54.
- 211 Дивный свет. С. 193.
- 212 Письма святых. С. 48.
- 213 Два дневника святой мученицы и страсотерпицы Царицы Александры о значении семьи и о семейной жизни. Сад сердца. Духовный дневник. М., 2004. С. 38; Государыня Императрица Александра Федоровна Романова. Слова добрые. М., 2006. С. 7, 8; Дивный свет. С. 299–301.
- 214 Дневник протоиерея. С. 370.
- 215 Там же. С. 371.
- 216 Там же. С. 372–373.
- 217 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 289.
- 218 Там же. С. 295.
- 219 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 302.
- 220 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 296.
- 221 Дневник протоиерея. С. 355.
- 222 Там же. С. 356.
- 223 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 297–298.
- 224 Дневники. Т. 1. С. 448.
- 225 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 300–302.
- 226 Дневник протоиерея. С. 353.
- 227 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 297.
- 228 Там же. С. 295–296.
- 229 Дневник протоиерея. С. 365.
- 230 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 296.
- 231 Дневник протоиерея. С. 374.
- 232 Там же. С. 376.
- 233 Из письма Императрицы Александры Федоровны от 26 января 1918 года. См.: Письма святых. С. 230.
- 234 Из письма Императрицы Александры Федоровны от 20 декабря 1917 года. См.: Письма святых. С. 169.
- 235 Об участии в жизни Царской семьи тобольского владыки — священномученика Гермогена (1858–1918) см. в изд.: Царский выбор. С. 318–319, 326–343.
- 236 Росс Г. Н. Гибель. С. 295.
- 237 Монастырь был учрежден в 1783 году на месте Абалакского прихода по повелению Императрицы Екатерины II. В 1923 году последний наместник монастыря архимандрит Аркадий (Гусев) оказал сопротивление изъятию церковных ценностей, за что был осужден, а в 1937 году — осужден повторно и расстрелян. Обитель была закрыта в 1924 году. На ее территории разместили пересыльный лагерь НКВД. В 1992–1994 годах оскверненный и порушенный

- ансамбль монастыря передали Тобольско-Тюменской епархии.
- 238 По уставу обедницу служат в будничные дни Великого поста, где она называется: изобразительны. Если обедницу служит священник, он может причащать запасными Святыми Дарами.
- 239 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 139.
- 240 Письма святых. С. 184.
- 241 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 153; Росс Г. Н. Гибель. С. 228.
- 242 Росс Г. Н. Гибель. С. 229.
- 243 Благовещенская каменная церковь была построена в середине XVIII века. Центральный престол освящен в память Благовещения Пресвятой Богородицы, приделы — в честь святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских; великомученицы Екатерины; великомученика Мины Котуанского (под колокольней). В январе 1930 года церковь была закрыта, а в 1956 году разрушена до основания. К храму была приписана часовня на Пляц-Парадной площади, освященная в 1887 году в честь святого Великого князя Александра Невского, в память Царя-мученика Александра II, в свое время посещавшего Тобольск. Часовня сохранилась до наших дней.
- 244 Отношения Царской семьи со священнослужителями в Тобольске и биографические сведения о тобольском духовенстве подробно освещены в изд.: Царский выбор. С. 281–366, 560–565.
- 245 Дневники. Т. 2. С. 360.
- 246 Панкратов В. С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 19.
- 247 Письма святых. С. 167.
- 248 Росс Г. Н. Гибель. С. 295.
- 249 Дневники. Т. 2. С. 72.
- 250 Панкратов В. С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 35–37.
- 251 Письма святых. С. 299.
- 252 Там же. С. 93.
- 253 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 139.
- 254 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 364.
- 255 Письма святых. С. 103.
- 256 Дневники. Т. 2. С. 133.
- 257 Росс Г. Н. Гибель. С. 297.
- 258 Дневники. Т. 2. С. 218.
- 259 Там же. См. также: Письма святых. С. 178.
- 260 Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 75.
- 261 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 142–143.
- 262 Хлынов, Владимир Александрович, протоиерей (1875–1932). О его роли в жизни Царской семьи и биографические сведения об отце Владимире см. в изд.: Царский выбор. С. 344–359, 563–565.
- 263 Росс Г. Н. Гибель. С. 297.
- 264 Предварительное следствие. С. 124.
- 265 Дитерихс М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. С. 74.
- 266 Это не совсем так, как будет видно далее: после перерыва богослужения возобновились (а походную церковь поставили уже после отъезда Государя), но общее ощущение от случившегося Боткина описывает, надо полагать, верно.
- 267 Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 44–45.
- 268 Подробнее об этом см. в изд.: Царский выбор. С. 319–325.
- 269 Тобольский рабочий. 1917. № 6. 30 дек. С. 5.
- 270 Там же. 1918. № 1(7). 6 янв. С. 3.
- 271 Там же. 1918. № 11(17); 21(8) февр. С. 2–3.
- 272 Росс Г. Н. Гибель. С. 226; Тобольский рабочий. 1918. № 3(9). 20 янв. С. 2.
- 273 Росс Г. Н. Гибель. С. 226.
- 274 1 февраля 1918 года декретом Совнаркома был введен Григорианский

- календарь, по которому 1 февраля становилось 14-м. Далее в тексте, если это специально не оговорено, даты приводятся по новому стилю.
- 275 Письма святых. С. 167.
- 276 Дневники. Т. 2. С. 229.
- 277 Из числа солдат 1-го, 2-го и 4-го Царскосельских стрелковых полков, охранявших пленников, стрелки 2-го полка были наиболее негативно настроены к Царской семье.
- 278 Дневники. Т. 2. С. 226.
- 279 Софийско-Успенский каменный собор был освящен в 1686 году. В 1715 году в нем был погребен митрополит Сибирский Иоанн (Максимович), последний святой, канонизированный в Императорской России. Собор был закрыт в ноябре 1930 года, вновь освящен в 1994 году.
- 280 Дневники. Т. 2. С. 321.
- 281 Письма святых. С. 232.
- 282 Там же. С. 148.
- 283 Там же. С. 262.
- 284 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 288.
- 285 Росс Г. Н. Гибель. С. 227.
- 286 Там же.
- 287 Письма святых. С. 269–270.
- 288 Там же. С. 267.
- 289 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 301, 304.
- 290 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 139.
- 291 Предварительное следствие. С. 310.
- 292 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 139; Письма святых. С. 182; Дневники. Т. 2. С. 197.
- 293 Письма святых. С. 243.
- 294 Там же. С. 245.
- 295 Росс Г. Н. Гибель. С. 227.
- 296 Песнопение «Душе моя, душе моя, покаяйся, что спишь?» из Великопостного канона святителя Андрея Критского.
- 297 Письма святых. С. 266.
- 298 Дневники. Т. 2. С. 325.
- 299 Письма святых. С. 272.
- 300 Там же. С. 280.
- 301 Дневники. Т. 2. С. 346.
- 302 Письма святых. С. 281.
- 303 Там же. С. 291.
- 304 Польской М., протопр. Новые мученики Российские. В 2 т. Джорданвилль, 1949–1957. 2-е репр. изд. М., 1994. Т. 1. С. 246.
- 305 ГА РФ. Ф. 10243. На 01.07.2015 г. документу не был присвоен номер описи, дела и листа.
- 306 Правда, можно отметить, что в 1899 году вышла брошюра: «Арсений, иеромонах. Обличение на книгу Фаррара, именуемую “Жизнь Иисуса Христа” синодального миссионера, строителя Воскресенского монастыря», одобренная протоиереем Иоанном Кронштадтским. Критик видит недостаточную почитательность Фаррара к Иисусу, как к Господу, а упор на человеческую составляющую природы Спасителя. Эти замечания можно признать верными, но в целом работа Фаррара имеет определенные достоинства и широко распространялась церковными инстанциями.
- 307 Дневники. Т. 2. С. 333.
- 308 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 295.
- 309 Письма святых. С. 140.
- 310 Там же.
- 311 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 275.
- 312 Учитель Цесаревича Алексея. С. 118.
- 313 Письма святых. С. 272.
- 314 Там же. С. 270.
- 315 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 275.
- 316 Учитель Цесаревича Алексея. С. 473.
- 317 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 277.
- 318 Там же. С. 267.
- 319 Письма святых. С. 202–203, 235, 280.
- 320 Там же. 203, 238.
- 321 ГА РФ. Ф. 1837. Оп. 2. Д. 11. Л. 123.

- 322 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 280.
- 323 Письма святых. С. 259.
- 324 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 256.
- 325 Там же. С. 280.
- 326 Там же. С. 261.
- 327 Далее даты указаны по новому стилю.
- 328 Письма святых. С. 141, 143, 167, 169, 272–273, 275–276.
- 329 Дивный свет. С. 176.
- 330 Там же. С. 178.
- 331 Там же. С. 180.
- 332 Там же. С. 218.
- 333 Росс Г. Н. Гибель. С. 228; Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 302.
- 334 Дневники. Т. 2. С. 376.
- 335 Предварительное следствие. С. 109.
- 336 Там же. С. 116.
- 337 Польской М., протопр. Новые мученики Российские. В 2 т. Джорданвилль, 1949–1957. 2-е репр. изд. М., 1994. Т. 1. С. 258.
- 338 Жильяр П. Император Николай II и его семья. Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г. Вена, 1921. С. 204.
- 339 Росс Г. Н. Гибель. С. 228–229.
- 340 Дневники. Т. 2. С. 426.
- 341 Там же.
- 342 Росс Г. Н. Гибель. С. 229, 585.
- 343 Возможно, это был латыш Ян Мартынович Свикке.
- 344 Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. Берлин, 1925. С. 112.
- 345 Там же.
- 346 Предварительное следствие. С. 142.
- 347 Из письма Императрицы к Анне Вырубовой от 19 апреля 1918 года. См.: Письма святых. С. 292.
- 348 ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 78. Л. 1–1 об. Сноска дается по изд.: Дневники. Т. 2. С. 397.
- 349 Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 95.
- 350 Каменная Вознесенская церковь была заложена в 1792 году. К началу XX века имела шесть престолов: в память Рождества Пресвятой Богородицы, в память Вознесения Господня, в честь святителя Митрофания Воронежского, в память Благовещения Пресвятой Богородицы, в честь иконы Божией Матери «Казанская» и в честь святого пророка Илии. В 1926 году церковь была закрыта. С 1991 года богослужения в ней возобновились.
- 351 Старая Вознесенская церковь была освящена в 1770 году, а при строительстве каменной Вознесенской церкви в 1808 году деревянная была перенесена на Верхне-Исетский завод. См.: Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 15, 17.
- 352 Дневники. Т. 2. С. 399.
- 353 Екатерининский собор был заложен в 1758 году. К началу XX века имел четыре престола: в честь святого Иоанна Богослова, первомученика архидиакона Стефана, великомученицы Екатерины и Свято-Троицкий. В 1930 году храм был взорван. В наше время у властей Екатеринбурга и епархии есть планы по восстановлению собора, но большинство горожан выступает против этого, предпочитая собору парк, разбитый на месте храма.
- 354 Отношения Царской семьи со священнослужителями в Екатеринбурге и биографические сведения о екатеринбургском духовенстве подробно представлены в изд.: Царский выбор. С. 366–413, 565–569.
- 355 Дневники. Т. 2. С. 405.
- 356 Там же. С. 407.
- 357 Большую часть из прибывших в Екатеринбург приближенных и слуг отправили обратно в Тобольск. Многие из них позднее расстреляли. Были арестованы и помещены в политическое отделение тюрьмы генерал-майор князь Василий Александрович Долгоруков, генерал-адъютант граф Илья Леонидович Татищев, графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, камердинеры Алексей Андреевич Волков и Терентий Иванович

- Чемодуров, матросы Климентий Григорьевич Нагорный и Иван Дмитриевич Седнев. Вскоре Василия Долгорукова, Илью Татищева, Анастасию Гендрикову, Екатерину Шнейдер, Климентия Нагорного и Ивана Седнева расстреляли. Алексею Волкову удалось бежать при конвоировании на расстрел. Терентий Чемодуров был освобожден из тюрьмы белогвардейцами, но, не выдержав потрясений, на следующий год скончался. На некоторое время оставались в Екатеринбурге учителя Пьер Жильяр и Чарльз Сидней Гиббс, бесстрашно пытаясь пробиться к Царской семье (позднее они выехали в Европу). Врачу Владимиру Николаевичу Деревенко разрешили жить на частной квартире в Екатеринбурге и навещать Цесаревича. Позднее он несколько раз подвергался арестам ОГПУ-НКВД (но скончался своей смертью в 1936 году).
- 358 Об отце Иоанне Сторожеве (1878–1927), помимо данных ссылки № 354, см. интересную публикацию: Сухарев Ю. М. «Скажи мне, Господи, путь...» (полная версия биографии протоиерея Иоанна Сторожева). URL: <http://sukharev-y.ru/?p=1230> (дата обращения: 28.11.2016).
- 359 Здесь отметим некоторую странность. В книге «записей дежурств членов Отряда особого назначения по охране Николая II» за 31 мая зафиксирована «просьба граж[данина] Боткина от имени семейства бывшего царя Н. Романова о разрешении им еженедельно приглашать священника для службы обедни». В той же книге за 2 июня отмечено: «По разрешению обл. Сов. для службы обедни Романову были приглашены священник Екатеринбургск. собора поп Иван с дьяконом той же церкви». А отец Сторожев говорит, что солдат передал прошение Царя об обеднице. См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 24. Л. 2, 4. Цит. по изд.: Дневники. Т. 2. С. 456, 459.
- 360 Росс Г. Н. Гибель. С. 95–98.
- 361 Дневники. Т. 2. С. 471.
- 362 Там же.
- 363 Там же. С. 471–472.
- 364 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 2. Д. 24. Л. 6. Цит. по изд.: Дневники. Т. 2. С. 478.
- 365 Дневники. Т. 2. С. 490.
- 366 Там же. С. 492.
- 367 Там же. С. 522.
- 368 Там же. С. 513.
- 369 Можно заметить, что, хотя самоубийц принято не отпевать (а раньше их хоронили за оградой кладбища), были исключения. Так, в 1237 году при нашествии татар, супруга князя Федора Юрьевича Рязанского, княгиня Евпраксия Рязанская (Зарайская) при очевидной угрозе поругания своей женской чести от татар (по другой версии при известии о мученической кончине мужа) выбросилась с башни вместе с сыном младенцем Иоанном. Она канонизирована в лике святых благоверных княгинь. Можно привести и другой пример. В житии святых Зосимы и Савватия Соловецких рассказан случай воскрешения святым Зосимой женщины, наложившей на себя руки от страха перед несправедливым гневом мужа. Значит, Господь нашел ее достойной воскрешения (при том, что случаи воскресения мертвых, согласно житиям, вообще единичны). Есть и иконография этого сюжета. См.: Повесть о Зосиме и Савватии. Факсимильное изд. М., 1989. С. 40–41; Книга глаголемая описание о российских святых. М., 1888. Репр. изд. с доп. М., 1995. С. 240.
- 370 ГА РФ. Ф. 740. Оп. 1. Д. 12. Л. 1. Цит. по изд.: Дневники. Т. 2. С. 514.
- 371 Дневники. Т. 2. С. 527.
- 372 Росс Г. Н. Гибель. С. 98–101.
- 373 Письма святых. С. 340.
- 374 Григорьев Ю. Последний Император России: Тайна гибели. М.; СПб.; Владимир, 2009. С. 92.
- 375 Дневники. Т. 2. С. 513.
- 376 Книга вышла первым изданием в 1902 году и с тех пор неоднократно переиздается вплоть до настоящего времени.
- 377 Книга вышла первым изданием в 1896–1897 годах и также переиздается и популярна до настоящего времени.
- 378 Подробнее см.: Предварительное следствие. С. 408–414; Учитель

- Цесаревича Алексея. С. 554–564; Росс Г. Н. Гибель. С. 466.
- 379 Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, лествица, в русском переводе. С алфавитным указателем. Седьмое издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1909. [Такой год издания указан на обложке, а на титульном листе: 1908.] Слово 25. № 53. С. 184; Слово 25. № 66. С. 187; Слово 26. № 163. С. 206; Слово 27. № 83. С. 231.
- 380 Здесь и далее подчеркивание соответствует двойному подчеркиванию в оригинале.
- 381 О терпении скорбей. Учение святых отцов, собранное епископом Игнатием Брянчаниновым. СПб., 1893. Цит. по изд.: Письма святых. С. 404–409.
- 382 По всей видимости, в изд.: «Сборник кратких благоговейных чтений на все дни года» графа П. А. Валуева. Цит. по изд.: Письма святых. С. 409.
- 383 Rappaport Helen. Ekaterinburg. The Last Days of the Romanovs. London, 2009. P. 165–167. Перевод Вадима Максимова.
- 384 Дневники. Т. 2. С. 527, 530, 531.
- 385 Евр. Гл. 10. Ст. 7
- 386 Цит. по изд.: Триумф и трагедии (полное наименование см. на с. 343). С. 156–157.
- 387 Подробнее см.: Семенов В. А. 11 марта 1901 года: Миф или реальность (пророчества Авеля и Гатчинский дворец). URL: <http://history-gatchina.ru/article/avel.htm> (дата обращения: 01.09.2016).
- 388 Цит. по изд.: Триумф и трагедии. С. 165.
- 389 Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003. С. 467.
- 390 Триумф и трагедии. С. 165.
- 391 ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. 1854. Д. 93. Л. 12 об. Цит. по изд.: Триумф и трагедии. С. 165.
- 392 Голос минувшего. 1917. Апрель. Цит. по изд.: Триумф и трагедии. С. 187.
- 393 Дневники Императора. Т. 1. С. 742.
- 394 Можно отметить, что в тот же день Великий князь Сергей Александрович в своем дневнике о свидании с Прасковьей отметил: «Курьезное впечатление!». См.: ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 103. Цит. по изд.: Триумф и трагедии. С. 179.
- 395 Составитель книги «Святой Царь Николай и новые мученики российские» Владимир Губанов, в этом месте повествования добавляет: «Блаженная Параскева, ожидая Государя, не велела готовиться особо, но просила сделать из глины 9 солдатиков и сварить чугунок картошки в мундирах. <...> Параскева Ивановна, когда Государь вошел, взяла палочку и пошибала головки у всех солдатиков, предсказывая их мученическую кончину [неясно, почему 9, ведь членов Царской семьи было 6, на следующий год — 7, со слугами, погибшими в Ипатьевском доме — 11. — К.К.], а к трапезе предложила картошку в мундирах, что значило суровость их последних дней». См.: Святой Царь Николай и новые мученики российские: Пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы / сост. Владимир Губанов. М., 2004. С. 75. Цит. по изд.: Триумф и трагедии. С. 181.
- 396 Дивеевские предания / сост., прим. А. Н. Стрижева. М., 1996. С. 270–271.
- 397 Там же. С. 40, 41.
- 398 Правда, уже на следующей странице воспоминаний, несколько противореча собственному утверждению о том, что Супруги ничего не поняли из слов блаженной, Серафима (Булгакова) повествует: «После этого [визита] со всеми серьезными вопросами Государь обращался к Прасковье Ивановне, посылал к ней Великих князей». (См.: Дивеевские предания / сост., прим. А. Н. Стрижева. М., 1996. С. 40, 41.) Подтверждений этому, разумеется, нет.
- 399 Дивеевские предания / сост., прим. А. Н. Стрижева. М., 1996. С. 41.
- 400 Апокрифами в древности (и ныне в ученой среде) назывались, в частности, благочестивые христианские сочинения, в целом не противоречащие преданию Церкви. Поэтому, говоря «апокриф», в данном случае мы не даем какой-либо негативной оценки творчеству протоиерея Стефана Ляшевского и монахини Серафимы (Булгаковой).

- 401 Цит. по изд.: Якобий И. П. Император Николай II и революция. Tallinn, 1938. С. 2.
- 402 Там же.
- 403 Неспроста книгу Палеолога издали в советской России практически сразу после революции. Ее содержание «играло на руку» большевикам. См.: Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923.
- 404 Гиппиус З. Н. Синяя книга. Петербургский дневник, 1914–1918. Белград, 1929. С. 39. Цит. по изд.: Раппапорт. С. 391.
- 405 Seymour, Dorothy. Manuscript, Petrograd, 1916–1917, box ref.: 95/28/1/, catalogue no. 3210. Imperial War Museum. Ссылка и цит. дается по изд.: Раппапорт. С. 388, 589.
- 406 Волошин М. А. «Жизнь — бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., комм. В. П. Купченко. М., 1995. С. 87.
- 407 Предварительное следствие. С. 182.
- 408 Саблин Н. В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт. СПб., 2008. С. 358.
- 409 Примечательно, что по свидетельству очевидцев и 1 августа 1917 года при отъезде Царской семьей из Петрограда на перроне ее провожала «молчаливая, неподвижная толпа», а когда состав тронулся «серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками, шапками. Замахала молча, без единого возгласа». См. изд.: Артабалеvский Н. А. Об отъезде Царской семьи в Тобольск // Возрождение. № 4142. 29 июля 1938. Цит. по изд.: Якобий И. П. Император Николай II и революция. Tallinn, 1938. С. 378, 380.
- 410 Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества конвой. М, 2008. С. 276.
- 411 Мордвинов А. А. Из пережитого: Воспоминания флигель-адъютанта Императора Николая II. В 2 т. М., 2014. Т. 2. С. 532–533; Раппапорт. С. 382.
- 412 Архив УФСБ по Тюменской обл. Ф. 5. Оп. 38. Д. 7116. Т. 3. Л. 194-к.
- 413 Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 304.
- 414 British Abbot who was Friend of Murdered Czar // Singapore free press. 1936. 20 march. Ссылка и цит. дается по изд.: Раппапорт. С. 484, 583.
- 415 Раппапорт. С. 480–485.
- 416 Жильяр Пьер. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 152.
- 417 Мф. Гл. 6. Ст. 25.
- 418 Мф. Гл. 26. Ст. 37–44. Перевод К. Г. Капкова. См.: Канонические Евангелия: Новая русская редакция. М., 1997. С. 113. Сравните с синодальным переводом: Мф. Гл. 26. Ст. 37–44; Мк. Гл. 14. Ст. 32–44; Лк. Гл. 22. Ст. 39–46.
- 419 Никольский К. Т., прот. Пособие к изучению устава Православной Церкви. СПб., 1907. С. 688.
- 420 Соколов Д., прот. Учение о богослужении Православной Церкви. СПб., 1902. С. 108.
- 421 Там же. С. 110.
- 422 Дебольский Г. С., прот. Православная Церковь в ее таинствах, богослужении, обрядах и требах. Репр. изд. М., 1994. С. 318.
- 423 Полное собрание законов. (1). Т. XXIV. СПб., 1830. № 17910. С. 588.
- 424 Свод законов Российской Империи. В 16 т. В 5 кн. Кн. 1. (Т. 1–3.) СПб., 1912. С. 1, 5.
- 425 См.: Повесть о Зосиме и Савватии. Факсимильное изд. М., 1989; Ровинский Д. Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок в тамошней ризнице. СПб., 1884.
- 426 Можно отметить, что Церковь всегда возносила особые молитвы о Царе, его семье и роде. В частности, начиная со второй четверти XVIII века, в течение богослужебного года литургически отмечались так называемые царские (высокоотжественные) дни рождений и тезоименитств Императора, Императрицы, Наследника и других главных членов Императорского Дома, юбилеи Восшествия Государа на престол и Священного коронования. Кроме этого,

- разного рода чинопоследованиями: молебнами, панихидами, прошениями на ектеньях и т.п. отмечались и некоторые другие события в жизни Царской семьи (во второй половине XIX — начале XX века, например, память мученической кончины Императора Александра II, юбилей чудесного спасения при крушении поезда на станции Борки Императора Александра III). Число таких дней в году в среднем насчитывалось более десятка. Также можно обратить внимание, что в XVIII веке за неслужение в высочайший день священника ожидало серьезное наказание, но в XIX — начале XX века такой практики уже не было. См.: Никольский К. Т., прот. Пособие к изучению устава Православной церкви. СПб., 1907. С. 568–572, 686–692, 846–847. Он же. Возглашения на литургии о Царе и Царском семействе. СПб., 1897.
- 427 Последование в Неделю Православия. СПб., 1904. Цит. по изд.: Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX века — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 632.
- 428 Солнце России. 1917. № 367. С. 1.
- 429 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100-а. Л. 9.
- 430 Там же.
- 431 ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2100. Л. 3.
- 432 Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской семьи. М., 1992. С. 114.
- 433 Lomonosoff G. V. *Memoirs of the Russian revolution*. New-York, 1919. P. 54–55.
- 434 Подробнее см.: Иголкин А. А. Ленинский нарком: у истоков советской коррупции (паровозная афера) // Новый исторический вестник. 2004. № 10. 2004. С. 18–54.
- 435 Вскоре книга Ломоносова была опубликована на русском языке за границей, а в наше время — в России. Изображение акта (со временем отречения: 15 часов) приведено без каких-либо комментариев о различии с англоязычным изданием. См.: Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции. Стокгольм-Берлин, 1921. С. 58; М., 1994. С. 254–255.
- 436 Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы / под ред. П. Е. Щеголева. Л., 1927. Репр. изд. М., 1990. С. 245.
- 437 ГА РФ. Служебное дело ф. 601. Л. 16–17.
- 438 РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (доп.). Д. 25. Л. 10 об.
- 439 Протокол допроса графа В. Б. Фредерикса Чрезвычайной следственной комиссией от 2 июня 1917 года // Земляченко М. А. «Oldgentleman» Фредерикс и Император Николай II. Симферополь, 2011. С. 213.
- 440 Можно отметить, что сличение мемуаров очевидцев отречения, проведенное Петром Мультиаули, многих обличает во лжи и желании выгородить себя. См.: Мультиаули П. В. Николай II. Отречение, которого не было. М., 2010. Несмотря на значительное количество неточностей, а иногда и ошибок, в целом, на наш взгляд, исследователь высказал веские аргументы ошибочности некоторых общепринятых положений в интерпретации событий, непосредственно связанных с отречением.
- 441 Подлинников этих телеграмм нет, они хранятся в ГА РФ только в машинописных копиях без оригинальных подписей.
- 442 См., например: Тихменев Н. М. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925. С. 28–32. Ссылка дается по изд.: Дневники. Т. 1. С. 357.
- 443 ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 10. Сноска дается по изд.: Дневники. Т. 1. С. 461.
- 444 Солоневич И. Л. За тенью Распутина // Наша газета. София, 1939. Цит. по: Путь без иллюзий. URL: <http://kargopolov.spb.ru/forum.html?func=view&catid=13&id=4572> (дата обращения 29.12.2015).
- 445 Бошановский Василий, прот. Саровские торжества. Прославление мощей преподобного Серафима Саровского // Четвертый удел Богородицы. Б.г. Ссылка дается по изд.: Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 118.

- 446 Андрей (Ухтомский), архим. Царь и народ. Казань, 1903. Цит. по изд.: Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 97; Деятель. 1903. № 10.
- 447 Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 7/8. С. 193–195; Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 21. С. 483–485. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2008. С. 80.
- 448 Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 3. С. 3. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2008. С. 86.
- 449 Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1917. № 16231. С. 4. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 479.
- 450 Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1917. № 16133. С. 1. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2008. С. 476.
- 451 Можно заметить, что архиепископ Андрей (Ухтомский) был канонизирован Русской Православной Церковью за рубежом в 1981 году. Протоиерей Философ Орнатский канонизирован Русской Православной Церковью в 2000 году.
- 452 Ахеронт или Ахерон — в греческой мифологии название реки, через которую души мертвых безвозвратно попадали в подземное царство Аида.
- 453 Адамович Г. В. Василий Алексеевич Маклаков. Париж, 1959. Цит. по изд.: Религия и Церковь в Сибири: Сб. науч. ст. и документальных материалов. Вып. 11. Тюмень, 1998. С. 60–63.
- 454 Константин (Зайцев), архимандрит. Чудо Русской истории, 2002. С. 266. Цит. по изд.: Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX века — 1918 г.). Исследования и материалы. М., 2011. С. 606.
- 455 Польской М., протопр. Новые мученики Российские. В 2 т. Джорданвилль, 1949–1957. 2-е репр. изд. М., 1994. Т. 1. С. 260.
- 456 Мф. Гл. 10. Ст. 38–39.
- 457 Дневники Императора. Т 2. Ч. 1. С. 53; Ч. 2. С. 189.
- 458 Древнерусские княжеские жития / подготовка текстов, пер. и коммент. В. В. Кускова. М. 2001. С. 65, 66.
- 459 Мф. Гл. 26. Ст. 52–54.
- 460 Подробнее см.: Федоров Г. П. Собр. соч. В 10 т. Т. 8. Святые Древней Руси. М., 2000. С. 16–27; Древнерусские княжеские жития / подготовка текстов, пер. и коммент. В. В. Кускова. М. 2001. С. 44–70, 91–131.
- 461 Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Воспоминания. Париж, 1927. Цит. по изд.: Григорий Распутин. Сб. исторических материалов. В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 213.
- 462 Чтобы перечислить примеры оскорблений Императорской четы, требуется отдельная книга. Приведем один пример. В марте 1917 года член Государственной думы от фракции правых (позднее беспартийных) епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) в речах неоднократно именовал свергнутого Императора Николая II «Иродом, упивавшимся вином», а Императрицу, мать пятерых детей, ни много и ни мало как «беснующей Иродиадой». Его речи были опубликованы в епархиальной прессе. С «зарей свободы» многие «потеряли голову». Пример владыки Никона — пример крайности, но по своему показательный. В июле 1917 года владыка снял с себя сан и монашество, обвенчавшись с бывшей ученицей подведомственного ему духовного заведения, скандал об отношениях с которой разгорелся еще до революции. После свадьбы жена бывшего владыки была убита. После этого в конце 1917 года бывший архиерей возглавил Министер-

- ство исповеданий Украинской Рады и подрабатывал в газетах театральным критиком. Скончался в 1919 году. См.: Енисейская церковная нива. 1917. № 3. С. 20–22; Забайкальские епархиальные ведомости. 1917. № 9/10. С. 309–310. Цит. по изд.: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви / сост. М. А. Бабкин. Изд. 2-е испр. и доп. М., 2008. С. 292–293.
- 463 Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 296.
- 464 2 Кор. Гл. 12. Ст. 9–10.
- 465 Буксгевден С. Жизнь и трагедия. Т. 1. С. 298.
- 466 Панкратов В. С. С царем в Тобольске. Из воспоминаний. М., 1990. С. 35.
- 467 Медицина и Императорская власть. С. 189, 214, 219.
- 468 Дитерихс. М. К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. С. 434.
- 469 Так считает, например, английский ученый Хелен Раппапорт, опубликовавшая в 2014 году в целом весьма ценную работу: «Four sisters: The lost lives of Romanov Grand duchesses» (русское издание вышло с измененным названием: «Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни»). Отметим, что в исследовании Раппапорт использованы труднодоступные для российского историка зарубежные архивы.
- 470 См., например, изд.: «Я полюбил страдание, так удивительно очищающее душу». Святитель Лука, исповедник, архиепископ Симферопольский и Крымский. Сб. / сост. Л. А. Чуткова. М., 2014.
- 471 Киево-Печерский патерик. Киев, 2002. С. 222.
- 472 Алдошина А. Е., Алдошина Н. Е. Монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова). Жизнеописание // Иулиания (Соколова М. Н.), монахиня. Труд иконописца. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1998. С. 29–30, 33.
- 473 Мф. Гл. 19. Ст. 12.
- 474 Дивный свет. С. 76.
- 475 Там же. С. 226–227.
- 476 Там же. С. 378.
- 477 Письма Царицы Александры Федоровны подруге юности Тони Беккер-Брахт / сост., предисл., комм. Л. Хоффманн-Кунт; пер. с нем. Е. А. Копыловой. СПб., 2013. С. 148.
- 478 Позднее и замужество Аликс случилось после скоропостижной кончины отца своего жениха — Императора Александра III. Возможно, определенная схожесть обстоятельств помогла молодоженам лучше понимать скорбь друг друга и еще более сблизила их.
- 479 Цит. по изд.: Раппапорт. С. 32.
- 480 Выражая недовольство тем, что Алиса лично кормит грудью, Королева Виктория назвала «в честь» нее одну из своих племенных коров. См.: Раппапорт. С. 32.
- 481 Раппапорт. С. 67, 96.
- 482 Мейнулас А., Мироненко С. Николай и Александра. М., 1998. С. 144.
- 483 Там же. С. 196, 197.
- 484 Медицина и Императорская власть. С. 196.
- 485 Там же. С. 195.
- 486 РГИА. Ф. 468. Оп. 46. Д. 94. Л. 20–21. Ссылка и цит. дается по изд.: Медицина и Императорская власть. С. 201–202.
- 487 Дневники Императора. Т. 1. С. 678–679.
- 488 Раппапорт. С. 122.
- 489 РГИА. Ф. 525. Оп. 1 (208/2706). Д. 43. Л. 6, 16. Ссылка дается по изд.: Медицина и Императорская власть. С. 209.
- 490 Впервые информация о болезни Цесаревича была опубликована в Лондоне 9 ноября 1912 года, а на следующий день в Нью-Йорке. После этого она стала относительно широко проникать в Россию. См.: Раппапорт. С. 262.
- 491 Цит по изд.: Медицина и Императорская власть. С. 262.
- 492 Цит по изд.: Дивный свет. С. 509.
- 493 Медицина и Императорская власть. С. 212; Мейнулас А., Мироненко С. Николай и Александра. М., 1998. С. 352.
- 494 Мельник (Боткина) Т. Е. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921. С. 73.

- 495 Цит. по изд.: Медицина и Императорская власть. С. 264. По воспоминаниям Анны Вырубовой, текст телеграммы был: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают». См.: Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 79.
- 496 Эти факты и взаимоотношения Императорской четы с Григорием Распутиным рассмотрены нами в изд.: Царский выбор. С. 90–122, 202–204.
- 497 Переписка. С. 883.
- 498 Цит. по изд.: Дневники. Т. 1. С. 259.
- 499 Мы писали об этой ситуации и выше на с. 196–197.
- 500 Росс Г. Н. Гибель. С. 450.
- 501 Дневники. Т. 2. С. 374.
- 502 Росс Г. Н. Гибель. С. 450.
- 503 Медицина и Императорская власть. С. 209, 213.
- 504 Жильяр Мари-Клод. Сундук из России. Воспоминания об Александре Теглевой-Жильяр — няне детей Императора Николая II. М., 2015. С. 56.
- 505 Жирарден Даниэль. Губернер Романовых. Судьба Пьера Жильяра в России. М., 2011. С. 30.
- 506 Дневник протоиерея. С. 356.
- 507 Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. СПб., 1998. С. 82.
- 508 Мф. Гл. 7. Ст. 16.
- 509 Заметим, что в период Первой мировой войны Царица активно участвовала в политической жизни страны, стараясь помочь Государю. Императрица нередко советовала кандидатуры на различные должности. При этом, анализ переписки Царя и Царицы периода 1914–1917 годов приводит к выводу, что Государь всегда выслушивал Императрицу, но в большинстве случаев принимал другое решение, то есть был совершенно независим в кадровых вопросах. (Подробнее об этом см. в изд.: Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. СПб., 1991. С. 567–568 и др.) Слепая зависимость Государя от мнения супруги, а ее в свою очередь от мнения Григория Распутина — «черный пиар» либеральной оппозиции, активно используемый ей в политической борьбе. К сожалению, эта ложь полностью не изжита до сих пор.
- 510 Медицина и Императорская власть. С. 223.
- 511 Воррес Ян. Мемуары Великой Княгини Ольги Александровны. М., 2003. Цит. по изд.: Раппапорт. С. 53.
- 512 Мф. Гл. 11. Ст. 16–17.
- 513 Медицина и Императорская власть. С. 226.
- 514 Боханов А. Н. Александра Федоровна. М., 2008. С. 275; Раппапорт. С. 333.
- 515 Заметим, что особо любимый Императорской семьей преподобный Серафим Саровский, тоже бывал в свое время «белой вороной» для монастырской братии.
- 516 Подробнее см. в главе: «Духовное становление Венценосцев».
- 517 Ин. Гл. 15. Ст. 18–20. Сноска С. М. Зарина.
- 518 Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Этическое богословское исследование. СПб., 1907. 2-я паг. С. 662–665.
- 519 Лампада Параклита: История, лики, современность, святыни. Подворье Троице-Сергиевой лавры «Параклита-ва пустынь», 2006. С. 70–71.
- 520 Знаки препинания соответствуют рукописи Великой княжны, в скобках дан вариант, приведенный в печатном издании стихов Бехтеева. См.: Бехтеев С. Песни русской скорби и слез / сост. и предисловие прот. А. Шаргунова. М., 1996. С. 23–24.
- 521 Письма святых. С. 324. Впервые было опубликовано в изд.: Православная жизнь. Джорданвилль. 1968. № 7. С. 3–4. Исследователь Хелен Раппапорт отмечает, что происхождение этого отрывка подтверждается в неопубликованных мемуарах княгини Варвары Долгоруковой «Навсегда ушедшая: некоторые страницы из моей жизни в России, 1885–1919», хранящихся в архиве Губеровского института войны, революции и мира в США. См.: Раппапорт. С. 581.
- 522 Рим. Гл. 12. Ст. 19, 21; Второзаконие. Гл. 32. Ст. 35.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

– ДНИ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРЕМ СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАЙН, 1896–1918 ГГ. –

*Таблица составлена по дневниковым записям
Государя, откуда приведены и цитаты*

Год	Суббота 1-й седмицы Великого Поста	Великий четверг	День восшествия на престол, 21 октября	Другие дни
1	2	3	4	5
1896	10 февраля, («все вместе»)	— ¹	—	14 мая, вторник, Священная Коронация; (с супругой)
1897	1 марта («вместе с дочкой»)	—	—	—
1898	— ²	2 апреля («с Ольгой, Татьяной и д[ядей] Алексеем [Александровичем]»)	—	—

1	2	3	4	5
1899	6 марта («все вместе»)	15 апреля (с супругой, «с дочками и д[ядей] Алексеем [Александровичем]»)	—	—
1900	26 февраля (вероятно, с семьей) ³	6 апреля (всей семьей)	—	—
1901	17 февраля (вероятно, с семьей)	29 марта (с супругой, «с детьми и д[ядей] Алексеем [Александровичем]»)	—	—
1902	2 марта (вероятно, с супругой)	11 апреля (с супругой, «со всеми детьми и д[ядей] Алексеем [Александровичем]») ⁴	—	—
1903	22 февраля (вероятно, с семьей)	3 апреля, («все наличное семейство и многие из господ»)	—	18 июля, пятница, накануне прославления преп. Серафима Саровского; (вместе с супругой)
1904	14 февраля (вероятно, с супругой)	25 марта (с супругой, «с детьми и д[ядей] Алексеем [Александровичем]») ⁵	—	—
1905	5 марта (вероятно, с семьей)	14 апреля («все вместе»)	—	—
1906	18 февраля (вероятно, с семьей)	30 марта («мы со всеми детьми») ⁶	—	—

- 1 Государь с супругой «привели своих дочек», но сами не причащались.
- 2 Государь в дневнике записал: «Мамá и все причастились Св. Тайн; я надеюсь приобщиться с дороною жешушкой на Страстной». См.: Дневники Императора. Т. 1. С. 394.
- 3 Государь в дневнике записал: «Отрадно было причаститься Св. Тайн именно сегодня, в день рождения дорогого Папá». См.: Дневники Императора. Т. 1. С. 521.

- 4 Императрица в день перед Причастием отметила: «Какое утешение снова пойти вместе к святому причастию и в первый раз с четырьмя маленькими девчушками». См.: Дневники Императора. Т. 1. С. 656.
- 5 В этом году на Страстной четверг выпал праздник Благовещения Пресвятой Богородицы.
- 6 В этот день Государь отметил, что после причастия Святых Тайн «на несколько часов нашло душевное успокоение». См.: Дневники Императора. Т. 2. Ч. 1. С. 122.

1	2	3	4	5
1907	10 марта (вероятно, всей семьей)	19 апреля (вероятно, всей семьей)	—	—
1908	1 марта, («все вместе»)	10 апреля (вероятно, всей семьей)	—	—
1909	14 февраля, (вероятно, всей семьей)	26 марта (вероятно, всей семьей)	Среда, (с супругой и «со всеми детьми»)	—
1910	6 марта (вероятно, всей семьей)	15 апреля («с детьми»)	— ⁷	—
1911	26 февраля, («всей семьей»)	7 апреля («всей семьей и с [Великим князем] Дмитрием [Павловичем]»)	Пятница («всею семьею») ⁸	—
1912	11 февраля, («всей семьей»)	22 марта, (всей семьей и «многие из свиты, дам и людей»)	Воскресенье (вероятно, всей семьей и «со многими из свиты, казаков, солдат») ⁹	— ¹⁰
1913	2 марта, («всей семьей»)	11 апреля (вероятно, всей семьей)	Понедельник (вероятно, всей семьей)	—
1914	22 февраля (вероятно, с семьей и «с дамами, казаками и ниж. чинами Свод. полка и певчими I-го жел. дор. полка»)	3 апреля (вероятно, с семьей и «со многими из свиты и из людей»)	Вторник («всей семьей»)	—

7 21 октября в Дармштадте причащалась Государыня с сестрой Елизаветой Федоровной.

8 Накануне Цесаревич Алексей исповедовался в первый раз.

9 Семья приобщалась Святых Тайн в Спале во время болезни Цесаревича, который причащался 10 и 21 октября.

10 13 июня, накануне юбилея дня рождения Великой княжны Марии Николаевны, Императрица причастилась вместе с дочерью. См.: Дневники Императора. Т. 2. Ч. 1. С. 670.

1	2	3	4	5
1915	7 февраля (с семьей и «вместе с нашими дамами, Воейков[ым], Ресиным ¹¹ , казаками и нижн. чинами по 30 чел. от Конвоя и от Свод[ного] полка»)	19 марта (с семьей)	Среда (вероятно, с семьей)	9 августа, воскресенье, память мученика Алексея; (вместе с супругой) ¹²
1916	27 февраля (с семьей и Григорием Распутиным ¹³)	— ¹⁴	Пятница (всей семьей)	—
1917	18 февраля (всей семьей)	—	22 октября, воскресенье (всей семьей)	Великая суббота, 1 апреля, (всей семьей «со свитой и остальными людьми»)
1918	23 марта ¹⁵ (всей семьей)	—		

11 Воейков, Владимир Николаевич (1868–1947), генерал-майор свиты Его Величества, дворцовый комендант; Ресин, Алексей Алексеевич (1866–?), генерал-майор свиты Его Величества, командир Собственного Его Величества Сводного пехотного полка.

12 В этот день Государь в дневнике записал: «Такое великое утешение в эти тяжелые дни!» На следующий день (и в несколько последующих) Великая княжна Ольга Николаевна писала в дневнике: «Помоги, Боже». Имелась в виду тяжелая обстановка на фронте. См.: Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 146; Августейшие сестры милосердия. С. 119.

13 Факт причащения вместе с Григорием Распутиным в дневнике Государя не отмечен, но это видно из письма Императрицы от 5 апреля 1916 года. См.: Переписка. С. 559.

14 Государь был на богослужении в Ставке, но не причащался. В дневнике отметил, что причащались генерал «Алексеев и многие из штаба». Императрица со всеми детьми в этот день причащались в Царском Селе. См.: Дневники Императора. Т. 2. Ч. 2. С. 221.

15 По новому стилю.

- ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ -

Праздник Царской Семьи	Старый стиль	Новый стиль	Современный месяцеслов
1	2	3	4
Тезоименитство Великой княжны Анастасии Николаевны	22 декабря	4 января	Вмц. Анастасии Узорешительницы (ок. 304). Мчч. Хрисогона, Феодотии, Евода, Евтихиана и иных (ок. 304). Сщмчч. Димитрия Киранова и Феодора Поройкова пресвитеров (1938).
Тезоименитство Великой княжны Татьяны Николаевны	12 января	25 января	Мц. Татианы и с нею в Риме пострадавших (226–235). Свт. Саввы, архиеп. Сербского (1237). Прп. Мартиниана Белоозерского (1483). Мч. Мертия (284–305). Мч. Петра Авессаломита (309–310). Прп. Евпраксии Тавенской (393).
Тезоименитство Государыни Императрицы Александры Федоровны	23 апреля	6 мая	Вмч. Георгия Победоносца (303). Мц. царицы Александры (303). Мчч. Анатолия и Протолеона (303). Прп. Софии (1974). Сщмч. Иоанна Ансерова пресвитера (1940).

1	2	3	4
День рождения Государя Императора Николая II	6 мая 1868 г.	19 мая	Прав. Иова Многострадального (ок. 2000–1500 гг. до Р. Х.). Прп. Михея Радонежского (1385). Прп. Иова Почаевского (XVII). Мчч. Вáрвара воина, Вакха, Каллимаха и Дионисия (ок. 362). Мч. Вáрвара, бывшего разбойника.
Коронация Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Федоровны	14 мая 1896 г.	27 мая	Мч. Исидора (251). Блж. Исидора, Христа ради юродивого, Ростовского чудотворца (1474). Свт. Никиты, затворника Печерского, еп. Новгородского (XII). Мч. Максима (ок. 250). Прп. Серапиона Синдонита (V). Свт. Леонтия, патриарха Иерусалимского (1175). Сщмч. Петра Рождествина пресвитера (1939).
День рождения Государыни Императрицы Александры Федоровны	25 мая 1872 г.	7 июня	Третье обрѣтение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (ок. 850). Свт. Иннокентия, архиеп. Херсонского (1857). Сщмч. Ферапонта, еп. Кипрского (IV). Прмч. Елены Коробковой (1938). Прмч. Тавриона Толоконцева (1939).
День рождения Великой княжны Татьяны Николаевны	29 мая 1897 г.	11 июня	Прмч. Феодосии девы (730). Блж. Иоанна, Христа ради юродивого, Устюжского (1494). Обрѣтение мощей Прп. Иова, в схиме Иисуса, Анзерского (2000). Мч. Феодосии девы, Тирской (307–308). Сщмч. Иоанна Преображенского диакона и мч. Андрея Трофимова (1938). Свт. Луки исп., архиеп. Симферопольского (1961).
День рождения Великой княжны Анастасии Николаевны	5 июня 1901 г.	18 июня	Сщмч. Дорофея, еп. Тирского (ок. 362). Перенесение мощей блгв. вел. кн. Игоря Черниговского и Киевского (1150). Блж. Константина, митр. Киевского и всея России (1159). Блгв. кн. Феодора Ярославича (брата св. Александра Невского), Новгородского (1233). Обрѣтение мощей прпп. Вассиана и Ионы Пертоминских, Соловецких чудотворцев (1599). Мчч. Маркиана, Никандра, Иперехия, Аполлона, Леонида, Ария, Горгия, Селиния, Ириния и Памвона (305–311). Прп. Феодора чудотворца (ок. VI).

1	2	3	4
			Прп. Анувия, пустынника Египетского (IV). Прп. Дорофея, из обители аввы Серрида (VI). Сщмч. Михаила Вотякова пресвитера (1931); сщмч. Николая Рюрикова пресвитера (1943).
День рождения Великой княжны Марии Николаевны	14 июня 1899 г.	27 июня	Прор. Елисея (IX в. до Р. Х.). Свт. Мефодия, патриарха Константинопольского (847). Обрѣтение мощей сщмч. Владимира, митр. Киевского (1992). Блгв. кн. Метислава, во Святом Крещении Георгия, Храброго, Новгородского (1180). Прп. Мефодия, игумена Пешношского (XIV). Прп. Елисея Сумского (XV–XVI). Собор Дивеевских святых. Сщмч. Иосифа Сикова пресвитера (1918). Сщмчч. Александра Парусникова, Павла Иванова пресвитеров и Николая Запольского диакона (1932).
Тезоименитство Великой княжны Ольги Николаевны	11 июля	24 июля	Воспоминание чудамц. Евфимии всехвальной, им же Православие утвердися (451). Равноап. Ольги, вел. княгини Российской, во Святом Крещении Елены (969). Обрѣтение мощей сщмч. Илариона, архиеп. Верейского (1992). Мч. Киндея пресвитера (III–IV).
Тезоименитство Великой княжны Марии Николаевны	22 июля	4 августа	Мироносицы равноап. Марии Магдалины (I). Перенесение мощей сщмч. Фоки (403–404). Прп. Корнилия Переяславского (1693). Сщмч. Михаила Накарякова пресвитера (1912). Сщмч. Алексия Ильинского пресвитера (1931).
День рождения Цесаревича Алексея Николаевича	30 июля 1904 г.	12 августа	Апп. от 70-ти Силы, Силуана, Крискента, Епенета и Андроника (I). Мч. Иоанна Воина (IV). Прп. Анатолия Оптинского, Младшего (1922). Обрѣтение мощей прп. Германа Соловецкого (1424). Мчч. Полихрония, еп. Вавилонского, Пармения, Елимы и Хрисотеля пресвитеров, Луки и Муко диаконов, Авдона и Сениса, князей Персидских, мчч. Олимпия и Максима (ок. 251). Сщмч. Валентина (Уалентина) епископа и трех учеников его мчч. Прокула,

1	2	3	4
			Ефива и Аполлония и прав. Авундия (ок. 273). Собор Самарских святых. Сщмч. Иоанна Плотникова диакона (1918).
Тезоименитство Цесаревича Алексея Николаевича	5 октября	18 октября	Мц. Харитины (304). Свтг. Петра, Алексия, Ионы, Макария, Филиппа, Иова, Ермогена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария, Московских и всея России чудотворцев. Прпп. Дамиана пресвитера, целebника (1071), Иеремии (ок. 1070) и Матфея (ок. 1085) прозорливых, Печерских, в Ближних пещерах. Прп. Харитины, кн. Литовской, в Новгороде подвизавшейся (1281). Сщмч. Дионисия, еп. Александрийского (264–265). Мц. Мамелхвы Персидской (ок. 344). Прп. Григория Хандзтийского (261) (Груз.). Прп. Гавриила Игошкина исп. (1959).
Восшествие на престол Государя Императора Николая II	21 октября 1894 г.	3 ноября	Прп. Илариона Великого (371–372). Перенесение мощей свт. Илариона, еп. Меглинского (1206). Прп. Илариона, схимника Печерского, в Дальних пещерах (XI). Прп. Илариона Псково-езерского, Гдовского. Прпп. Феофила и Иакова Омучских (ок. 1412). Мчч. Дасия, Гаия и Зотика (303). Сщмчч. Павлина, архиеп. Могилевского, Аркадия, еп. Екатеринбургского, и с ними Анатолия Левицкого и Никандра Чернелевского пресвитеров и мч. Киприана Анникова (1937). Сщмч. Дамиана, архиеп. Курского (1937). Сщмчч. Константина Чекалова, Сергия Смирнова, Василия Никольского, Феодора Беляева, Владимира Введенского, Николая Раевского, Иоанна Козырева, Василия Козырева, Александра Богоявленского, Димитрия Троицкого и Алексия Москвина пресвитеров, Сергия Казанского и Иоанна Мельницкого диаконов, прмчч. Софрония Несмеянова и Неофита Осипова (1937). Прмч. Пелагии Тестовой (1944).

1	2	3	4
<p>День рождения Великой княжны Ольги Николаевны</p>	<p>3 ноября 1895 г.</p>	<p>16 ноября</p>	<p>Мчч. Акесима епископа, Иосифа пресвитера и Аифала диакона (IV). Мчч. Атика, Агаша, Евдоксия, Катерия, Истукария, Пактовия, Никтополиона и дружины их (ок. 320). Прп. Акесима (IV). Прав. Снандулии (IV). Сщмч. Николая Динариева пресвитера и мч. Павла Парфенова (1918). Сщмчч. Василия Архангельского, Петра Орленкова, Василия Покровского, Александра Зверева, Владимира Писарева, Сергея Кедрова, Николая Пятницкого, Викентия Смирнова, Иоанна Кесарийского, Петра Косминкова, Александра Парусникова, Павла Андреева, Космы Петриченко пресвитеров и Симеона Кречкова диакона (1937). Мц. Евдокии Сафроновой (1938). Сщмч. Сергея Станиславлева диакона (1942).</p>
<p>Бракосочетание Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Федоровны</p>	<p>14 ноября 1894 г.</p>	<p>27 ноября</p>	<p>Апостола Филиппа (I). Прп. Филиппа Ирапского (1527). Правоверного царя Иустиниана (565) и царицы Феодоры (548). Свт. Григория Паламы, архиеп. Фессалонитского (1357). Сщмчч. Димитрия Беневоленского, Александра Быкова, Виктора Ильинского, Алексея Нечаева, Михаила Белюстина, Михаила Некрасова, Феодора Баккалинского, Петра Титова, Алексея Никологорского, Сергея Знаменского, Николая Дунаева, Василия Лихарева, Александра Покровского, Николая Виноградова, Димитрия Лебедева, Порфирия Колосовского, Василия Никольского, Георгия Извекова, Василия Розанова, Сергея Спасского, Александра Чекалова, Сергея Руфицкого пресвитеров, Николая Богородского диакона, прмч. Аристарха Заглюдина-Кокорева, мчч. Гавриила Безфамильного, Димитрия Рудакова, мц. Анны Зерцаловой (1937). Сщмч. Феодора Грудакова пресвитера (1940). Сщмч. Сергея Константинова пресвитера (1941).</p>
<p>Тезоименитство Государя Императора Николая II</p>	<p>6 декабря</p>	<p>19 декабря</p>	<p>Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца (ок. 335).</p>

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В БИБЛИОГРАФИИ

Августейшие сестры милосердия. — Августейшие сестры милосердия / сост. Н. К. Зверева. М., 2006.

Буксгевден С. Жизнь и трагедия. — Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России: Воспоминания фрейлины в трех книгах. В 2 т. М., 2012.

Дивный свет. — Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова. Дивный свет: дневниковые записи, переписка, жизнеописание / сост., ред. и автор жизнеописания монахиня Нектария (Мак Лиз). Пер. с англ. Л. Васенина, Т. Оводова. М., 2014.

Дневник протоиерея. — Дневник протоиерея А. И. Беляева, настоятеля Федоровского собора в Царском Селе // Августейшие сестры милосердия / сост. Н. К. Зверева. М., 2006. С. 349–376.

Дневники Императора. — Дневники Императора, 1894–1918. В 2 т. М., 2011–2013.

Дневники. — Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны, 1917–1918. В 2 т. М., 2012.

Медицина и Императорская власть. — Медицина и Императорская власть в России. Здоровье Императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX–начале XX века / под ред. Г. Г. Онищенко. М., 2008.

Переписка. — Переписка Николая и Александры, 1914–1917. М., 2013.

Письма святых. — Письма святых Царственных мучеников из заточения. 3-е испр. и доп. изд. СПб., 1998.

Предварительное следствие. — Соколов Н. А. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998. (Российский Архив; История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.; [Т.] VIII).

Раппапорт. — Раппапорт Хелен. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни / пер. с англ. А. Мовчан. М., 2016.

Росс Г. Н. Гибель. — Гибель Царской семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (август 1918–февраль 1920) / сост. Г. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Триумф и трагедии. — Хрусталева В. М. Тайны на крови. Триумф и трагедии Дома Романовых. М., 2014.

Учитель Цесаревича Алексея. — Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова [Чарльз Сидней Гиббс]: дневники и воспоминания. М., 2013.

Царский выбор. — Капков К. Г. Царский выбор: Духовный мир Императора Николая II и его Семьи. Последние священники при Царе. Вольная жертва. К 100-летию великомученического подвига Царственных страстотерпцев. Село Белянка; М.; Ташкент; Вятка, 2016.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Архивные источники:

Архив УФСБ по Тюменской области
(Ф. 5. Оп. 38. Д. 7116).

Государственный архив Российской Федерации (Ф. 601. Оп. 1. Д. 1503. Л. 2, 3; Д. 2100. Л. 3; Д. 2100-а. Л. 5; Д. 2101. Л. 1; Д. 2101-а. Л. 1; Д. 1630. Сн. 101; Д. 2281. Л. 78; Ф. 651. Оп. 1. Д. 320. Л. 5 об.; Ф. 10243 (на 01.07.2015 г. илл. не был присвоен номер описи, дела и листа).

Российский государственный архив кинофотодокументов (5-329, 330, 335, 1365, 2049, 2055, 2063, 3173, 3176, 5129).

Российский государственный исторический архив (Ф. 805. Оп. 1. Д. 1624. Л. 3 об.).

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (П 255. Сн. 1, 2, 7, 8, 103; П 436. Сн. 112, 113; П 642. Сн. 1; П 785. Сн. 53; П 787. Сн. 30; П. 835. Сн. 10).

Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, USA. (Альбомы А. А. Вырубовой).

Печатные источники:

Августейшие визиты в Крым: 1900, 1902, 1909 гг. (Из собрания Алушкинского государственного дворцово-паркового музея-заповедника.) Фотоальбом. Симферополь, 2013. С. 137.

Альбом тобольских видов / Фото Павла Паутова, текст Капитана Голодникова. Тобольск, 1864. [Без номеров стр.]

Вестник Царскосельского района: Журнал, посвященный вопросам лечения, эвакуации и призраения раненых воинов. 1916. № 9. С. 7.

Год семьи. Принцесса — Царица — Мать — Мученица, 1918–2008. Каталог выставки. Дармштадт, 2008. [Без номеров стр.]

Думин С. В. Россия. История коронаций. М., 2013. С. 460.

Жильяр Мари-Клод. Сундук из России. Воспоминания об Александре Теглевой-Жильяр — няне детей Императора Николая II. М., 2015. С. 86.

Земляниченко М. А. Дворцовая церковь в Ливадии: история Крестовоздвиженского храма. Симферополь, 2012. С. 37, 56.

Зимин И. В. Взрослый мир императорских резиденций. Вторая четверть XIX — начало XX в. Повседневная жизнь Российского Императорского двора. М., 2011. С. 461.

Капков К. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской Империи XVIII — начала XX в.: Итоги к 1917 году. М., 2009. Вклейка.

Кинг Дэвид. Пропавшие комиссары. Фальсификации фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху. М., 2005. С. 34.

Медицина и Императорская власть в России. Здоровье Императорской семьи и медицинское обеспечение первых лиц России в XIX — начале XX века / под ред. Г. Г. Онищенко. М., 2008. С. 211.

Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и их ближайших окрестностей: Краткий исторический справочник. СПб., 2007. С. 68, 90, 92.

Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова [Чарльз Сидней Гиббс]: дневники и воспоминания. М., 2013.

Переписка Николая и Александры, 1914–1917. М., 2013. Вклейка.

Перов А. И. Судьба и долг // Московский журнал. 1997. № 5. С. 52.

Русские Императорские яхты. Конец XVII — начало XX в. СПб., 1997. Илл. № 278.

Саровские торжества 1903 года в фотографиях, документах, воспоминаниях. Дивеево, 2003. С. 116.

Священный образ Тавриды: Православные святыни Крыма в изобразительном искусстве. [Альбом] / сост. Т. С. Шорохова. Симферополь, 2012. С. 502.

Следствие длиною в век: Гибель семьи Императора Николая II. М., 2014. С. 135, 165, 174.

Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. СПб., 1998. Илл. № 58.

Тихон (Затёкин), архим. Царское Верхотурье. Нижний Новгород, 2013. С. 97, 164, 286.

Феодоровский Государев собор в Царском Селе. Пещерный храм во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца. М., 1915. С. 51, 53, 61.

Царское имение «Ливадия» в акварелях и фотодокументах: альбом / сост. Тихонова Л. А., Проколова Л. И. 2-е изд. перераб. Симферополь, 2013. С. 141.

Царскосельский район и Особый эвакуационный пункт. 1915. № 9. С. 31; № 10. С. 53.

Шитов В. В. Дом Ипатьева: летописная хроника в документах и фотографиях (1877–1977). Екатеринбург; Челябинск, 2013. С. 78.

Янченко С. Ф. Большая церковь Зимнего дворца. СПб., 2009. С. 64.

Irone sa Balkana: Sinaj, Grčka, Bugarska, Jugoslavija. Beograd; Sofija, 1970. P. 48.

L'illustration. Paris, 1920. № 4059. 18 декабря; 1921. № 4063. 15 января.

Lomonosoff G. V. Memoirs of the Russian revolution. New York, 1919. P. 54, 55.

The private world of the last Tsar in the photographs and notes of general count Alexander Grabbe, 1912–1917. Boston-Toronto, 1984. P. 61, 71, 132, 142.

Илл. также были предоставлены:

Императорским Православным Палестинским обществом,

Древлехранилищем (музеем) памяти Семьи Императора Николая II Кресто-воздвиженской дворцовой церкви в Ливадии,

Тобольским историко-архитектурным музеем-заповедником,

Фондом исторической фотографии имени Карла Буллы (г. Санкт-Петербург),

Сергеем Фоминым (г. Москва),

протоиереем Валерием Лавриковым (г. Екатеринбург).

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ АВТОРА (В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ)

- 1.** Капков К. Г. Канонические Евангелия: Новая русская редакция. — М.: ООО «Ин-стант», 1997. — 10 000 экз. Рецензию см.: Православная энциклопедия. — Т. 5. — М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2002. — С. 161.
- 2.** Капков К. Г. Награждение духовенства орденом святого Великомученика Георгия, наперсным крестом и панагией на Георгиевской ленте // X Всерос. нумизматическая конф.: Тезисы докладов и сообщений: Псков, 15–20 апреля 2002 г. — М.: ГИМ, 2002. — С. 266–268. — 500 экз.
- 3.** Капков К. Г. Награды, пожалованные духовенству из Кабинета Е.И.В. в царствование Императора Александра I (по архивным источникам) // XII Всерос. нумизматическая конф.: Тезисы докладов и сообщений: Москва, 19–24 апреля 2004 г. — М.: ГИМ, 2004. — С. 214–216. — 500 экз.
- 4.** Капков К. Г. История награждений Российского духовенства Императорскими и Царскими орденами в конце XVIII — первой половине XIX вв. (по архивным источникам) // XIII — Всероссийская нумизматическая конф.: Тезисы докладов и сообщений: Москва, 11–15 апреля 2005 г. — М.: Гос. музей Изобразительных Искусств имени А. С. Пушкина, 2005. — С. 169–170. — 500 экз.
- 5.** Капков К. Г. Награды военного духовенства // Православная энциклопедия. — Т. 9. — М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2005. — С. 158–159. — 39 000 экз.
- 6.** Капков К. Г., Левин С. С. Георгия св. орден. Награждение духовенства // Православная энциклопедия. — Т. 11. — М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2006. — С. 124–125. — 39 000 экз.
- 7.** Капков К. Г. Малоизвестные награждения и предложения о пожалованиях духовенства знаками отличия на орденских лентах (по материалам РГИА и РГАДА) // XIV Всероссийская нумизматическая конф.: Тезисы докладов и сообщений: С.-Петербург — Гатчина, 16–21 апреля. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. — С. 241–242. — 500 экз.
- 8.** Капков К. Г. Памятная книга военного и морского духовенства: Справочные материалы. — М.: Информационный центр «Летопись», 2008. — 752 с. — 40 с. илл. — 750 экз.
- 9.** Капков К. Г. Екатерины св. орден // Православная энциклопедия. — Т. 18. — М.: Церк.-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2008. — С. 219–220. — 39 000 экз.
- 10.** Капков К. Г. Эволюция отношения православного духовенства к Императорскому ордену, 1797–1917 гг. (по материалам РГИА и ГА РФ) // XV Всероссийская нумизматическая конф.: Тезисы докладов и сообщений: Ростов-на-Дону, 19–24 апреля 2009 г. — М.: ГИМ, 2009. — С. 231–233. — 600 экз.
- 11.** Капков К. Г. Очерки по истории военного и морского духовенства Российской Империи XVIII — начала XX веков: Итоги к 1917 году. — М.: Информационный центр «Летопись», 2009. — 256 с. — 48 с. илл. — 1000 экз.
- 12.** Капков К. Г. Материалы к жизнеописаниям священномучеников Василия (Коклина), Дмитрия (Гливенко), Алексея (Смирнова), Сергея (Лебедева), Сергея (Цветкова) и других священнослужителей, с ними пострадавших. — Авт.-сост. К. Г. Капков. — М.: Информационный центр «Летопись», 2010. — 172 с. — 24 с. илл. — 220 экз.

- 13.** Капков К. Г. Загадочная медаль: История медали Воспитательного Дома и список награжденных. — М.: Информационный центр «Летопись»; Белгород: Духовно-просветительский Центр имени митрополита Макария (Булгакова), 2011. — 256 с. — илл. — 1200 экз.
- 14.** Капков К. Г. Священники — кавалеры Императорского Военного ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия. — М.: «Летопись», 2012. — 868 с. — илл. — цв. вклейка. — 1500 экз.
- 15.** Капков К. Г. История сел Зимовенька и Белянка Белгородской области, XVII—XXI вв. Церковь. События. Люди: [книга-альбом.] — Село Зимовенька; Белгород; М.: «Церковно-исторический проект "Летопись"», 2012. — 120 с. — илл. — 1200 экз.; 2-е изд. испр. и доп. — 2015. — 120 с. — илл. — 1000 экз.
- 16.** Капков К. Г., Фельдман Д. З. О награждении раввинов России в царствование Николая II (по архивным документам) // XVII Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений: Москва — Пушкино, 22–26 апреля. — М.: ГИМ, 2013. — С. 195–197. — 500 экз.
- 17.** Капков К. Г., Сорокин В. И., прот. Синодик кавалеров ордена святого князя Владимира. [Словарь духовенства всех вероисповеданий, награжденных орденом св. Владимира.] СПб.: Князь-Владимирский собор, 2015. — 616 с. — 250 экз.
- 18.** Капков К. Г. Царский выбор: Духовный мир Императора Николая II и его Семьи. Последние священники при Царе. Вольная жертва. К 100-летию великомученического подвига Царственных страстотерпцев. Село Белянка; М.; Ташкент; Вятка: «Летопись», «Буквица», 2016. — 592 с. — илл. — 1300 экз.
- 19.** Капков К. Г., Фельдман Д. З. О награждении руководителей еврейских и караимских общин в царствование Императора Николая II («Алфавитный список раввинов и газзанов, пожалованных государственными наградами в царствование Императора Николая II») / Публикация // Архив еврейской истории. — Т. 8 / гл. ред. О. В. Будницкий. — М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2016. — С. 130–155. — 700 экз.
- 20.** Капков К. Г. О подготовке и целях музейно-выставочной работы к 100-летию заключения под стражу и убийства Царской семьи // XIX Елисаветинско-Сергиевские чтения. Увековечивание памяти Царской Семьи: задачи и перспективы. К 100-летию гибели: сб. докладов. — М.: Елисаветинско-Сергиевское просветит. о-во, 2017. — С. 161–164. — 300 экз.
- 21.** Капков К. Г. О цельности духовного пути Императрицы Александры Феодоровны // Гессенские принцессы в российской истории: сб. материалов науч. конф. 19 декабря 2017 г., Франкфурт-на-Майне / Отв. ред. А. В. Громова. — М.: Союз-дизайн, 2017. С. 164–172. — 300 экз.
- 22.** Капков К. Г., Максимов В. Ю. Священники — кавалеры ордена св. Георгия // Посев: общественно-политический журнал. — 2017. — № 4. — С. 19–24; № 6. — С. 4–8; № 8. — С. 30–34; № 10. — С. 33–36; № 12. — С. 22–29. — 800 экз.
- 23.** Капков К. Г., Максимов В. Ю. За службу и храбрость. Священники — кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы. (Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви.) — М.: Книжный мир, 2018. — 704 с., илл. — 1 000 экз.
- 24.** Капков К. Г. Последний духовник Императора Николая II и его Семьи: тобольский протоиерей Владимир Хлынов. По архивным документам / Отв. ред. А. В. Громова. — М.: Елисаветинско-Сергиевское просветит. о-во; Тобольск: ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение»; Издательский дом ТОНЧУ, 2018. — 120 с., илл. — 1 500 экз.
- 25.** Капков К. Г. Последний священнослужитель Императора Николая II и его Семьи: екатеринбургский протоиерей Иоанн Сторожев. По архивным документам / Отв. ред. А. В. Громова. — М.: Елисаветинско-Сергиевское просветит. о-во, 2018. — В печати.

ОТЗЫВЫ НА МОНОГРАФИЮ «ДУХОВНЫЙ МИР ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ»

Отзыв радио «ВЕРА»:

В данной книге есть факты и воспоминания тех, кто соприкасался с Царем и его Семей, в том числе тех, кто был их врагами. Знакомясь ближе с жизнью этой Семей, поражаешься их любви, полной и беззаветной верности Христу, которая выражается в бескорыстном и бесстрашном служении стране и ближним, в смирении, в прощении предателей и врагов, в принятии воли Божией. Поражаешься отношениям всех членов Царской семьи между собой, а также отношением Семей к тем, кто им служил и к тем, у кого они были в плену. Трогает до глубины души и сердца беспримерная чистота и святость Венценосной семьи!

Господи, прости нас, что мы не такие как Они, что мы оказались недостойными Святого Царя!

Радио ВЕРА

Рецензия доктора исторических наук Дмитрия Михайловича Володихина:

Даже среди историков, публицистов, общественных деятелей, с искренним уважением относящихся к памяти Императора Николая II и его Семей, многие основывают свои рассуждения о духовном мире Царя с женой и детьми, а также об их семейном быте, пронизанном чертами православия, на весьма незначительном количестве твердо установленных фактов. До сих пор в этой сфере зияла брешь недостаточной изученности вопроса. Казалось бы, Государь Николай Александрович с ближайшими родными находится в фокусе общественного внимания, почитается как большой православный святой... Но сведения о его повседневной жизни, взятой под углом вероисповедания, имеют фрагментарный характер; по целому ряду позиций они отмечены удивительной скудостью. Автор книги дает обширные, превосходно систематизированные сведения о том, сколь часто и как молились, держали пост, исповедовались

и причащались члены Императорской семьи, какие книги религиозного содержания они читали, какие храмы посещали. К. Г. Капков показывает, с одной стороны, разумную умеренность Государя, его жены и детей в вероисповедных вопросах, а с другой — их полную погруженность в православие и совершенную преданность основам Христовой веры. Автор книги использует не только известные источники, освещающие судьбу Царской семьи, но и малодоступные тексты, давая им, при необходимости, критическую оценку. Помимо разного рода мемуаров, дневников, писем, материалов прессы, опубликованных фотоальбомов, К. Г. Капков построил свой рассказ о Венценосном семействе на солидной базе архивных материалов. Видно, что он использовал документы из, как минимум, шести архивов, вводя в научный оборот некоторые бумаги, до сих пор не затронутые чьей-либо исследовательской активностью. Поразительно богатство фото-материала, представленного в книге. Тут обнаруживается немало по сию пору не публиковавшихся фотодокументов, в том числе из провинциальных музеев и частных коллекций. Нельзя сказать, что автор книги предлагает читателям безэмоциональное, аполитичное повествование о Царе Николае

Александровиче, его супруге и детях. Нет, К. Г. Капков высказывает четко обоснованное отношение к судьбе монаршей Семьи. Книга его имеет весомое значение не только для изучения истории, она важна и, думается, будет востребована в сфере современной общественной мысли России, даже в сфере политики. Как минимум, политики культурной. Например, К. Г. Капков справедливо снимает с Императора Николая II все обвинения в отречении от престола и отрицает за самим актом отречения (бумаги крайне сомнительной!) «безусловное значение юридического документа». Более того, уже постановка вопроса о «законности» этой бумаги вызывает у автора книги скепсис. Ведь, по его словам, «события конца февраля — начала марта 1917 года развивались... не в правовой плоскости». Не может не радовать твердость позиции К. Г. Капкова по части того, как должно русскому обществу наших дней относиться к памяти истребленного Царского семейства и самого зверского убийства, совершенного большевиками. Полагаю, книга К. Г. Капкова — значительное событие, и для профессиональных историков, и для искренних патриотов России.

*Профессор МГУ
Дмитрий Володихин*

Представленная книга
является подарочным изданием,
подготовленным радиостанцией
«ВЕРА»

*Радио «ВЕРА» простым и понятным
языком рассказывает современным
жителям мегаполиса о вечных
истинах Православной веры.
В эфире радиостанции — только
светлая музыка, а среди программ
— рассказы о любви, славных
страницах истории, о детях
и самых обычных жизненных
радостях. Также среди ежедневных
программ радиостанции —
церковный календарь, толкование
Евангельских чтений, программы
об истории, о воспитании
детей и семейных ценностях.
Кроме разговорных программ,
звучит лучшая отечественная
и зарубежная музыка.*

**Круглосуточное
FM-вещание
доступно для
прослушивания
в следующих
городах:**

Альметьевск 99,6 FM, Анапа 91,8 FM, Аргудан 106,4 FM, Братск 107,2 FM, Вышний Волочек 104,5 FM, Донецк 102,6 FM, Ейск 101,1 FM, Екатеринбург 93,7 FM, Задонск 103,9 FM, Ижевск 97,0 FM, Иркутск 88,5 FM, Киров 90,8 FM, Кисловодск 95,0 FM, Липецк 97,9 FM, Матвеев Курган 107 FM, Медное 107,9 FM, Москва 100,9 FM, Мосолово 101 FM, Новосибирск 94,6 FM, Омск 90,5 FM, Орёл 95,6 FM, Осташков 99,4 FM, Пермь 95,0 FM, Петрозаводск 101 FM, Пятигорск 89,2 FM, Ржев 102,4 FM, Рязань 102,5 FM, Самара 96,8 FM, Севастополь 103,7 FM, Симферополь 89,3 FM, Смоленск 88,4 FM, Старый Оскол 104,0 FM, Тюмень 92,4 FM, Феодосия 106,1 FM, Хабаровск 107,9 FM, Ялта 106,8 FM.

**В 2018–19 годах
планируется
запуск вещания
в следующих
городах:**

Волгоград 92,6 FM,
Калининград 97,0 FM,
Керчь 101,8 FM, Краснодар 87,9 FM, Красноярск 95,4 FM, Мурманск 94,0 FM, Оренбург 88,3 FM, Пенза 94,7 FM, Томск 92, 6 FM, Черкесск 102,3 FM, Ханты-Мансийск 107,1 FM, Череповец 106,7 FM, Ярославль 98,3 FM.

*Слушайте радио «ВЕРА»
на официальном сайте
радиостанции [www.
radiovera.ru](http://www.radiovera.ru) и через
бесплатные мобильные
приложения, доступные
для скачивания в Google
play и Apple store.*

Константин Геннадиевич Капков

**ДУХОВНЫЙ МИР ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ II И ЕГО СЕМЬИ**

Художник: Елена Поповская

Верстка: Мария Климова

Корректурa: Елена Тарасова

Отпечатано в типографии «Парето-принт»

Тел: +7-4822-62-00-17

sales@pareto-print.ru

Тираж: 10 000 экз.

Радио «Вера»

www.radiovera.ru

t.babitskaya@radiovera.ru (по вопросам сотрудничества);

info@radiovera.ru (по общим вопросам)

Церковно-исторический проект «Летопись»

www.centretopis.ru

Тел.: +7-964-563-22-56

kapkov2004@mail.ru

В книге впервые подробно рассмотрены различные аспекты религиозной жизни последней Царской семьи вплоть до ее мученической кончины, а также вопросы, связанные с отстранением Государя от престола в марте 1917 года. Исследование построено на эпистолярных, мемуарных и архивных источниках, содержит большое количество иллюстраций, в том числе не изданных ранее. Работа рассчитана на широкий круг читателей, как специалистов, так и знакомящихся с царской темой впервые.

На фото: Царская семья. 1906 г. Фотографы Императорского Двора Ф. Г. Буассон и Ф. О. Эгглер

*Слушайте Радио ВЕРА
на radiovera.ru и через
мобильные приложения*

 ВЕРА
СВЕТЛОЕ РАДИО